

ЕВРЕЙСКИЕ
ОБЩИНЫ
СИБИРИ И
ДАЛЬНОГО
ВОСТОКА

Выпуск седьмой

Красноярский филиал Благотворительного
фонда «Джойнт»

Институт социальных и общинных
работников Сибири и Дальнего Востока

Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока
Выпуск седьмой

Виктория РОМАНОВА

**Власть и евреи на Дальнем Востоке
России: история взаимоотношений**

(вторая половина XIX в. — 20-е годы XX в.)

Красноярск 2001

ББК 63.3 (253)

Р69

Ответственный редактор
канд. ист. наук, проф. **Я.М. Кофман**

Издание осуществлено при поддержке "Джойнт"
(American Jewish Distribution Committee)

Романова В.В.

Р69 Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.). – Красноярск: Изд-во «Кларетианум», 2001 г. 292 с.

Новая книга доктора исторических наук В. Романовой (Хабаровский государственный педагогический университет) посвящена проблемам формирования и деятельности еврейских общин Дальнего Востока со 2-й половины XIX в. до их фактического уничтожения советской властью в 20-х гг. XX в.

Книга, в основу которой легли материалы, изученные автором на протяжении многих лет в крупнейших архивных хранилищах страны и региона, содержит богатый фактический материал.

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3 (253)

© Институт социальных и общинных
работников Сибири и Дальнего
Востока, 2001 г.

ISBN-5-94491-018-6

Введение

Сегодня уже совершенно очевидно, что мир в начале XXI века столкнулся с новыми вызовами, возможно, меняющими весь миропорядок. В средства массовой информации перекочевали обсуждавшиеся прежде футурологами и политологами пророчества о грядущем конфликте цивилизаций как глобальной проблеме. Нетрудно предположить, что эти новые реалии чреваты ростом ксенофобии в различных государствах мира, что особенно опасно для обществ многонациональных и многоконфессиональных, к числу которых, как известно, относится и Россия. В этих условиях проблема формирования национальной и религиозной терпимости, толерантности как черты массового общественного сознания приобретает особое значение. Ее решение в нашей стране осложняется отсутствием традиций гражданского общества, затяжным системным кризисом, затронувшим все сферы жизни социума и выразившимся, в том числе, в острых межэтнических конфликтах. Не способствует гармонизации национальных отношений и ведущаяся война с терроризмом, имеющим выраженную этническую окраску.

В силу целого комплекса причин в общественном сознании россиян фиксируется рост различных форм этнофобии. В этом ряду не последнее место занимает антисемитизм. И хотя острота проблемы антисемитизма заметно снизилась с изменением государственного курса страны, с существенным снижением доли евреев в общей структуре населения вследствие их массовой

эмиграции, а также в связи с ростом настроений кавказофобии, напряжение вокруг нее остается. Это явление не есть порождение исключительно нынешних условий, оно имеет свои исторические корни, социокультурную основу. На протяжении не одного десятилетия антисемитизм существовал на двух уровнях – государственном и бытовом – как в дореволюционный, так и в советский периоды нашей истории. Сегодня, в условиях демократизации России, какие бы формы она ни принимала, отсутствие государственного антисемитизма во многом компенсируется деятельностью немалого числа политических организаций, проповедующих крайний национализм и юдофобию. Их поддержка определенной частью населения свидетельствует о том, что в силу целого ряда причин антисемитизм продуцируется в самом обществе. Как и много лет назад, существует немалая доля людей (причем относящихся не только к маргинальным слоям), связывающих свои собственные беды и все беды России, как нынешние, так и прошлые, с “пагубной ролью” евреев в отечественной истории. Это обуславливает актуальность исследований, связанных с историей российского еврейства, его экономической, политической и социокультурной ролью в жизни страны, взаимоотношениями с государством и обществом, тем более что в течение многих десятилетий этот круг проблем был исключен из научного обсуждения.

Как известно, в условиях России с ее огромными территориями и цивилизационной неоднородностью традиционно мощным было воздействие региональных факторов. Это не могло не отражаться на деятельности местных властных структур, хотя они и действовали в рамках единого правового поля. В этой связи, на взгляд автора, значительный интерес представляет история российского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. Геополитическое положение восточной окраины России, своеобразие этно-конфессионального и социального состава местного населения, особенности его ментальности накладывали определенный отпечаток и на состояние “еврейского вопроса” в крае, и на отношение к нему представителей органов власти, как центральной, так и местной. Исследование

того исторического пласта представляется актуальным не только с точки зрения восполнения определенной ниши в историографии Дальнего Востока и в целом России, но и для восстановления исторической памяти как российских евреев, в том числе проживающих на востоке страны, так и русского народа, спаянных в течение многих веков общей судьбой.

Проблема взаимоотношений государства и еврейского населения на Дальнем Востоке России никогда не являлась объектом самостоятельного исследования. Но обращение к ней было бы невозможным без опоры на историографическую традицию, заложенную С. Дубновым, Ю. Гессеном, другими представителями дореволюционной школы, а также на труды современных авторов.

Первые работы, посвященные евреям Сибири (а к ней относилась вся территория Российской империи, расположенная к востоку от Уральских гор), появились в конце XIX в. Это были публикации юридического характера¹.

В начале XX в. продолжали выходить работы, в которых также рассматривалось, главным образом, правовое положение сибирских евреев, однако взгляд на проблему стал более широким. Так, в книге Г.А. Белковского "Русское законодательство о евреях в Сибири" не только анализировалось российское законодательство о евреях Сибири (включая положения, регулировавшие их проживание на территории Дальнего Востока), не только выявлялся его противоречивый характер, но и объяснялись причины этого явления.² Наряду с этим автор дал общую краткую характеристику особенностей экономической деятельности, а также культурно-психологического статуса сибирских евреев.³ Резюмируя проблему правового положения евреев Сибири, автор пришел к выводу, что она выдвинулась в те годы в число наиболее жгучих и наиболее проблем внутренней жизни России.⁴

Это обстоятельство обусловило появление целого ряда статей публицистического характера, посвященных положению сибирских евреев. Они были направлены на мобилизацию русской и еврейской общественно-

сти и защите евреев Сибири, страдавших от бесправия и произвола властей. Вместе с тем в них содержится интересный материал, характеризовавший экономический и социальный облик местного еврейства, его своеобразные культурно-психологические черты. Ввиду отсутствия научных монографических трудов по данной проблеме эти публикации представляют несомненный интерес для современных исследователей.

Среди этой группы работ выделяется статья бывшего советника Омского областного правления Т.И. Тихонова "Сибирские евреи, их права и нужды", опубликованная в 1905 г.⁵ Она была написана на основе доклада, сделанного на заседании общества востоковедов в Санкт-Петербурге. Год спустя автор выпустил также брошюру "Еврейский вопрос в России и Сибири"⁶, фактически повторявшую содержание доклада и статьи.

Работа Т.И. Тихонова отражает взгляд либерально мыслящего сибиряка на проблему еврейского населения региона. В ней отмечается конструктивный вклад евреев в освоение этого богатого края, рассматриваются некоторые особенности их ментальности. Однако основное внимание автор уделил характеристике правового положения сибирского еврейства, а также соответствующей политике местной администрации. Отметив противоречивость и запутанность законодательства, поставившего евреев в полную зависимость от местной власти, он указал на факторы, обусловившие чиновничий произвол. Это, по его мнению, общая отсталость Сибири, отсутствие там земских учреждений, бесцензурной печати, суда присяжных и других институтов, которые уже действовали в европейской части страны. Следует отметить, что в данной статье впервые в литературе вопрос о положении евреев в Сибири увязывался не только с несовершенством законодательства, но и с произволом местных властных структур.

Во многом работа написана под впечатлением от вышедшего 12 декабря 1904 г. Указа Николая II, в котором объявлялось о намерении произвести пересмотр действовавших постановлений, ограничивавших права т.н. инородцев, в т.ч. евреев. Однако надежды на пересмотр законодательства, всколыхнувшие как евреев,

так и русскую демократическую общественность, так и не оправдались. Более того, правила въезда и проживания евреев в Сибири ужесточились. Это вызвало новые публикации в защиту сибирского еврейства. Несколько раз к этой проблеме возвращался на своих страницах журнал "Сибирские вопросы". Так, в 1908 г. была опубликована статья "Еврейский вопрос в Сибири" известного еврейского публициста М. Мыша, с тревогой отмечавшего обострение ситуации с евреями в регионе. Автор указал на сложившуюся на основе действовавшего законодательства парадоксальную практику: правом жить в Сибири наделялись только запятнавшие себя перед законом евреи.⁷

Проблеме усиления гонений на сибирских евреев была посвящена также публикация "Мытарства евреев Сибири", помещенная в журнале в 1911 г. Её безымянный автор разоблачал произвол местных властей, создавших целую систему "шпионажа на почве преследований" евреев с вовлечением в нее широкого круга лиц⁸.

В том же 1911 г. в Санкт-Петербурге была опубликована брошюра "Сибирские евреи". Она интересна тем, что ее автор, Ю. Островский, совершил путешествие по Сибири и собрал интересный материал о жизни местных евреев. Объясняя причины обращения к данной теме, автор справедливо указал на "чрезвычайную скудость нашей литературы о сибирских евреях", а также на "смутное представление евреев европейской России о своих братьях в далекой окраине"⁹. Работа примечательна тем, что наряду с изложением истории поселения евреев в Сибири, а также создания соответствующего законодательства, автор предпринял попытку дать обзор еврейской жизни края, при этом отметив, что эта цель представлялась весьма непростой ввиду отсутствия хотя бы приблизительной статистики, а также слабой организации сибирских общин¹⁰. И тем не менее, наблюдения автора представляют чрезвычайный интерес для исследователей, тем более, что таких свидетельств — единицы.

Проблема положения сибирского еврейства в эти годы привлекает внимание видного историка Ю. Гессе-на. В выпущенной им в 1911 г. книге «Закон и жизнь»

рассматривались законы, регламентировавшие, в том числе, проживание евреев в Сибири. Более полно этот вопрос был рассмотрен в статье «Сибирь», написанной для XIV тома «Еврейской энциклопедии»¹¹.

Единственной работой, посвященной жизни одной из сибирских еврейских общин, была книга В.С. Войтинского и А.Я. Горнштейна «Евреи в Иркутске», изданная в 1915 г. Она является одновременно и уникальным историческим исследованием, и произведением публицистического жанра. Её авторы, известные в городе, а позднее и в регионе общественные деятели¹², на фоне общей характеристики сибирского еврейства исследовали историю возникновения и деятельности одной из крупнейших еврейских общин Сибири – иркутской. Они дали общий обзор экономического положения местных евреев, их участия в различных сферах деятельности, показали взаимоотношения еврейской общины с администрацией и иркутским обществом.

Несмотря на выраженную А.Я. Горнштейном и В.С. Войтинским надежду на то, что “предпринятое в Иркутске дело найдет отклик в других городах Сибири”¹³, их книга осталась единственным в дореволюционной историографии исследованием по еврейской истории региона. Что касается территории Дальнего Востока, то жизнь евреев этой части страны оставалась *terra incognita* для публицистики и тем более для отечественной историографии. Вместе с тем многие наблюдения и характеристики дореволюционной жизни сибирских евреев, отраженные в литературе, были вполне применимы к их дальневосточным собратьям, ибо, согласно «Учреждению Сибирскому», Дальний Восток являлся частью Сибири, и на его территории действовали правовые нормы, регулировавшие жизнь сибирского еврейства в целом. Сходными были и многие черты социально-экономической жизни местного населения, принципы государственной политики в отношении данных территорий. Однако имелись и некоторые отличия, обусловленные, главным образом, иным геополитическим положением Дальнего Востока, его преимущественно пограничным статусом. Это отражалось на всей политике местной администрации, в том числе в “еврейском вопросе”.

Февральская революция 1917 г., снявшая все ограничения национального и вероисповедального характера, создала предпосылки для беспрепятственного развития российской еврейской историографии. Столь же благоприятным было и влияние Октября в первые послереволюционные годы. Историографы отмечают “несомненные успехи в развитии русскоязычных исследований истории русского еврейства в первые 10–12 лет” после Октябрьской революции, указывая на то, что “советизация этой отрасли еврейской историографии, заключающаяся в попытках переосмысления истории русского еврейства с марксистских позиций, началась с некоторым опозданием”¹⁴. Но со временем акцент в исследованиях все больше смещался на вопросы еврейского революционного и рабочего движения. Кроме того, проблематика всех публикаций этого периода локализовалась вокруг истории евреев европейской части страны. В эти годы не появилось ни одной работы, посвященной истории и деятельности еврейских общин, существовавших к востоку от Урала. Очевидно, в публицистике объективно отпала необходимость, а для серьезных научных исследований не было условий в силу затянувшейся гражданской войны на востоке страны, разрухи и усиливавшегося идеологического диктата со стороны большевистской власти.

Конец 20-х – начало 30-х гг. стали годами решительного поворота к окончательной “советизации” исторической науки, в т.ч. русско-еврейской историографии. И хотя в 30-е гг. еще выходили работы, весьма, впрочем, тенденциозные, посвященные различным периодам еврейской истории¹⁵, говорить о существовании серьезных исследований в данной области не приходится. К концу этого десятилетия научные еврейские исторические школы, как и многие другие в стране, были разгромлены, многие их яркие представители либо эмигрировали, либо были репрессированы. Самым популярным “еврейским” сюжетом, разрабатываемым в эти годы, стал проект земледельческой переселения евреев из “черты оседлости”.¹⁶ С принятием в 1928 г. правительственного решения о выделении Биробиджанского района для колонизации «трудящимися евреями» тема «Евреи на Даль-

нем Востоке» получает свое развитие, приобретая выраженную антитационную окраску. При этом никогда не упоминалось о существовании дореволюционного периода «еврейской» истории региона. Дальний Восток рассматривался как территория, на которой евреи прежде не проживали. Однако по мере утраты интереса руководства страны к Еврейской автономной области, во многом не оправдавшей его надежд, и эта тема постепенно сходил на нет. Еврейская проблематика на многие годы исчезла из числа разрабатываемых советской исторической наукой направлений исследований. Причины этого явления широко известны. Это – антисемитизм советской государственной политики, периодами открытый (как в конце 40-х – начале 50-х гг.), периодами прикрытый прокламируемыми декларациями об интернационализме (как в 60-80-е гг.). Таким образом, можно утверждать, что в советский период историография исследуемой проблемы практически не пополнилась сколько-нибудь содержательными работами.

Возобновление исследований по российской еврейской истории стало возможным только в начале 90-х гг. XX в., в условиях смены парадигмы общественного развития, демократизации общества, пробудившей национальное самосознание народов, населяющих нашу страну. Это обусловило снятие табу на многие проблемы отечественной истории, открыло доступ к засекреченным раннее архивам.

Ядром возрождения еврейской исторической традиции в России стали, в первую очередь, Москва и Санкт-Петербург, где были созданы Еврейские университеты, ставшие крупнейшими исследовательскими центрами. Интерес к еврейской тематике проявляют ученые и других научных центров России, стран СНГ и Балтии. К началу 90-х гг. в отечественной историографии сформировалось самостоятельное направление, связанное с исследованием широкого спектра проблем истории и культуры еврейского народа.

В начале 90-х гг. стал издаваться “Вестник Еврейского университета в Москве”, на страницах которого публикуются разнообразные материалы, в том числе исторического характера.

Продолжением разработки темы еврейства как диспоро можно считать выход в свет в Москве журнала "Диспоры" под редакцией В.И. Дятлова. Наряду с философским осмыслением данной проблемы, в журнале представлены и исторические публикации, посвященные жизни евреев в Российской империи за пределами "черты оседлости"¹⁷.

Заметным явлением научной жизни следует считать переиздание трудов лучших еврейских историков дореволюционной России¹⁸.

Огромным подспорьем для исследователей явился выпуск в Санкт-Петербурге двух справочных изданий: "Документальные материалы по истории евреев в архивах СНГ и странах Балтии" (СПб., 1994)¹⁹ и "Литература о евреях на русском языке. 1890 – 1947" (СПб., 1995), а также вышедший в Москве в 2000 г. хронологически-тематический указатель "Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода", составленный Н.И. Рутбергом и И.Н. Пидевичем.

Замётным событием научной жизни стал выход в 1999 г. книги "Евреи и русская революция. Материалы и исследования"²⁰. Выход в свет книги является серьезным вкладом в исследование проблемы участия и роли российского еврейства в революционном движении страны. Вместе с тем, как представляется, есть настоятельная необходимость и в расширении географических рамок исследования данной проблемы, ибо, в частности, особенности ее существования на Востоке страны до последнего времени историками, за редким исключением, не рассматривались²¹.

В последние годы отмечается усиление интереса исследователей к истории еврейских общин отдельных городов и регионов, появление значительного числа публикаций на эту тему²². К сожалению, далеко не все из них отличает высокий научный уровень, а многие написаны в популярном жанре.

В ряду исследований, посвященных региональным аспектам еврейской истории, стали появляться работы, в которых рассматриваются вопросы деятельности еврейских общин, расположенных за пределами европейской части страны²³.

В 90-е годы центром исследований по истории сибирского еврейства стал Иркутск. В 1992 г. там был издан первый выпуск "Сибирского еврейского сборника". В нем представлены работы историков, философов, демографов, социологов и др. Такая многожанровость сборника, широта тематического спектра являются и достоинством, и недостатком издания. Вышедший четыре года спустя второй "Сибирский еврейский сборник" характеризует более высокий уровень публикаций, расширение диапазона исторических исследований. В сборнике представлены, в том числе, статьи, посвященные различным аспектам истории евреев Иркутска и Сибири в целом²⁴. К сожалению, "Сибирский еврейский сборник" вопреки первоначальным планам его издателей так и не стал альманахом. Наиболее интересные материалы, опубликованные в двух его выпусках, вошли в книгу "Сибирь. Евреи. Россия", вышедшую в Иркутске в 1998 г.

В последние годы усилиями местных ученых значительно активизировались исследования по «еврейской» истории региона. Глубина исторического анализа характеризует опубликованную в 1999 г. в Улан-Уде монографию Л.В. Кальминой и Л.В. Кураса «Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века – февраль 1917 года)». Интерес представляет вышедший в 2000 г. в Томске сборник «Евреи в Сибири». В него вошли научные статьи и хроникально-документальные материалы, связанные, главным образом, с «еврейской» историей города²⁵.

Значительным вкладом в историографию проблемы стали материалы проведенных при поддержке «Джойнта» двух региональных научно-практических конференций²⁶, а также изданный в 2001 г. в Красноярске целый ряд работ, в которых исследуются, в том числе, вопросы истории евреев Дальнего Востока²⁷.

Таким образом, есть основания утверждать, что на сегодняшний день в отечественной историографии российского еврейства сложилась определенная база, являющаяся необходимой предпосылкой для углубления исследований по истории евреев, проживавших в восточной части страны. Вместе с тем число работ, по

священных истории еврейского населения Дальнего Востока России, его взаимоотношений с властью, по-прежнему невелико. Это обуславливает, на взгляд автора, необходимость и возможность исследования проблемы формирования и реализации политики Российского государства в отношении евреев, проживавших на восточной окраине, отношения к ним властных структур различного уровня в широком историческом диапазоне – от времени появления первых еврейских поселенцев в 60-е гг. XIX в. до конца 20-х гг. XX в., когда окончательно завершилась досоветская история евреев региона.

Историю государственной политики в отношении еврейского населения российского Дальнего Востока невозможно рассматривать вне связи с общей историей края. В этой связи значительный интерес представили работы дореволюционных авторов – журналистов, краеведов, чиновников местной администрации и просто современников описываемых событий²⁸. В них практически отсутствует какой-либо материал по исследуемой теме, но они позволяют понять атмосферу тех лет, прекрасно воссоздают исторический фон.

Серьезная историографическая база по различным аспектам истории Дальнего Востока создана учеными советского и постсоветского периодов. В их работах нашли отражение как общие вопросы развития региона в рассматриваемый период²⁹, так и отдельные проблемы³⁰. И хотя в них практически не затрагивается исследуемая тема, без опоры на эти публикации невозможно понять специфику политики властных структур в отношении местного еврейского населения.

Отдельную группу составили исследования по истории Харбина и харбинской эмиграции. В 80-90-х гг. возрос интерес отечественных ученых к данной проблеме, открылся доступ к ранее засекреченным архивам. Это обусловило появление значительного числа работ по различным аспектам темы³¹. В их числе – исследования по вопросам национального и конфессионального состава российского населения Харбина, в которых есть упоминания и о местной еврейской общине, состоявшей, главным образом, из выходцев из России³². Значи-

тельное внимание проблеме роли еврейской колонии в жизни города уделяется в работах Г.В. Мелихова¹¹.

Источниковую базу исследования составили документы, которые можно выделить в несколько групп: опубликованные официально-документальные материалы, неопубликованные архивные документы, пресса (региональные и общероссийские газеты и журналы), мемуарная литература.

Главным же источником стали неопубликованные архивные материалы, сосредоточенные в Российском Государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург), в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва), в Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, Москва), Российском Государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ, Владивосток), Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК). Деятельность созданного в Биробиджане представительства ОЗЕТа отражают документы, хранящиеся в Государственном архиве Еврейской автономной области (ГА ЕАО).

Глава монографии, посвященная истории образования и деятельности еврейской общины Харбина, написана, главным образом, на основе документов и материалов архива Ассоциации выходцев из Китая в Израиле (Игуд Иоцей Син), находящегося в Тель-Авиве, недоступного прежде российским исследователям. Большую ценность для исследования не только истории ХЕДО, но и в целом еврейской жизни на Дальнем Востоке в 10-20-е гг. XX в. представляют материалы личного архива А.И. Кауфмана, любезно предоставленные автору Т.А. Кауфманом.

При работе над рассматриваемой в монографии проблемой разработки "биробиджанского проекта" автором также были использованы документы двух американских архивов – архива YIVO в Нью-Йорке и American Jewish Archives в Цинциннати.

Исходя из анализа состояния историографической базы и опираясь на широкий круг источников, автором поставлена цель исследовать политику властных струк-

тур различного уровня в отношении евреев российского Дальнего Востока во второй половине XIX – 20-е гг. XX вв. и ее влияние на особенности экономического, социального и культурно-психологического статуса местного еврейства.

Географические рамки исследования охватывают Дальний Восток России, но в большей степени локализируются на территориях Амурской области, Приморского и Хабаровского краев в их современных границах. Территория Забайкалья вошла в круг исследования в тот период, когда она находилась в составе Приамурского генерал-губернаторства (1884 – 1909 гг.), а также Дальневосточной республики (1920 – 1922 гг.), Дальневосточной области (1922 – 1926 гг.) и частично – Дальневосточного края (с 1926 г.). Остальные территории региона рассматриваются в значительно меньшей степени в виду малочисленности там еврейского населения. Своеобразный статус Харбина, не являвшегося российской территорией, но входившего в полосу отчуждения КВЖД, а также превратившегося на время в центр дальневосточной российской эмиграции, обусловил, на взгляд автора, неразрывную генетическую связь его истории в известных временных границах с отечественной историей. В этой связи представляется правомерным в рамках рассматриваемой проблемы исследовать историю еврейской общины Харбина, основанной дальневосточными евреями и состоявшей, главным образом, из выходцев из Российского государства.

Необходимо подчеркнуть, что автор отдает себе отчет в том, что настоящую монографию нельзя рассматривать как исчерпывающий результат разработки обозначенной темы. Довольно широкий круг вопросов остался за рамками работы или освещен с недостаточной глубиной. Требуют дальнейшего научного анализа вопросы социальной структуры еврейского населения региона, его экономического положения, особенности ментальности, вклада в развитие культуры края. Необходимо продолжить архивный поиск документов, отражающих “внутреннюю” историю различных еврейских общин Дальнего Востока, что, несомненно, обогатит общую картину региональных исследований.

Хочется надеяться, что книга сможет послужить основой для дальнейших исследований по истории еврейского населения региона и в целом России в расширенных хронологических, территориальных и тематических рамках. Она также может быть использована в качестве учебного пособия по истории российских евреев, при чтении курсов в рамках регионального компонента, в процессе подготовки специалистов по отечественной истории.

Примечания

1. Бахитановский И. О юридических положениях сибирских евреев // Русский еврей. 1883. № 25; Слюзберг Г.Б. Записка по вопросу о правах евреев на переезд и постоянное пребывание в Сибири. – СПб., 1896.
2. Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях Сибири. – СПб., 1905. С. 5.
3. Там же. С. 12-13.
4. Там же. С. 160.
5. Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 284.
6. Тихонов Т.И. Еврейский вопрос в России и Сибири. – СПб., 1906.
7. М-ъ. Еврейский вопрос в Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № САРш!/-20. С. 8.
8. Сибирские вопросы. 1911. № 22-23. С. 66-67.
9. Островский Ю. Сибирские евреи. – СПб., 1912. С. 5.
10. Там же.
11. Еврейская энциклопедия. – СПб., 1908 – 1913. Т. XIV. С. 187 – 194.
12. Так, А.Я. Горнштейн в годы гражданской войны занимал пост товарища министра по национальным делам в правительстве ДВР.
13. Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. – Иркутск, 1915. С. У1.
14. См.: Лукин В.К. К истории образования Петербургской научной школы еврейской истории // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. – СПб., 1993. С. 13-15.
15. См.: Гринбаум А. Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе. 1918-1953 // Евреи в России. Историографические очерки. С. 12-18.
16. Калинин М.И. Евреи – земледельцы в союзе народов СССР (Речь на съезде Общества земельного устройства трудящихся евреев – ОЗЕТ, 17 ноября 1926 г.) - Б.м., Б.г.; Калинин М.И., Сидович П.Г. О земельном устройстве трудящихся евреев в СССР. – М., 1927; Ларин Ю. Евреи и антисемитизм. М.-Л., 1929; Финкель Х.-А. Еврейское землеустройство в Советском Союзе. – Харьков, 1926 и др.
17. Мучник Ю. Религиозная жизнь сибирских евреев в XIX столетии (по материалам Томской губернии) // Диаспоры. 1999, № 1. С. 58-76; Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: наброски к портрету // Там же. С. 77-103; Кальмина Л. Евреи в Западном Забайкалье: поиск экономических ниш (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Там же. С. 104-114; Романова В. Российские евреи в Харбине // Там же. С. 115-142.

18. Гессен Ю. История еврейского народа в России. М.-Иерусалим, 1993; Евреи в Российской империи XVIII – XX веков. Сборник трудов еврейских историков. – М.-Иерусалим, 1995; Дубнов С.М. Краткая история евреев. – Ростов-на-Дону, 1997.

19. Следует заметить, что в этом издании совершенно отсутствуют данные об архивах Дальнего Востока, в которых отложились ценные документы по истории евреев региона.

20. Евреи и русская революция. Материалы и исследования. / Ред.-сост. О.В. Будницкий при участии Р.А. Городницкого, В.Е. Кельнера, Д. Клиера, Л.Ю. Кричевского, С.Г. Маркеловой. – М.-Иерусалим, 1999.

21. Исключения составляют несколько публикаций: Курае Л.В. Атаман Семенов и «еврейский вопрос» // История «белой» Сибири: Тезисы второй науч. конф. – Кемерово, 1995; Рабинович В.Ю. Горячие дни: октябрь 1905 г. в Иркутске // Сибирский еврейский сборник № 2. Иркутск, 1996. С. 60-69; Романова В.В. Еврейские общины Дальнего Востока в условиях революций и гражданской войны // Евреи на Дальнем Востоке России. II пол. XIX в. – I четв. XX в. – Хабаровск, 2000. С. 121-198; и др.

22. Хопфман Я.С. Евреи Украины (Краткий очерк истории). – Киев, 1992; Каган И.И. Очерк истории евреев Оренбуржья в XIX – начале XX вв. – Оренбург, 1996; Евреи Крыма. Очерки истории. – Симферополь-Иерусалим, 1997; Иоффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк. – Минск, 1997 и др.

23. Гройсман А. Евреи в Якутии. Ч.1 Община. – Якутск, 1995; Ч.2. После революции. – Якутск, 1999; Романова В.В. К истории еврейского населения Российского Дальнего Востока в XIX в. // Архивы Дальнего Востока России на пути в новое тысячелетие. – Владивосток, 1999. С. 109 – 117; Волков Т. Формирование еврейской диаспоры в Казахстане (до 1917 г.) // История еврейского народа. Материалы Шестой ...конференции по иудаике. Ч.2. – М., 1999. С. 174-188; Гончаров Ю. Еврейское купечество в Сибири во второй половине XIX – нач. XX вв. // Материалы Седьмой ...конференции по иудаике. – М., 2000. С.107-111 и др.

24. Рабинович В.Ю. История еврейской общины в Иркутской губернии (XIX – начало XX вв.) // Сибирский еврейский сборник №1. Иркутск, 1992. С. 16-29; Шостакович Б.С. Евреи – участники Польского национально-освободительного движения начала 1860-х гг. в сибирской ссылке. Три биографических портрета. // Там же. С. 30-46; Кальмина Л.В. Метрические книги Верхнеудинской еврейской общины как статистический источник // Сибирский еврейский сборник № 2. Иркутск, 1996. С. 54-59; Соломон Е.Ш. К истории сионистской организации г. Иркутска // Там же. С. 70-89; Гаарилова Н.И. Иркутский купец Я.С. Домбровский (приглашение к биографии) // Там же. С. 120-126 и др.

25. Евреи в Сибири: Сб. статей /Под ред. Э.И. Черняка и Я.М. Кофмана. – Томск, 2000.

26. См. История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Сб. материалов I региональной науч.-практ. конф. 4-5 ноября 2000 г. – Томск: Изд-во ТГУ, 2000; История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Сб. материалов II региональной науч.-практ. конф. – Иркутск, 25-27 авг. 2001 г. – Красноярск, 2001.

27. Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX вв.) Сб. ст. /Под ред. В.И. Дятлова и Я.М. Кофмана. – Красноярск, 2001; Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Библиографический указатель отечественной литературы / Сост. Л.В. Кальмина.

Л.В. Курас. - Красноярск, 2001; *Звягин С.П.* Министр юстиции Г.Б. Платушинский. - Красноярск, 2001; *Юшковский В.Д.* Жернова: События и судьбы века минувшего. - Красноярск, 2001.

28. *Барсуков И.* Граф Николай Николаевич Муравьев Амурский. По его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (Материалы для биографии). Кн. 1, 2. - М., 1891; *Глуздовский В.Е.* Дальневосточная окраина. - Владивосток, 1916; *Духовская В.Ф.* Из моих воспоминаний (Соч. в 2 т.). - Б.м. Б.и. Б.г.; *Кауфман А.А.* По новым местам. Очерки и путевые заметки 1901-1903. По Амуру и Приамурью. В Уссурийском крае. - СПб., 1905; *Муромов Г.Т.* По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы: Дневник странника. Т. 2. - М., 1911; *Уиттербергер Л.Ф.* Приамурский край. 1906-1910. - СПб., 1912 и др.

29. История Дальнего Востока в эпоху феодализма и капитализма (XVIII в. - февраль 1917 г.). - М., 1991; Очерки истории родного края. - Хабаровск, 1993; *Булдыгерова Л.Н., Куликова Е.И., Степанова Л.П., Шельдешева С.А.* Очерки Дальнего Востока. - Хабаровск, 1994; Очерки истории Приморья / *Ботнар А.П., Каневская Г.И.* - Владивосток, 1996 и др.

30. *Авдеева Н.А.* Дальневосточная республика (1920 - 1922). - Хабаровск, 1957; *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. - Хабаровск, 1997; *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы первой мировой войны. - Хабаровск, 1999; *Кабузан В.М.* Дальневосточный край в XVII - начале XX вв. (1640-1917). Историко-демографический очерк. - М., 1985; *Крушанов А.И.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918 - 1920). Кн. 1, 2. - Владивосток, 1972; *Мухачев Б.И.* Александр Краснощеков. Историко-биографический очерк. - Владивосток, 1999; *Сошин В.В.* Становление Дальневосточной республики (1929 - 1922). - Владивосток, 1990; *Циклиш Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке (1920 - 1922 гг.). - Хабаровск, 1996 и др.

31. См. об этом: *Ермакова Э.В.* Дальневосточная эмиграция в отечественной историографии // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Материалы Первой международной научно-практической конференции. Книга вторая. - Владивосток, 1998. С. 384 - 390.

32. *Василенко Н.А.* Население полосы отчуждения КВЖД: Опыт международных контактов (1897 - 1917 гг.) // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае. Материалы международной научной конференции. - М., 1998. С. 14-16; *Романова В.В.* Еврейская харбинская община в годы японской оккупации Маньчжурии (1931-1945 гг.) // Там же. С. 54-57; *Чернолуцкая Е.Н.* Формирование и общественно-политическая жизнь этнических диаспор российской эмиграции в Харбине // Там же. С. 80-82; Она же. К вопросу о численном составе российских национальных колоний в Маньчжурии до 1917 г. // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С. 25-33 и др.

33. *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. - М., 1991; *Он же.* Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.). - М., 1997; *Он же.* Еврейская колония в Харбине // Бюллетень Игуд Йошей Син. 1997, № 349. С. 44-46.

ГЛАВА I

Политика Российского самодержавия в отношении евреев Сибири и Дальнего Востока

1. Источники формирования и правовой статус сибирских евреев в XIX в.

Достоверных сведений о том, когда первые евреи поселились на территории Сибири, по-видимому, нет. Многие авторы, исследовавшие историю сибирского еврейства, приводят разные данные. В изданной до революции "Еврейской энциклопедии" отмечалось: "Быть может, первыми евреями, поселившимися в Сибири, были те, которые жили в Москве, в домах у немцев и были высланы московским правительством в 1659 г. в Сибирь неизвестно по какой причине; в ту пору евреи не могли водворяться в Москве, но благодаря войнам с Польшей, некоторые попали в качестве пленных и, возможно, что именно пленные евреи были отосланы в Сибирь"¹.

Авторы брошюры "Евреи в Иркутске" писали о том, что "евреи живут в Сибири уже без малого 300 лет"². А путешествовавший по Сибири Ю. Островский отмечал, что старожилы-тобольчане уверяли его, будто общинная еврейская жизнь возникла 150-160 лет тому назад³.

Достоверная же статистика на этот счет отсутствует, скорее всего, по трем причинам. Первая - это слабая организованность сибирского еврейства, отсутствие у него в течение длительного периода интереса к собственной истории. Вторая - это малочисленность и бедность местных еврейских общин, что не позволяло содержать раввинов, в обязанности которых входило, в том числе, ведение метрических книг. Есть еще одна

причина. Это – пожар 1863 г. в Министерстве внутренних дел, в котором наряду с другими материалами погиб архив департамента духовных дел и иностранных исповеданий.

Очевидно, можно утверждать, что вплоть до второй половины XVIII в. еврейское население Сибири, причем только западной ее части, было крайне малочисленным и состояло из людей, случайно оказавшихся в этих глухих местах. Следует отметить, что и в европейской части страны до XVIII в. евреев было очень немного, хотя первые упоминания о них встречаются уже в XI в. В Московскую Русь евреи не допускались как нехристи, “бусурмане”. Только при Петре I, считавшем их “полезным элементом”, началось проникновение евреев из соседней Польши. Однако после смерти царя его супругой Екатериной I в 1727 г. был издан Указ о высылке в Польшу всех проживавших в Малороссии евреев. Не исключено, что некоторые из них предпочли перебраться за Урал, подальше от глаз государевых; в Польше же положение еврейства в эти годы было крайне тяжелым⁴.

В царствование Екатерины II огромная масса евреев перешла в русское подданство. Произошло это вследствие раздела Польши, на территории которой в это время проживала большая часть европейского еврейства. Именно Польско-Литовское государство, на территорию которого евреи ашкеназийской группы мигрировали в XIV–XVI вв., в течение долгих лет было центром их расселения в Восточной Европе. Там была создана самобытная ашкеназская культура, с особым образом жизни, экономическим и социальным укладом, системой ценностей, обычаями, наконец, собственным народным языком (им стал идиш, возникший на основе одного из немецких диалектов с включением ивритских элементов и испытавший позднее сильное влияние славянских языков). После включения в 1815 г. в состав России Царства Польского на ее территории оказалось около 1,5 миллионов евреев-ашкеназов.

Политика Екатерины II в еврейском вопросе отличалась непоследовательностью. Как известно, в первые годы своего царствования она была не чужда либераль-

ных замыслов в духе идей Просвещения, однако очень скоро в силу различных причин они иссякли. Такова же была эволюция отношения императрицы к евреям. Во время присоединения польских земель к России правительство обещало сохранить евреям прежние права. Примечательно, что XVIII в. в Европе стал поворотным по отношению к евреям: они получили гражданские права и свободы, прекратились их притеснения по национальному и религиозному признакам. В России же политические процессы шли в обратном направлении: права евреев постепенно и неуклонно ограничивались. Они загоняются в т.н. черту оседлости, бросившую их, по словам Ю. Гессена, "в пропасть бесправия и морального унижения"⁵.

Внук Екатерины II Александр I, начав свое правление как либерал, на первых порах, казалось, стремился облегчить положение российского еврейства: он учредил особый комитет для обсуждения вопроса об улучшении быта евреев. В него вошли, в частности, и деятели либерального толка – министр внутренних дел граф В. Кочубей и товарищ министра иностранных дел князь А. Чарторыйский. Управление делами комитета было поручено М.М. Сперанскому. В 1804 г. Александр I утвердил выработанное комитетом "Положение об устройстве евреев", в котором предусматривался ряд мер, направленных на просвещение евреев и улучшение их быта. Так, евреям открывался доступ в русские учебные заведения, поощрялось распространение между ними русского языка. Значительные податные льготы были предоставлены евреям-земледельцам, правительством были выделены незаселенные степи в Новороссийском крае для еврейской колонизации, оказавшейся, впрочем, в силу целого ряда причин неудачной.

Однако вскоре внешнеполитические проблемы становятся приоритетными для Александра I, и многие меры, предусмотренные "Положением" 1804 г., остались на бумаге. Вторая половина его царствования характеризуется сменой политического курса, в том числе и в еврейском вопросе. Произошло ужесточение политики государства по отношению к евреям.

В 1824 г. Александром I был принят указ, запрещающий евреям заниматься золотодобычей. Это было сдела-

но по личному указанию императора, путешествовавшего по “хребту Уральскому” и заметившего, что “евреи, вопреки коренным государственным узаконениям, стекаются на горные заводы и, занимаясь тайною покупкою драгоценных металлов, развращают тамошних жителей ко вреду казны и частных заводчиков”⁶. Этот указ предписывал “горным начальникам” принять меры, чтобы “евреи отнюдь не были терпимы как на казенных, так и на частных заводах, в горном ведомстве состоящих”⁷.

Однако этот указ, явно дискриминационный по отношению к евреям, являвшимся российскими подданными, свидетельствует и о другом: об увеличении числа евреев, проживавших за Уральским хребтом. И действительно, по свидетельству многих авторов, именно в начале XIX в. возникают первые еврейские общины в Сибири. Так, по данным Ю. Островского, в Тобольске в 1813 г. было организовано погребальное братство (хевре-кадиша), имевшее по обыкновению пинкос – книгу записей, а в 1818 г. местная община перестроила дом, купленный у одного полковника, в молельню⁸. Этот же автор приводит в своей книге фрагмент из дневника графа Сперанского, путешествовавшего по Сибири в 1820 г.: “Каинск – маленький городок, ныне только в план приведенный. Множество жидов и цыган”⁹. По утверждению Ю. Гессена, “каинские евреи, в числе около ста, владевшие в городе 23 домами, из коих некоторые являлись украшением города, построили в 1816 г. “молельную школу” взамен сгоревшей”¹⁰.

Большинство евреев Сибири в эти годы были ссыльными поселенцами и их потомками. В структуре населения преобладали мужчины. Объясняется это тем, что многие из них разводились с женами перед ссылкой. В этой связи местные евреи направили ходатайство в адрес Сибирского генерал-губернатора с просьбой разрешить им жениться на калмычках “по еврейскому закону”. Сибирский генерал-губернатор препроводил ходатайство в Петербург “при лестной аттестации о трудолюбии и безупречном образе жизни местных евреев”¹¹. В апреле 1817 г. был издан закон, разрешавший евреям жениться на местных женщинах-нехристианках (жениться на христианках запрещалось).

В 20-е годы XIX в. еврейское население Сибири возрастает. Основными городами, где оно концентрируется, становятся Томск, Омск, Каинск, Канск и Нижнеудинск¹². Еврейские общины жили довольно замкнуто, управление в них осуществлялось кагалами, которые отвечали также за сбор налогов. По роду деятельности сибирские евреи существенно не отличались от других категорий местного населения, ибо в этот период список ограничений для них был еще не велик. Ситуация резко изменилась с воцарением Николая I. Период его правления (1825-1855 гг.) – один из наиболее мрачных в истории сибирского еврейства. Известна страсть Николая I к законотворчеству и регламентации всех сторон российской жизни. В полной мере это относилось и к политике в еврейском вопросе. При этом царь “лично вникал в законодательство о евреях, углубляя его репрессивный характер”¹³. Характерно, что евреи рассматривались им не как социально-экономическая категория, а исключительно как национально-религиозная. Отсюда – миссионерская окраска “еврейской политики” Николая I.

Это в достаточно сильной степени относится и к подписанному 26 августа 1827 г. императором указу о рекрутской повинности для евреев в возрасте от 12 до 25 лет. В этот период в правящих кругах утверждается взгляд, согласно которому “еврейский вопрос может быть решен только путем слияния евреев в религии и образе жизни с коренным русским населением”¹⁴. В соответствии с ним рекруты-евреи намеренно отправлялись в дальние окраины империи с тем, чтобы они оторвались от своей среды и приучались к иной жизни. При этом в соответствии с Уставом рекрутской повинности и военной службы евреев 1827 г. с каждой тысячи человек еврейского населения данной местности брали 10 рекрутов, с христиан же брали только в один из двух объявленных наборов и лишь по 7 рекрутов с тысячи человек¹⁵. Перспектива 25-летней службы, поставившая и христианское население, евреев приводила в ужас. Она была сопряжена для них с нарушением религиозных предписаний (субботный отдых, законы о пище), сулила унижения и страдания. Но самые драма-

тические страницы истории еврейского рекрутства связаны с судьбой детей кантонистов. И соответствующие законами 1837, 1846 и 1847 гг. сыновья **всех евреев**, подлежаемых в Сибирь, зачислялись **в кантонистские школы**, расположенные там же. При этом **родителям** "строгострогаго" запрещалось не только **навестить своих** детей-кантонистов, но даже говорить с **ними хоть и издали**"¹⁶. По сохранившимся воспоминаниям **бывших кантонистов**, в Сибирь отправлялись **еврейские мальчики** 7-10-ти лет, которых буквально отлавливали на улицах и в городах и местечках черты оседлости¹⁷. Помимо военной подготовки, в задачу кантонистских школ входило и перевоспитание еврейских детей, "**спасение их душ**". Муштра и палочная дисциплина были **не самым страшным** испытанием. В школах широко практиковалось обращение их в православие. При этом использовались любые методы, включая издевательства, как психологические, так и физические. В результате давления большинство кантонистов принимало православие и уже не возвращалось в свои семьи. Выпускники кантонистских школ поступали на военную службу, которая продолжалась 25 лет. Позднее, после манифеста Александра II от 26 августа 1856 г., запретившего брать малолетних детей в кантонисты, некоторые насильно крещенные в детстве еврейские рекруты возвращались в иудейскую веру. Но процесс этот был нелегким и требовал большого мужества. В целом институт кантонистов был направлен не столько на подготовку военной силы, сколько на обращение евреев в православие и "**слияние их в образе жизни с русским населением**", т.е., в конечном счете, на их ассимиляцию.

Отслужившие срок еврейские рекруты получали право оставаться на жительство в Сибири и образовали особый класс людей – т.н. николаевских солдат. Это были люди, оторванные от своих корней, от своего народа, забывшие свою культуру, но так и не приобщившиеся к другой. Так или иначе, но именно отслужившие срок рекруты наряду со ссыльными составили ядро еврейского населения Сибири, а затем и Дальнего Востока.

Помимо закона о рекрутстве и кантонистах, в царствование Николая I было издано порядка 300 актов,

касавшихся евреев¹⁸. И почти все они были направлены на ужесточение условий их проживания в Российской империи, в т.ч. и на ее восточной окраине. Так, в 1827 г. был издан закон, который запрещал евреям следовать за сосланными женами. В 1836 г. было дополнено, что “из малолетних детей таковым евреям предоставляется брать лишь грудных младенцев, и то не иначе, как с согласия мужей”¹⁹. Это не только ограничивало рост еврейского населения Сибири, но и больно ударило по семьям, которые традиционно у евреев отличались крепостью уз. Не способствовало увеличению численности евреев в регионе и другое постановление, вышедшее в 1834 г. и обязывавшее их получать гильдейские свидетельства не иначе как с личного разрешения министра финансов, “дабы вообще евреи ... не умножались так чрезмерно в класс, торгующий ко вреду коренных обывателей”²⁰.

Вскоре Николаем I было принято решение, трудно поддающееся объяснению. 20 ноября 1836 г. им был подписан указ, разрешавший евреям переселяться в Сибирь, в Тобольскую и Омскую области. Трудно определить, что побудило царя к такому шагу. Но очевидно, что переселение евреев в Сибирь помогло бы государству решить две сложнейшие проблемы: во-первых, ускорилося бы хозяйственное освоение гигантской малообжитой территории к востоку от Уральских гор, на что у правительства не хватало материальных и людских ресурсов. Во-вторых, разрешение евреям переселяться в Сибирь могло бы разрядить обстановку в “черте оседлости”, где евреи страдали от нищеты и скученности.

Этот указ вызвал широкий отклик среди евреев. Как отмечал один из авторов, “в Западном крае не осталось городка, откуда бы евреи не просились в Сибирь”²¹. Вскоре первые переселенцы стали прибывать в Тобольскую и Омскую губернии, однако длилось это единственное за всю историю империи официально разрешенное переселение евреев в Сибирь всего 45 дней. Уже 5 января 1837 г. вышел закон, в котором Николай I повелевал “переселение евреев в Сибирь приостановить”. Тех переселенцев, что находились в пути, либо прибы-

ли в Сибирь после 5 января 1837 г. водворяли в Херсонскую губернию. Количество евреев, успевших перебраться на Восток, составило всего 1367 человек". Причины резкого пересмотра царем своего решения достоверно не известны. Те авторы, которые упоминают об этом эпизоде, их не рассматривают. И лишь В.Н. Никитин связывал его с запиской, поданной Николаю I накануне шефом жандармов генерал-адъютантом Бенкендорфом и министром внутренних дел графом Блудовым. В ней они отмечали, что, во-первых, поселение евреев в Сибири ухудшит и без того низкую там нравственность, и, во-вторых, вызовет трудности надзора за ними²³.

Очевидно, аргументы чиновников показались царю весьма убедительными. Вскоре были опубликованы правила, в соответствии с которыми поселение евреев в Сибирь "решиительно и навсегда прекращалось", а в отношении уже поселившихся предусматривались меры по сокращению их численности. В частности, некоторым категориям евреев было предоставлено право выбора: записывать своих малолетних детей в кантонисты либо отправлять их по достижении 16-летнего возраста в черту оседлости. Выбор, следует отметить, был небогатым, и большинство евреев предпочитало оставлять своих детей в Сибири, отдавая их в кантонистские школы. В отношении евреев, ссылаемых в Сибирь, было решено селить их не в городах, а в отдаленных местах — в Якутской области и за Байкалом. При этом правительство позаботилось об изоляции евреев: они должны были селиться не в деревнях старожилов, а отдельными поселениями.

По мере роста еврейского населения в Сибири возникла проблема создания соответствующей правовой базы для тех, кто жил там на законных основаниях. Ведь официально евреи имели право проживать только в черте оседлости. В этой связи в ответ на запрос министра финансов Сенат 11 ноября 1847 г. постановил считать Сибирь местом постоянной оседлости для всех евреев, поселившихся там до 15 мая 1837 г. По этому закону сибирские евреи приобрели определенные права (например, получать торговые свидетельства на общем

основании). Но этим же законом закреплялось место их проживания, и покидать его они не имели права без специального разрешения, как это и было повсеместно в черте еврейской оседлости. Евреи, поселившиеся в Сибири после 15 мая 1837 г., считались проживавшими там незаконно, со всеми вытекавшими из этого последствиями.

К середине XIX в. в Сибири сложилось три категории еврейского населения:

1. Ссылные каторжане и их потомки, которых в XVI в. селили в Западной Сибири (в XVIII в. – повсеместно, а с 1837 г. – в Якутии и Забайкалье).

2. Немногочисленные колонисты-земледельцы, приехавшие в Сибирь по указу 1836 г.

3. Ремесленники, торговцы и люди различных профессий, приехавшие “незаконно” в Сибирь до 1837 г. и осевшие там.

По статистическим данным за 1856 г., в Западной и Восточной Сибири евреев насчитывалось “2258 душ мужского пола и 1970 – женского”²⁴.

По сравнению со своими западными сородичами сибирские евреи не испытывали острой нужды. Но жизнь их вряд ли была легче: тяжелый климат, оторванность от своей среды, в том числе культурной, суровые законы – все это формировало особый, отличный от европейского тип сибирского еврея.

Со вступлением на престол в 1855 г. императора Александра II в стране началась пора перемен. Они коснулись и жизни евреев. Однако, как отмечал Ю. Гессен, “органической связи между обновлением общерусской жизни и преобразованием еврейского быта не было”²⁵. Не посягая на положение евреев как граждан второго сорта, правительство постепенно отменяло наиболее тяжелые правовые ограничения, принятые в николаевскую эпоху. В целом можно говорить лишь о смягчении государственной политики в отношении евреев, в т.ч. проживавших в Сибири, а также на территории Дальнего Востока.

Вопросы устройства жизни и быта евреев рассматривал учрежденный еще при Николае I в 1840 г. Еврейский комитет. Многие либерально мыслящие чиновники об-

ращались в комитет с предложениями, направленными на улучшение положения евреев. Но они шли вразрез с позицией председателя комитета, деятеля николаевского типа Блудова, который зачастую пользовался поддержкой царя. Так, в поданной в комитет записке Новороссийский генерал-губернатор граф А. Г. Строганов писал, что в исключительных для евреев постановлениях нет никакой надобности. Его поддержал министр внутренних дел Ланской. Блудов же считал предложения Строганова преждевременными, с чем и согласился царь.²⁶ Как известно, либерализм Александра II носил непоследовательный характер, и это целиком относится и к его позиции в "еврейском вопросе".

В последние годы царствования Николая I был избран курс на деление евреев на "полезных" для государства и "бесполезных". К "полезным" относились крупные собственники и представители дефицитных в стране профессий. Политика Александра II в принципе продолжала этот курс, создавая определенные льготы для "полезных" Отечеству категорий евреев. Наиболее одиозные николаевские ограничения смягчались либо отменялись.

В первую очередь, была изменена система рекрутчины для евреев с ловлей малолетних детей и отдачей их в кантонисты. Манифестом Александра II от 26 августа 1856 г. было запрещено брать малолетних детей в кантонисты. Прекратились огульные крещения, был положен конец практике награждения выкрестов премией в 25 руб.

В 1857-1858 гг. было приказано освободить воспитанников всех кантонистских школ. Но касалось это только русских солдатских детей. Еврейские кантонисты, достигшие 18 лет, зачислялись в войска и отправлялись в центральные губернии страны. Те же кантонисты, которые не достигли этого возраста и были обращены в православие, не имели права возвращаться в свои семьи, а должны были передаваться на попечение православным. Впрочем, это положение, принятое по настоянию Синода и встретившее возражение со стороны министерства внутренних дел, вскоре было отменено²⁷. Так был положен конец многолетней практике, оставившей тяжелый след в истории российского еврейства.

Одновременно расширялись возможности для предпринимательской деятельности еврейского населения Сибири. 28 февраля 1857 г. был принят закон, разрешавший сибирским евреям, кроме ссыльных поселенцев, записываться в купечество на общем основании, вместе с семьями, включая сыновей. Позднее евреям, записанным государственными крестьянами и пользовавшимся правом постоянной оседлости в Сибири, было предложено переходить в мещане и вести торговлю. В 1866 г. было разрешено записываться в купеческое сословие на общих основаниях и детям ссыльных поселенцев, как рожденных в Сибири, так и переехавших туда с родителями, а также евреям, сосланным в Сибирь без лишения прав состояния.

Правительство рассматривало еврейских купцов в качестве “полезного элемента”. В поданной на имя председателя Еврейского комитета записке от 19 мая 1860 г. министр финансов А.М. Княжевич писал о целесообразности допущения в Сибирь купцов I и II гильдии, которые “по особенному положению своему в обществе и приобретенному ими высшему образованию внушают к себе полное доверие правительства и которые потому не только без опасений, но даже с существенной пользою могут быть туда допущены, одни — по делам промышленности и торговли, а другие — для практических исследований и ученой разработки сего интересного края”²⁸. В 1860 г. по предложению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского комитет рекомендовал “селить евреев по всей Сибири не отдельными селениями, а в деревнях старожилов, исключив из этого Забайкальскую область, по значительности там еврейского населения”²⁹. Одновременно генерал-губернатор Западной Сибири предложил не селить евреев также на подведомственной ему территории, мотивируя это тем, что край “при усиливающейся торговой деятельности и промышленности мог бы пострадать от накопления в нем порочного еврейского населения”³⁰. Статс-секретарь Блудов с таким мнением не согласился, но не потому, что нашел такой подход негосударственным, имея в виду необходимость привлечения в регион деятельных и предприимчивых

подданных России. Он заявил, что все части Сибири должны пройти пестрое время, тем более, что в Западной Сибири селились ссыльные, которые имели право работать на заводах. Не имевших права на работу или окончивших ее отправляли в Восточную Сибирь³¹.

Вскоре вышел закон, разрешавший поселение евреев во всех губерниях Сибири. Это создавало для сибирских евреев значительные экономические возможности, несравнимые с условиями проживания в черте оседлости. Но закон установил другое ограничение: он запретил им поселяться на 100-верстном расстоянии от Китая и других границ Сибири³². Сделано это было из-за опасений правительства относительно возможного распространения контрабанды, в чем еврейское население традиционно подозревалося властями. Позднее это ограничение, впрочем, как и многие другие, толковалось шире: как запрет евреям выезжать в 100-верстную зону. В это же время прекращается ссылка евреев в Сибирь на водворение.

Одновременно несколько расширился доступ в Сибирь другим категориям евреев. Так, 28 июня 1865 г. Александром II было утверждено постановление Государственного Совета, в соответствии с которым вне черты постоянной оседлости разрешалось проживать евреям-механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам при условии занятия ими своим мастерством или ремеслом³³. Это решение объясняется тем, что еврей-ремесленники больше, чем кто-либо, страдали от конкуренции в скученных местечках черты оседлости, что обуславливало их чрезвычайную бедность. Между тем в других регионах империи ощущалась их острая нехватка. Это постановление вызвало переселение части ремесленников из черты оседлости в Сибирь, в разрешенные ее районы. Однако спустя 40 лет Сенат признал эти переселения незаконными³⁴.

В 1867 г. право селиться вне черты оседлости, а, следовательно, и на Востоке страны получили бессрочно отпускные нижние чины, в том числе николаевские солдаты и их потомки. Таким образом, к перечисленным выше трем категориям сибирских евреев присоединилась еще одна, оказавшая, как уже отмечалось, весьма

заместное влияние на состав местного еврейского населения.

По мере роста численности евреев, проживавших в Сибири, возникал вопрос о порядке создания молитвенных домов и синагог. С одной стороны, статья 1060 Свода законов гласила, что "евреи могут отправлять общественные молитвы и богомолie в местах обидей их оседлости", и для определенной части евреев Сибирь таковым местом и стала. С другой стороны, к черте еврейской оседлости Сибирь однозначно не относилась. В январе 1868 г. Комитет министров разрешил евреям открывать молельные дома в "уважительных случаях", при этом не разъяснив, какие именно случаи можно считать уважительными. Толкование этого положения, как и многих других, отдавалось на откуп местным начальникам, что порождало крайний произвол. Можно предположить, что такое положение крайне угнетало евреев, т.к. хорошо известно, что в национальной самоидентификации этого народа религиозное сознание является важнейшим компонентом.

В декабре 1870 г. при департаменте полиции министерства внутренних дел была образована Комиссия по устройству быта евреев вместо закрытого в январе 1865 г. Еврейского комитета. Председателем комиссии стал князь Лобанов-Ростовский. В её функции входило исследование различных вопросов правового, экономического и бытового положения евреев. Конечной целью деятельности Комиссии являлось уничтожение обособленности евреев. Как известно, цель эта оказалась для правящего в России режима недостижимой, но Комиссия внесла свою лепту в смягчение отношения к евреям в этот период. Правда, многие либеральные проекты, в цей рассматривавшиеся, не имели никакого продолжения либо встречали неодобрение царя. Наиболее просвещенные представители российского еврейства обращались в Комиссию с предложениями привести российское законодательство в отношении евреев в соответствие с европейским, отменив унизительные ограничения и дополнительные налоги. В частности, об этом шла речь в записке, поданной почетным гражданином Гинзбургом и поддержанной генерал-губернатором

Новороссийским и Бессарабским в письме на имя министра внутренних дел.³⁵ Однако ответа не последовало. А когда выступивший с отчетом на одном из заседаний Комиссии в 1872 г. Черниговский губернатор предложил всем без изъятия евреям предоставить право повсеместного жительства в империи, Александр II на протоколе наложил резолюцию: "С этим я никак не могу согласиться"³⁶. Тем не менее, продолжалась работа по расширению прав определенных категорий российского еврейства, в т.ч. сибирского. В целом она велась в контексте политики либеральных реформ, осуществляемой императором.

В 1871 г. евреям, законно проживавшим в Сибири, было разрешено заниматься золотодобычей. Это существенно расширило возможности для предпринимательской деятельности евреев и усилило в их глазах притягательность региона. Многие, ставшие впоследствии крупными еврейскими коммерсантами, сделали свой капитал на золотодобыче. Возможности традиционного еврейского предпринимательства увеличило и другое решение властей. В 1874 г. по указу Александра II евреям разрешалась питейная торговля, но только "в местностях, определенных для постоянной их оседлости и при том не иначе, как в собственных домах"³⁷. Это позволило евреям, поселившимся в Сибири до 15 мая 1937 г., открывать питейные заведения с соответствующего разрешения начальства.

В 1879 г. правительством было принято решение о расширении круга лиц из числа евреев, которым разрешалось проживание вне черты оседлости. В феврале этого года департамент полиции министерства внутренних дел разослал губернаторам секретный циркуляр, разрешавший "повсеместное жительство следующим категориям евреев: 1) выпускникам вузов, в том числе медицинских; 2) имеющим звание аптекарских помощников, дантистов, фельдшеров, повивальных бабок; 3) изучающим фармацию, фельдшерское и повивальное искусство"³⁸. Этот документ в известной степени предопределил сравнительно высокий процент евреев среди российских медиков. Однако в целом он не мог повлиять существенным образом на рост еврейского

населения восточной окраины, т.к. очевидно, что указанные в нем категории могли безбедно устроиться и в более обжитых губерниях Российской империи. Но, тем не менее, следует заметить, что первые гражданские врачи и фельдшеры, приехавшие на Дальний Восток, в подавляющем большинстве были евреями.

В целом же эпоха “великих реформ” хотя и не изменила принципиально положение евреев страны, но оказалась для них наиболее благоприятной в сравнении с другими историческими периодами. Это целиком относится и к еврейству восточной части империи.

За счет расширения круга лиц, которым разрешилось жить вне черты оседлости, возросла численность еврейского населения Сибири. Расширилась его география. В начале 50-х гг. XIX в. к России были присоединены Сахалин, а затем по Айгунскому, Пекинскому и Тяньцзиньскому договорам 1858-1860 гг. — Приамурье и Приморье. Административно они были подчинены Главному управлению Восточной Сибири. И хотя многие районы вновь присоединенных территорий находились в черте 100-верстной полосы от границы с Китаем и, следовательно, были запрещены для заселения евреями, тем не менее, на Дальнем Востоке вскоре появится еврейское население. К тому же евреи, поселившиеся в городах и селениях, находившихся в 100-верстной полосе до июля 1860 г., не подлежали выселению³⁹.

Среди первых еврейских поселенцев Дальнего Востока были, в первую очередь, демобилизованные нижние чины и ссыльные, а также потомки евреев, для которых Сибирь была местом постоянной оседлости.

Первые архивные сведения о евреях Дальнего Востока датируются 1875 г. Это связано с выпущенным 15 октября 1874 г. Указом Александра II “О мерах к приведению в точную известность всего мужского еврейского населения до 25-летнего возраста включительно”. Указ предусматривал проведение переписи с целью совершенствования рекрутского набора среди евреев.

В соответствии с данными, направленными с мест в канцелярию Главного Управления Восточной Сибири, еврейское гражданское население Дальнего Востока было весьма малочисленным. Так, в Николаевске про-

живало 22 еврея⁴⁰, в Софийской округе — один еврей Яков Романчук, служивший приказчиком у купца Голубина⁴¹. На посту Новгородском проживала одна семья отставного рядового Соломона Кофмана, включавшая жену и шестерых детей. По одной семье проживало в Гавани св. Ольги и Петропавловске⁴². В данных “о последователях иудейской веры”, составленных в 1878 г., есть упоминание о 17 евреях Владивостока⁴³ и о 10 евреях, проживавших на посту Новгородском и урочище Новокиевском⁴⁴. В этих данных фигурируют только лица, чье пребывание в крае имело законные основания. Кроме того, сюда разными путями попадали и те евреи, кому проживать на данных территориях запрещалось законом. Сибирь (а ею по-прежнему называлась вся территория империи к востоку от Уральских гор) оставалась местом, куда евреи продолжали стремиться. Несмотря на ограничения в правах, жизнь здесь была более сытной и спокойной, чем в западных губерниях России. Однако местное начальство бдительно стояло на страже законов империи, а потому с завидной регулярностью один-два раза в год, а то и чаще устраивало проверки законности проживания евреев и их выселения. Характерно, что нередко евреи выселялись и водворялись в черту оседлости из таких мест, проживание на которых следовало бы поощрять с целью активизации их освоения, — например, из Нарымской волости, Нерчинска и т.д.⁴⁵

В силу постоянных выселений трудно представить хотя бы приблизительную численность еврейского населения Сибири в этот период. Отсутствие достоверной статистики объясняется и тем обстоятельством, что в еврейских общинах по-прежнему не хватало раввинов, которые вели метрические книги. Исходя из этого, правительство в мае 1863 г. разрешило “сибирским евреям вызывать из внутренних губерний ученых евреев для замещения раввинских должностей и религиозную часть евреев подчинить общим правилам, действующим в черте постоянной оседлости евреев”⁴⁶. Большинство сибирских еврейских общин были малочисленны и небогаты, а потому не имели возможности содержать раввина. Так, в 1867 г. только общины двух городов Вос-

точной Сибири - Иркутска и Енисейска - были в состоянии содержать за свой счет раввинов. В помощь общинам существовала практика направления казенных раввинов. Власти были заинтересованы в их деятельности. Во-первых, ведение метрических книг облегчало составление списков евреев, подлежащих военному призыву. Очевидно, что уклониться от него в условиях Сибири было намного легче, чем в европейской части России. А, во-вторых, упорядочение религиозной жизни способствовало укреплению нравственности местного населения, весьма своеобразного по составу. И это понимали местные чиновники. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири барон Фредерикс в письме на имя министра внутренних дел от 14 февраля 1875 г. просил "о разрешении вопроса относительно религиозных дел сибирских евреев" в том числе и потому, что "браки у евреев не иначе могут быть совершаемы, как через лиц из среды евреев, ибо в противном случае сибирским евреям надлежало бы оставаться вовсе без браков, чего, не говоря о потребностях их веры, нельзя допустить по явному вреду для народной нравственности"⁴⁷.

Сибирские евреи стремились сохранить свое "религиозное лицо", но культурные связи со своими единоверцами из европейской части в силу действия ограничительных законов отсутствовали. А между тем именно в эти годы в российском еврействе происходят важные изменения. Реформы Александра II открыли для наиболее деятельной его части более широкие, чем прежде, возможности участия в жизни российского общества.

В эти годы в Россию из Европы начали проникать идеи еврейского Просвещения (Гаскалы), разрушавшие традиционный еврейский мир и утверждавшие в нем секулярные начала. Еврейская молодежь потянулась к светскому образованию. В России формируется первая генерация еврейской интеллигенции. В ее среде появились просветители, считавшие своим долгом работать для подъема духовного и общественного уровня национальной жизни. Возникает еврейская литература на русском языке. В печати поднимаются вопросы о гражданских правах евреев. И хотя эти процессы не шли ни в какое сравнение с европейскими, но они привели к

сдвигам в общественном сознании определенных слоев российского еврейства.

Сибирские евреи оказались полностью оторванными от этих перемен. Они не имели возможности обучать своих детей в традиционных еврейских школах – хедерах и иешивах. А доступ к высшему образованию был и вовсе для них закрыт законом об оседлости (дети евреев могли учиться в казенных заведениях только тех мест, где дозволено было жить их отцам; в Сибири же высших учебных заведений в эти годы не было). В массе своей сибирские евреи оставались людьми необразованными и неразвиглыми, что во многом обуславливалось также их социальным статусом. Культурные веяния стали проникать сюда позже.

В 60-70-х гг. XIX в. налаживается религиозная жизнь еврейских общин. По данным управления Западной Сибири, высланным на имя министра внутренних дел, на 30 марта 1870 г. религиозные общества имелись:

- в Томске – синагога, духовное правление и раввин;
- в Каинске – молитвенный дом и староста;
- в Ишимске, Петропавловске, Тобольске и Омске – по молитвенному дому и исполняющему должность раввина⁴⁸.

В декабре 1867 г. Главное управление Восточной Сибири докладывало министру внутренних дел о наличии религиозных обществ в городах Иркутске, Красноярске, Енисейске и Ачинске. В Забайкальской и Якутской областях отдельных еврейских обществ не было, но в первой из них находилось 14 молелен⁴⁹, в т. ч. – в Чите с 1874 г., Нерчинске с 1875 г., Верхнеудинске с 1879 г.⁵⁰. В ответе на запрос Окружного штаба Восточного Сибирского округа за 1867 г. есть упоминание о наличии еврейского молитвенного дома в Хабаровске⁵¹. С 1863 г. существовал молитвенный дом в Благовещенске⁵². В 1877 г. было разрешено строительство синагоги в пос. Дзу на острове Сахалин⁵³. В эти годы уже действовала молельня и в Николаевске-на-Амуре⁵⁴.

Вместе с тем весьма остро стоял вопрос о законности еврейских молелен, ибо закон 1868 г., как уже отмечалось, не давал четких указаний на этот счет, что предоставляло для местных чиновников широкое поле де-

тельности, а для местных евреев – неопределенность статуса религиозных обществ и невозможность точного соблюдения предписаний веры. И если в западных странах господствовал принцип римского права – “разрешено все, что не запрещено законом”, – то в России по отношению к евреям все, что не было положительно дозволено законом, считалось запрещенным. Чиновники на местах скорее опасались позволить евреям лишнее, чем лишний запретить.

Так, проявляя заинтересованность в налаживании религиозной жизни евреев, генерал-губернатор Восточной Сибири одновременно опасался, видимо, в этом вопросе переусердствовать. В июне 1878 г. им был разослан на места любопытный циркуляр: “При разрешении неоднократно поступающих ко мне ходатайств г.г. начальников губерний и областей вверенного мне края об открытии в некоторых местах еврейских молитвенных домов оказывается, что большая часть этих домов или вовсе не имеет на открытие надлежащих оснований или дома эти устроены самовольно, без всякого со стороны начальства разрешения”. Далее, ссылаясь на соответствующие статьи Свода законов, и, в частности, на положение о том, что в Сибири, как не относящейся к местам постоянной оседлости, молельни могут учреждаться лишь “в уважительных случаях”, генерал-губернатор просил начальников губерний и областей Восточной Сибири распорядиться собрать сведения о количестве и местах расположения еврейских молитвенных домов⁵⁵. По-видимому, циркуляр этот был воспринят как сигнал к проверке законности или наличия “уважительных случаев” существования молелен. Во всяком случае, в отчетах с мест отсутствуют сведения о некоторых молельнях, фигурировавших прежде⁵⁶. Следует заметить, что в эти годы у местных чиновников складывается определенный алгоритм: любой запрос сверху, касающийся положения евреев, воспринимается как сигнал к “наведению порядка”.

Позднее был более четко определен порядок создания еврейских молелен: “Синагоги и молитвенные школы вновь учреждаются не иначе, как с разрешения губернского начальства, по правилам Устава строитель-

ного, и, наблюдая, что если в городе или селении число еврейских домов не более 30, то дозволяется евреям иметь только одну молитвенную школу, если же оно простирается до 80, то сверх молитвенной школы они могут иметь синагогу, а где число еврейских домов больше 80, там могут быть заводимы для каждых 30 домов по одной школе, а для каждых 80 домов - по одной синагоге”⁵⁷.

Это разъяснение, однако, не устраняло условий для произвола со стороны чиновников, ибо всякий раз для создания молелен требовалось разрешение губернского начальства, что нередко зависело от личных взглядов и убеждений последнего. Ссылка на правила строительного Устава также затрудняла открытие молитвенных домов и синагог, т. к. для еврейских общин имелись ограничения в покупке земли, возведении зданий и владении недвижимостью. К тому же у чиновников всегда имелись возможности “число еврейских домов” довести до необходимой им цифры, ибо выселения евреев стали обычной практикой, особенно на Дальнем Востоке.

Главное управление Восточной Сибири и лично генерал-губернатор бдительно охраняли вверенную им территорию от евреев. Об этом свидетельствует циркуляр Фредерикса начальникам губерний и областей Восточной Сибири от 24 марта 1878 г.: “Несоднократно циркулярными распоряжениями я просил г.г. начальников губерний и областей о принятии деятельных мер по выселению из подведомственных им местностей всех евреев, не имеющих по закону права на проживание в Сибири. На это были получены от г.г. губернаторов донесения, что большая часть подобных евреев уже выселена из подведомственных им губерний и областей, к выселению же оставшихся по разным причинам приняты строгие меры. Между тем ныне до сведения моего дошло, что во многих местностях вверенного мне края и по настоящее время свободно проживают такие евреи, которые не имеют никаких прав на пребывание и жительство в Сибири”⁵⁸. Исходя из этого, генерал-губернатор поручил чинам городской и окружной полиции проверить законность проживания на их территории евреев. Последовали отчеты, которые свидетельствуют о выселениях.

Иногда они принимали такие масштабы, что центральные власти вынуждены были вмешиваться. Так было, например, в 1879 г., когда запрос Министерства внутренних дел в адрес Восточно-Сибирской администрации о количестве проживающих ремесленников, мастеровых и учеников ремесленников⁵⁹ послужил сигналом к очередному выселению евреев. Это побудило министра внутренних дел Л. Макова отправить циркуляр с указанием не прибегать к высылке евреев, в том числе тех, "кои окажутся не имеющими право на жительство, вплоть до особых по сему предмету со стороны министерства внутренних дел распоряжений"⁶⁰. Однако, как свидетельствуют документы, и после таких предписаний "очищения" местностей от евреев не прекращались, так как они были выгодны местной полиции и администрации, создавая широкие возможности для поборов и взяток.

Убийство 1 марта 1881 г. царя-реформатора Александра II и воцарение на престоле его сына Александра III положили конец либеральным тенденциям во внутренней политике правительства. Началась эпоха контрреформ. Усилилась русификация Польши, Финляндии, резко ухудшилось правовое положение и еврейского населения империи.

В 1881 г. по городам "черты оседлости" прокатилась волна погромов. Они носили стихийный характер, но в основе своей были следствием официальной политики, ставившей евреев фактически вне закона. Это пустило глубокие корни в общественном сознании. Обострившийся "еврейский вопрос" стал предметом острой полемики на страницах газет и журналов. В стране наблюдался резкий рост антисемитизма⁶¹. В эти годы он приобретает новую окраску. Если изначально антисемитизм в России (и не только в России) имел религиозные корни; позднее - социально-экономические, то к 80-м гг. XIX в. к ним присоединяется политический фактор. Объясняется это широким вовлечением еврейской молодежи в российское революционное движение. И если в 60-70-х гг. процент участия евреев в различного рода антиправительственных организациях и кружках в целом не превышал их доли в населении империи

(около 4 %), то к началу 80-х гг. он значительно возрос и составил 14-15 % от общего числа лиц, привлеченных властями к дознанию за "политические преступления"⁶². Причины этого явления сложны и многообразны, они кроются как в социально-экономическом и политическом положении российского еврейства, так и в особенностях еврейского религиозного сознания⁶³. В известной степени это было также следствием не только антисемитизма внутренней политики царизма, но и результатом либеральных реформ 60-70-х гг., расширявших, как отмечалось, права евреев и приведших к возросшему их участию в жизни российского общества. Но само это общество оказалось неготовым к столь активному проникновению евреев в некогда закрытые для них сферы. С другой стороны, реформы, касавшиеся евреев, носили непоследовательный и неполный характер. Получившие образование молодые люди не могли себя реализовать: закон по-прежнему запрещал им занимать должности на государственной службе, преподавать в высшей школе и т.д. Европейски образованные, они оторвались от своей традиционной среды, но так и не интегрировались в российское общество в качестве его полноправных граждан. В этом - одна из причин того, что возникшее в России революционное движение нашло в евреях своих, быть может, наиболее последовательных адептов. "Еврейская молодежь вступала в неведомый для нее мир русского нигилизма, в котором не существовало ни расовой, ни религиозной дискриминации"⁶⁴. Ее участие в русском революционном движении давало правым удобный предлог для обвинений в адрес всего еврейства в покушении на основы российской государственности, а прокатившиеся погромы рассматривать как выражение "народного гнева".

Первоначально погромы 1881 г. в правительственных кругах были расценены как следствие революционной пропаганды, жертвами которой стали евреи.

Александр III принял еврейскую депутацию и заявил ей, что "он одинаково относится ко всем верноподданным без различия племени и вероисповедания"⁶⁵. Однако было широко известно, что эта позиция расхо-

дилась с личными взглядами императора, который, будучи еще наследником, преподнес награду автору грязного памфлета "Об употреблении евреями христианской крови" Лютоостанскому.⁶⁶ Именно в царствование Александра III, по подсчетам Д. Раскина, было принято наибольшее количество общих узаконений и распоряжений о евреях, усиливавших их гражданское неравноправие⁶⁷.

По поручению императора министр внутренних дел реакционер Игнатъев занялся изучением вопроса о погроме 1881 г., и вскоре возобладал другой взгляд на события. Они стали рассматриваться как следствие "стихийного справедливого народного гнева". Евреи из жертвы превратились в виновников погромов. Правительство не было заинтересовано в продолжении погромов, но его позиция "понимания причин" явилась фактическим поощрением насилия. В 1882 г. произошел страшный погром в Балте, в котором принимали участие чины полиции. Он вызвал международный резонанс и протесты во многих странах Европы и в Соединенных Штатах.

Вскоре, 12 мая 1882 г. были опубликованы разработанные под руководством Игнатьева "Временные правила" для евреев, которые мотивировались якобы соображениями безопасности самих евреев. В них предусматривалось запретить евреям вне городов и местечек: 1) проживать; 2) приобретать недвижимое имущество в собственность и брать его в аренду; 3) приобретать и строить дома, арендовать их, управлять ими; 4) торговать спиртными напитками и вином. При этом предполагалось предоставить сельским обществам право выселять евреев по приговорам, принятым простым большинством голосов, а не 2/3, как при выселении провинившихся крестьян.

Две недели спустя после опубликования "Временных правил" Игнатъев, как фигура слишком одиозная, был уволен с поста министра внутренних дел, и его место занял граф Д. Толстой. Он не отличался особыми симпатиями к евреям, но был сторонником строгого соблюдения законности и порядка. Д. Толстым был разослан всем губернаторам циркуляр о принятии мер

к предупреждению беспорядков, направленных против евреев. В нем говорилось: "Высочайше утвержденным 3.05.1882 г. положением Комитета министров постановлено: известить во всеобщее сведение, что правительство решилось неуклонно преследовать всякие насилия над личностью и имуществом евреев, как находящихся под охраной общих для всего населения законов, наравне с другими поданными Его Императорского Высочества" Лично на губернаторов возлагалось своевременное принятие мер по прекращению беспорядков"⁶⁸. Этого оказалось достаточно для пресечения насилия на местах.

Судя по архивным данным, в Сибири и на Дальнем Востоке антисемитских выступлений не было, но в соответствии с "Временными правилами" ужесточился контроль за проживавшими на территории евреями.

С помощью правительства погромы вскоре удалось прекратить. Но они вызвали первую массовую волну еврейской эмиграции из России. Основная часть переселенцев направлялась в Америку. В эти же годы в среде еврейства начинают распространяться идеи сионизма, пришедшие на смену ассимиляторским настроениям времен "великих реформ". Первые группы колонистов из России отправились в Палестину. Хотя в январе 1882 г. министр иностранных дел Игнатъев заявил, что "западная граница для евреев открыта", эмиграция вызвала у правительства определенное беспокойство. Об этом свидетельствует один любопытный секретный циркуляр, разосланный на места в июне 1882 г. за подписью Д. Толстого. "Из сведений, имеющихся в МВД, оказывается, что значительное количество евреев, побуждаемых различными неосновательными слухами, распускаемыми агентами некоторых заграничных еврейских обществ, покидают места своего жительства с целью переселения в другие государства. Имея в виду, что большинство таких лиц, обманувшись в своих надеждах, вынуждены бывают возвращаться обратно в Россию и таким образом подвергаться нередко полному разорению и, по меньшей мере, несут невознаградимые убытки, я, с своей стороны, признаю необходимым просить Ваше превосходительство принять зависящие от

Вас меры к охлаждению между еврейским населением вверенной Вашему управлению губернии, как через местных раввинов, так и тем путем, который будет признан Вами наиболее для сего удобным, о том тяжелом положении, в которое поставляются лица, доверчиво положившиеся на обещания”⁶⁹. Чтобы “уберечь” доверчивых евреев, всем губернаторам, в т.ч. Восточно-Сибирскому, было дано указание усилить бдительность: “Вашему превосходительству надлежит принять соответствующие меры к тому, чтобы местные полицейские власти не оставляли без законного преследования тех личностей, которые подстрекают обещаниями выгод евреев к переселению, как виновных в распространении ложных слухов, тревожащих местное население, а об иностранцах, оказывающихся виновными в том же, сообщали Вашему превосходительству для высылки таких из пределов империи”⁷⁰.

Следует отметить, что 1880-е гг. не внесли существенного изменения в порядок переезда и проживания евреев Сибири. Несмотря на многие ограничения, положение сибирских евреев было сносным, по крайней мере, по сравнению с ситуацией в западных и южных губерниях. Многие ограничительные законы их не касались в силу специфики их правового статуса в Сибири. Исключение составил только закон 1887 г., запрещавший евреям питейную торговлю и винокурение, однако он мало затронул евреев Дальнего Востока, т. к. даже в те годы, когда евреям разрешалось получать патенты на торговлю и производство “акцизных напитков”, таковых в большинстве населенных пунктов края насчитывались единицы⁷¹.

Не знали сибирские евреи и того грубого бытового антисемитизма, от которого страдали их европейские собратья. Численность еврейского населения на востоке страны продолжала оставаться незначительной, свободных земель – великое множество при слабой заселенности региона. Слабая конкуренция в хозяйственной деятельности значительно сужала базу для бытового антисемитизма. В эти годы, по словам современников, “русские евреи еще завидовали своему сибирскому собрату”⁷². А известный еврейский

публицист М. Мыш писал: "Невольно возникает вопрос, почему честному человеку, не принадлежащему к привилегированным категориям евреев, нельзя дышать сибирским воздухом, а всяким преступникам и их потомству из евреев не только жить в Сибири, но и натурализоваться можно и пользоваться всеми гражданскими правами, хотя бы и без продажи штейн. А между тем, в силу законов о черте оседлости выходит, что если б еврей, изнемогая в черте от скученности, подавляющей конкуренции своих собратьев, нищеты и т.п., пожелал бы выйти с семейством из своего несчастного положения и переселиться за черту, то ему остается одно: совершить какое-нибудь уголовное преступление, и тогда он получит возможность переселиться на казенный счет в Сибирь с домочадцами, которые делаются полноправными членами общества"⁷³. Конечно, последнее – сильное преувеличение. Еврей в России полноправным членом общества не мог быть по определению, разве что в исключительных случаях. А уж сибирским евреям было до этого далеко. Тем не менее, до 1891 г. их жизнь протекла в привычном русле.

Основной костяк населения по-прежнему составляли нижние чины армии, как действующие, так и оставшиеся, а также ссыльные поселенцы, их семьи и потомки. В результате реформ временно расширился круг лиц, пользовавшихся правом повсеместного проживания в империи. К нему отнесли, как отмечалось, врачей и все другие категории медицинских работников, ремесленников, в которых ощущалась в стране острая нехватка. Другим евреям въезд запрещался, но многие, попавшие в Сибирь незаконно, циркуляром Игнатьева от 3 апреля 1880 г. были оставлены временно в покое.

Таким образом, характеризуя правовой статус сибирского еврейства в рассматриваемый период, необходимо, в первую очередь, отметить его противоречивость. Эта противоречивость определялась, по мнению Г.А. Белковского, неустойчивостью "воззрений законодателя на желательность и государственную необходимость допущения евреев в эту далекую окраину"⁷⁴. В свою очередь, "неустойчивость воззрений законодателя" обуславливалась, как представляется, с одной сто-

роны, определенными колебаниями курса в "еврейской политике" царизма. С другой – отсутствием у правительства четких представлений о путях оптимальной колонизации Сибири. В целом же правовое положение сибирского еврейства до конца XIX в. характеризовалось двумя главными параметрами. Во-первых, это жесткое ограничение допускаемого на Восток страны круга лиц из числа евреев, а во-вторых, отсутствие строгих ограничений в экономической деятельности для тех, кто проживал в Сибири на "законных" основаниях.

II. Положение евреев в Приамурском генерал-губернаторстве в 1884 – 1911 гг.

16 июня 1884 г. было учреждено Приамурское генерал-губернаторство. В его состав вошли Забайкальская, Амурская и Приморская области, Владивостокское военное губернаторство и остров Сахалин, ранее состоявшие в ведении Главного Управления Восточной Сибири. Первым генерал-губернатором Приамурского края стал барон А.Н. Корф.

Население нового административно-территориального образования составило 662 тыс. чел.; из них 500 тыс. проживало в Забайкальской области, 61,5 тыс. – в Амурской, 81 тыс. – в Приморье (во Владивостоке – 12,5 тыс.) и 7 тыс. проживало на острове Сахалин⁷⁵. Точные данные о национальном составе населения края в эти годы отсутствуют. Можно предположить, что количество в нем евреев исчислялось несколькими сотнями. Например, известно, что в мае 1882 г. в Хабаровске проживало 13 семей иудейского вероисповедания⁷⁶. Если учесть, что еврейские семьи в этот период были традиционно многодетны и насчитывали по 6-8 детей, то можно предположить, что евреев в Хабаровске насчитывалось немногим более сотни человек. Известно, что в 1882 г. в Хабаровске проживало 4801 чел.⁷⁷, следовательно, процент еврейского населения в общей структуре составлял около 2 %. Как представляется, этот показатель можно считать средним по Приморской и Амурской областям. Он был несколько выше во Владивостоке, привлекавшем евреев-купцов своим статусом портово-

го города и порто-франко, и заметно ниже на острове Сахалин. В Забайкальской области, где еврейское население, как отмечалось, появилось значительно раньше, этот процент был существенно большим. Так, в Верхнеудинске в 1881 г. все население составляло 4111 чел., из них евреев – 414 чел., или 10 %⁷⁸.

Однако, несмотря на незначительное количество проживавших в крае евреев, вопрос об их статусе постоянно находился в поле зрения канцелярии генерал-губернатора. Общая линия всех Начальников Приамурского края в “еврейском вопросе” была запретительной, как того и требовало законодательство. Между тем само это законодательство в части, касавшейся положения сибирского еврейства, было настолько запутанным и противоречивым, что его толкование могло варьироваться и варьировалось в зависимости от личных убеждений генерал-губернатора и чиновников рангом ниже.

Например, еще в 1882 г., несмотря на запрещение евреям проживать в 100-верстной пограничной полосе, Совет Главного Управления Восточной Сибири постановил направить в Министерство внутренних дел запрос о выяснении обстоятельств “относительно причисления к пограничным городам Восточной Сибири состоящих в запасе и уволенных нижних чинов из евреев”. До получения ответа губернаторам Приморского края и Владивостока было предложено эти категории евреев не высылать⁷⁹. Однако в Приамурском генерал-губернаторстве выселения возобновились. В феврале 1885 г. Корф издал по войскам Приамурского военного округа приказ о запрещении водворяться в крае уволенным в запас “нижним чинам еврейского происхождения”⁸⁰. Однако, как жаловался в своем донесении Приморский губернатор, “недостаточный состав полиции” крайне затруднял задачи очистки вверенной области от евреев⁸¹, чем они, несомненно, пользовались.

Известно также, что Корф направлял ходатайство в МВД о прекращении высылки евреев в Забайкалье и Приамурье для отбывания каторжных работ и для поселения, однако ходатайство было отклонено⁸².

Позиция другого Приамурского генерал-губернатора, С.М. Духовского, в этом вопросе представляется более прагматичной. В своем всеподданнейшем отчете царю в 1895 г. он писал о том, что “некоторые предприимчивые еврейские капиталисты и ремесленники могли бы содействовать торгово-промышленному развитию края, так нуждающегося в капиталах, предприимчивых людях и всякого рода специалистах”. Правда, при этом он отмечал, что “нельзя закрывать глаза на ту опасность, которая предстоит для молодого края от наводнения его еврейским элементом”, повторяя традиционные официальные штампы⁸³.

Вопрос о евреях на Дальнем Востоке всерьез тревожил генерал-губернатора Приамурья в связи с тем, что, как он отмечал в докладе царю, “между евреями все более являются желающие водвориться в новом крае, столь выгодном для всякого рода ремесел и промыслов”. А для того, чтобы поселиться в нем на законном основании, глава семьи должен совершить преступления. Юридическая несостоятельность этого положения была для генерал-губернатора очевидной. В этой связи в своем всеподданнейшем отчете он подчеркнул необходимость скорейшего разрешения “еврейского вопроса” во вверенном ему крае, отметив, как и полагалось в таких случаях, что “это возможно лишь после разрешения того же вопроса по всей империи”⁸⁴.

По мере хозяйственного освоения Дальнего Востока России росла численность его населения, в том числе еврейского. Возникали еврейские общины, налаживалась религиозная жизнь. В начале 1889 г., как свидетельствуют полицейские отчеты, имелись общины и зарегистрированные молитвенные дома во Владивостоке, Николаевске и Хабаровске. Обязанности раввинов исполняли Ученые евреи⁸⁵ – два в Николаевске и по одному в Хабаровске и Владивостоке. В Хабаровске обязанности Ученого еврея исполнял С.И. Бер. Самуил Иосифович Бер был весьма заметной и уважаемой фигурой не только в городе, но и в крае. Получив образование в Петербурге, он в 1883 г. приехал на Дальний Восток. Занимал должность старшего архитектора Управления строительной и дорожной частями при Приамурском генерал-губерна-

торе, являлся автором проекта хабаровского Успенского собора, православных церквей в с. Дмитриевке и Григорьевке, здания тюрьмы и присутственных мест в Хабаровске, в соавторстве работал над проектом здания реального училища (ныне в нем расположена 3-я городская больница). Деятельность С.И. Бера не ограничивалась занятиями архитектурой. Он преподавал в техническом железнодорожном училище, возглавлял комиссию по освидетельствованию паровых судов для плавания по Амуру, был председателем комиссии по приему экзаменов на звание командиров и лоцманов, состоял механиком Приамурского почтово-телеграфного округа⁸⁶. Архив сохранил письмо членов хабаровской еврейской общины на имя С. Бера от 8 мая 1884 г. Оно, как представляется, достаточно точно передает настроение и состояние людей и является одним из немногих сохранившихся документов такого рода, а потому приведем его полностью: "Получив в 1882 г. разрешение на открытие молитвенного дома в г. Хабаровске, мы общими средствами откупили дом и выписали скрижали Завета. Общество наше евреев в Хабаровске, состоящее из 30 человек разного звания, жертвуя последнюю копейку свою для святого дела, имеет целью доставить себе полную возможность исполнять свои религиозные обряды в праздничные и другие торжественные дни, но встречающиеся недоразумения по отношению богослужения и других случаях далеко не удовлетворяют нашей цели, так как между нами нет ученого, более знакомого с требованиями нашего еврейского закона. Придавая этому большое значение и сопоставляя его с нашим дальнейшим желанием и стремлением довершить начатое, осмеливаемся обратиться к Вам, Милостивый государь, не признаете ли возможным принять на себя труд Ученого еврея в нашем обществе и распорядителя, который необходим нам как блюститель порядка в богослужении и для объяснений многих недоразумений, мало известных нам. Смеем надеяться, что Вы благосклонно отнесетесь к нашей покорнейшей просьбе, чем премного обяжете своих единоверцев". Судя по всему, С. Бер не только "благосклонно отнесся" к этой просьбе, т.к. вскоре был утверждён в должности Ученого еврея хабаровской об-

щины, но и высоко ценил ее. Он сохранил это письмо с припиской *“Сие письмо принадлежит Его Высокоблагородию Господину областному Архитектору Приморской области С.И. Беру”*⁸⁷. Судьба этого человека, столь нетипичная для дальневосточного еврея, – не только пример служения России, но и верности своему народу.

К концу XIX в. на территории Приамурского края, помимо Хабаровска, Николаевска и Владивостока, существовали молитвенные дома также в Благовещенске, в станице Сретенской⁸⁸; всего в Забайкальской области действовало 6 молелен⁸⁹. По-прежнему большой проблемой оставалась нехватка раввинов, резников⁹⁰ и даже просто сведущих в иудаизме людей. Так, в марте 1899 г. военный губернатор Забайкальской области докладывал в ответ на запрос канцелярии Приамурского генерал-губернатора, что *“во всей Забайкальской области нет ни одного раввина, а все существующие в области молельни управляются правлением молельни, состоящем из ученого [еврея], старосты и казначея”*⁹¹. В ряде случаев религиозные обряды исполнял резник, как это, например, имело место в Баргузине⁹², а чаще всего – Ученый еврей, как в Хабаровске. В исключительных случаях разрешалось исполнять обязанности раввина лицам без специального образования, как это имело место в Чите. Исполнявший там обязанности раввина еврей был выслан в черту оседлости, в Одессу в виду отсутствия соответствующего образования. Однако вскоре он обратился с письмом на имя императрицы, в котором живописал свои мытарства в Одессе (так как был *“чужд коммерции и практикуемым торговцами присам”*) и просил разрешить ему занять должность казенного раввина в Чите или любом другом городе Восточной Сибири. Поскольку, как отмечалось, во всей Забайкальской области не было ни одного раввина, а приведенный в письме довод, что *“Сибирь – страна ссылки, элемент ея – люди порочные, религия и слово Божие всем необходимы”*, был весьма убедительным, просьба была удовлетворена⁹³.

Серьезной проблемой для евреев Восточной Сибири и Дальнего Востока было образование и обучение детей. В иерархии традиционных еврейских ценностей образо-

вание – одна из ведущих. Вместе с тем в местных условиях ее реализация представляла значительную трудность. На всей огромной территории региона существовала только одна Талмуд-Тора – в Иркутске. В ней обучались круглые сироты и дети из беднейших семей, получая также одежду и питание. Но и это единственное учебное заведение “влачило жалкое существование в виду скудости средств и отсутствия деятельного и энергичного человека, интересующегося этим учреждением”⁹⁴. При всех трудностях местные евреи изыскивали возможности обучить своих детей грамоте даже в глухих уголках. В целом уровень грамотности еврейского населения был выше, нежели русского. Сохранилось свидетельство старшего врача станицы Сретенской И.С. Колбасенко, который отмечал в своей статье, помещенной в газете “Приамурские ведомости” за 29 ноября 1898 г.: “Еврейское население ст. Сретенской отличается большей культурностью сравнительно с местным христианским населением: грамотных у христиан 32,56 %, у евреев – 53,31 %; большая культурность еврейского населения имеет своим последствием санитарное благосостояние (сравнительное) еврейства, а живущее с ним бок о бок христианское население, материально богатое, а культурно убогое, бедствует в санитарном отношении”. Наблюдение доктора относительно большей грамотности евреев подтверждается данными Первой общероссийской переписи 1897 г. Так, в Амурской области уровень грамотности (русской) среди еврейского населения составлял: у мужчин – 77,8 %, у женщин – 45,6 %. (Для сравнения: великороссы – 44,7 % у мужчин и 15,5 % у женщин; поляки – соответственно 70,3 % и 6 %; немцы – 87,5 % и 67,5 %)⁹⁵. Примерно такие же показатели были в Приморской и других областях.

Однако евреи мечтали обеспечить своим детям национальное образование, но власть лишала их такой возможности. Как свидетельствуют документы, они неоднократно обращались с прошениями об открытии традиционных еврейских школ, но всякий раз получали отказы⁹⁶.

Вообще в Сибири чиновничий произвол, характерный для России в целом, достигал невиданных масштабов. Это признавала даже местная, подцензурная пе-

чать. "Дореформенный чиновник, писали "Приамурские ведомости" в 1898 г., даже в Европейской России, где его деяния за близостью органов центрального управления были под контролем, и всегда представлялась возможность обжаловать те или иные действия... заявил себя такими отрицательными деяниями, которые историей и памятью народа преданы вечному осуждению. Тем более было простора для деяний "приказного" в Сибири, где огромные расстояния от центральных управлений, глухая, непроходимая сибирская тайга, могучие реки, страшные пурги зимой и невыносимая мошка летом делали сибирского чиновника совершенно самостоятельным в его действиях и безапелляционным толкователем закона"⁹⁷. Евреи в силу ограниченности прав и запутанности российских законов, регламентировавших их проживание в Сибири, становились едва ли не первыми жертвами местного чиновничьего произвола.

Но особенного размаха он достиг в 1890-е годы, когда Сенат в отмену своей прежней практики стал держаться того взгляда, что "на Сибирь не распространяются изданные в 1859 г. льготные законы о разрешении некоторым категориям евреев права повсеместного жительства"⁹⁸. По этим законам в крае проживали, в частности, ремесленники, в которых постоянно ощущалась нехватка. В связи с ужесточением правил проживания евреев в Сибири они обязаны были ее покинуть. Но подчас ситуация складывалась таким образом, что замснить их было нечем. И тогда власть вынуждена была делать исключения. Так было, например, в случае с ремесленниками Благовещенска шапошником А. Левинтасом и слесарем Г. Срулевичем. Они были оставлены в городе как крайне необходимые для населения⁹⁹. Однако таких примеров было немного. Чаще всего, несмотря на значительную востребованность, ремесленники, равно как представители других нужных краю категорий, высылались к месту приписки. Во многом это зависело от взглядов того или иного местного чиновника.

В эти годы правительством был принят целый ряд постановлений, ужесточивших порядок въезда и прожи-

вания евреев на Востоке страны. Так, в марте 1890 г. был опубликован Указ, в котором Правительствующим Сенатом давалось разъяснение принятого 30 лет назад закона о 100-верстной пограничной полосе, из которого следовало, что евреям не только селиться, но и появляться на этой территории воспрещалось¹⁰⁰. Это разъяснение ставило в тупик местные власти, так как закон не воспрещал евреям выезд за границу. Осуществить же его, минуя 100-верстную полосу, было невозможно.

В 1896 г. закон запретил евреям-солдатам жить вне черты оседлости даже в короткий промежуток отпуска в годы службы в армии. Еврейский солдат из полка, стоявшего в Сибири, должен был на время своего месячного отпуска удалиться в черту оседлости, не имея права оставаться даже в том городе, где он отбывал военную службу¹⁰¹. Вместе с тем до 1897 г. Сенат признавал за сибирскими евреями право свободного жительства в Сибири за исключением 100-верстной пограничной полосы. Пользуясь этим правом, евреи нередко покидали места своей приписки, переезжая в пределах Сибири в более удобные для себя селения и города, приобретали оседлость, обзаводились домохозяйством, вели торговлю. В 1897 г. Сенат решил, что "за сибирскими евреями не может быть признано право на свободное жительство ни во всей Сибири, ни в той или другой сибирской губернии" и что "жителиствующие в Сибири евреи, отбывшие наказание и даже не подвергшиеся оному, не имеют права на свободное переселение из одного места Сибири в другое"¹⁰².

На этом основании местная администрация не только стала требовать возвращения евреев к местам их приписки, но и запрещать какие-либо отлучки. Такое указание, например, содержалось в циркуляре военного губернатора Забайкальского округа окружным начальникам и полицмейстерам¹⁰³.

В виду поступающих от евреев жалоб и находя многие из них уважительными, Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков считал необходимым назначить комиссию из представителей высшей администрации для рассмотрения следующих вопросов: "1) что следует считать местом причисления евреев-ссыльных и их

потомков; 2) могут ли названные евреи причисляться в пределах Сибири и вне 100-верстной пограничной полосы из одного места в другое; 3) могут ли те же евреи временно отлучаться из мест причисления для заработков, по торговым и иным уважительным причинам во все места Сибири, кроме 100-верстной полосы и на какой срок; 4) имеют ли ссыльные евреи, получившие на основании Всемилостивейшего манифеста разрешение на причисление в мещане, права свободного выбора города, к которому они пожелают причислиться”.

Признав своим решением от 24 сентября 1899 г., что местом причисления в Сибири следует считать для мещан – город, посад или местечко, к мещанскому или ремесленному обществу которых они причислены, а для ссыльно–поселенцев и крестьян – волость, к коей они приписаны, Хабаровская комиссия постановила: “1) еврей-ссыльные и их потомки не имеют право на свободное переселение из одного места в другое. Так как назначение мест причисления для ссыльных евреев принадлежит местному начальству, то евреям и не может быть возбранено ходатайствовать перед последним о перемене места причисления, при чём от усмотрения начальства зависит – удовлетворить ходатайство, если таковое признаётся заслуживающим уважения и не имеется никаких препятствий, или же отказать в удовлетворении; 2) считая, что безусловное воспрещение евреям-ссыльным выезда из мест причисления было бы напрасным и вредным стеснением, комиссия полагает возможным применить к потомкам ссыльных евреев порядок разрешения отлучек, установленный для ссыльно-поселенцев, причём отлучки в течение года, в общей сложности, не должны превышать 6 месяцев”¹⁰⁴.

Решения Хабаровской комиссии ужесточили правила проживания евреев в Сибири. По оценке юристов, занимавшихся проблемой правового статуса сибирских евреев, они не имели законного основания, т.к. не входили в компетенцию генерал-губернаторства, и должны были быть отменены Сенатом¹⁰⁵. Этого, однако, не произошло. Напротив, решения Хабаровской комиссии создали прецедент и, более того, вошли в состав специального решения Сената и Указа императора, в кото-

рых подтверждался разработанный ею порядок. Полицейские органы стали ставить в паспортах проживавших в Сибири евреев особые отметки. Возрос чиновничий произвол, ставивший людей в абсолютную зависимость от местной администрации.

Бывший советник Омского областного правления Г.И. Тихонов, выступивший с докладом о положении сибирских евреев в Обществе востоковедов в Санкт-Петербурге в 1904 г., отмечал: "Кроме так называемого законодательства о евреях существует еще нечто неизмеримо худшее, это т.н. "местная политика" по отношению к евреям. Эта политика ... постоянно меняется, находясь в зависимости не только от местных генерал-губернаторов, но и более скромных по положению, но всемогущих по существу уездных начальников, исправников, приставов и т.д." ¹⁰⁶

Убедительной иллюстрацией к этому утверждению могут послужить события, имевшие место в Николаевске весной 1891 г. Там вступивший в должность городского полицмейстера некий Пикарев, как явствует из архивного документа, "ознакомившись с городом и его народонаселением, нашел, что в таковом проживает масса евреев, из которых, как оказалось при проверке, едва ли найдется два или три человека, имеющих право на жительство в ней [так в тексте; стиль и пунктуация документа полностью сохранены], остальные же проживают, как говорится, так себе в частности эти лица пользуясь таковой свободой почему-то довольно свободно приобретают недвижимые собственности не имея на это права по закону". Далее этот малограмотный полицмейстер объяснял свою озабоченность следующим образом: "Как известно из опыта, евреи живут и благоденствуют за счет того класса людей, который из сил выбивается из-за куска хлеба, работая на них же" ¹⁰⁷. На этом основании было отдано распоряжение о высылке из города 32 семей, находившихся в нем "не по закону". Они должны были покинуть Николаевск в течение 3-х месяцев, в противном случае им грозила высылка по этапу. Примечательно, что в списке лиц, подлежавших высылке, были представители таких профессий, как писмоводитель, переплетчик, отставной ун-

гер-офицер, приказчик у Чурина, засольщик рыбы и т.п. Следом за распоряжением на имя полицмейстера посыпались многочисленные просьбы и ходатайства с приложением разного рода справок и рекомендаций. Во всех прошениях подчеркивалось, что их авторы живут своим трудом и соблюдают законы империи, но Пикарев лично решал судьбу каждого еврея по своему усмотрению. Так, на одном из заявлений некоего Юровского он начертил следующую резолюцию: "Не могу оставить Юровского на местожительство в г. Николаевске, потому что в нем без него достаточно евреев-эксплоататоров"¹⁰⁸.

Пример этот не исключительный, он примечателен лишь тем, что, выполняя директиву, местный малограмотный чиновник проявил личное творчество. А закон это вполне позволял.

Если характеризовать социальный состав еврейского населения региона в конце XIX в., то следует отметить, что "эксплоататоров" среди него было очень немного, вместе с тем и профессиональных нищих было мало¹⁰⁹.

Путешествовавший по Сибири Ю. Островский подчеркивал, что ее еврейское население "составляет в большинстве своем трудовой народ, в котором окружающее население безусловно нуждается"¹¹⁰. Он отмечал, что евреи играли заметную роль в торговле, мелком ремесле, занимались земледелием, извозом, владели небольшими мыловаренными, кожевенными и шорными заводами, которые работали "исключительно на местное производство, поставляя на рынок прочный и дешевый товар"¹¹¹.

На Дальнем Востоке (в Приамурском генерал-губернаторстве) основную массу евреев составляли военнослужащие нижних чинов, прислуга, поденщики, мелкие торговцы, крестьяне, портные и т.д. Например, по данным переписи 1897 г., из 120 евреев-мужчин Амурской области, подпадавших под категорию "самостоятельное население", купцов было 10 чел., занятых в торговле - 9, крестьян - 41, в вооруженных силах - 26, частная прислуга и поденщики - 11, из изготовления одежды занимались 9 чел.¹¹².

В Приморской области из 1343 мужчин-евреев 1238 служили в вооруженных силах¹¹³.

В целом еврейское население Сибири¹¹⁴ к концу XIX в. продолжало оставаться немногочисленным. По переписи 1897 г., оно составляло немногим более 30 тыс., хотя есть основания полагать, что реально было больше, так как по понятным причинам далеко не все евреи желали лишний раз обнаруживать свое присутствие. По губерниям и областям население распределялось следующим образом:

- в Енисейской губернии – 6167 евреев (или 1,20 % всего населения);
- в Иркутской губернии – 7481 (1,38 %);
- в Томской губернии – 7611 (0,39 %);
- в Тобольской губернии – 2387 (0,17 %);
- в Забайкальской области – 7973 (1,20 %);
- в Амурской области – 394 (0,33 %);
- в Приморской области – 591 (0,71 %);
- в Якутской области – 632 (0,23 %).

По острову Сахалин данные по национальному составу отсутствуют, однако, как явствует из архивных данных, на 1 января 1898 г. на острове состояло евреев 221 чел., из них – 137 мужчин и 84 женщины. В том числе 22 мужчины и 9 женщин – приговоренных к каторжным работам, 24 – приговоренных на поселение, остальные – члены семей¹¹⁵. (Ссылка евреев на Сахалин была прекращена в 1899 г.)

К началу XX в. складывается особый тип ментальности сибирского еврея. "Сибирские евреи, – писал современник, – в общем зажиточны, по образу жизни, характеру, привычкам, по типу и каким-либо специфическим внутренним качествам, наконец, по языку, который у них преимущественно чисто русский, почти не напоминают своих сородичей и соплеменников в европейской России, особенно из северо- и юго-западного края"¹¹⁶. Исследователи отмечали меньшую набожность сибирских евреев, нередкое нарушение субботного отдыха, постов и т.д. Лишенные связей с традиционными центрами российского еврейства, они были практически не знакомы с национальной культурой и тем более стояли в эти годы в стороне от политических процес-

сов, зарождавшихся в среде их западных собратьев. Вместе с тем, несмотря на адаптированность к местным условиям, оторванность от культурного центра, местные евреи стремились сохранить свою национальную и религиозную самоидентификацию, привить детям чувство национального самосознания.

Для местных евреев характерным было чувство достоинства и самоуважения, свойственное сибирякам в целом. Объясняется это также и тем, что, несмотря на официальную политику и производ местных властей, они не знали того грубого антисемитизма, от которого так страдали их соплеменники в европейской России, особенно жители “местечек”. Отсутствие антисемитских стереотипов на уровне массового обывденного сознания местного населения в рассматриваемый период обуславливалось целым рядом факторов.

Во-первых, слабой заселенностью региона и, как следствие, отсутствием конкуренции. Во-вторых, своеобразием социального состава местных евреев. Как отмечалось выше, они были потомками ссыльных каторжан либо рекрутов. Вплоть до начала XX в. в структуре еврейского населения Дальнего Востока преобладали мелкие и средние торговцы, приказчики, ремесленники, нижние армейские чины. Обвинить местного еврея в “эксплуатации” либо “спаивании” русских, как это практиковалось в европейской части страны, было трудно.

В-третьих, еврейские общины Сибири и Дальнего Востока были не столь замкнуты и обособлены, как в западных губерниях империи. По образу жизни, укладу, экономическому положению местные евреи мало отличались от других жителей региона, а потому чаще всего не воспринимались как чужаки. Наконец, население Сибири, а особенно Дальнего Востока, изначально было многонациональным. Русские жили здесь бок о бок с представителями разных народностей, и у каждого была своя “ниша”, своя профессиональная специализация и свой социальный статус. Это формировало у местных жителей, как правило, национальную и религиозную¹¹⁷ терпимость.

Следует также отметить, что проводниками официального антисемитизма были чиновники различного

ранга, которые присылались из центра, пользовались всяческими льготами и по истечению определенного срока вновь отбывали в центр России. Местные русские жители не испытывали к ним доверия и часто тоже страдали от чиновничьего произвола. Неприязнь сибиряков к чиновникам отмечал еще генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин: “Коренной сибирский житель чувствует врожденную антипатию к пришлым людям, называя их “российскими”, “навозными”, он видит в чиновниках своих врагов, угнетающих всё, им подвластное...”¹¹⁸. Политика государственного антисемитизма ни формально, ни по существу, как правило, не воспринималась сибиряками как соответствующая их интересам.

К началу XX в. Сибирь совершенно закрывается для всех категорий евреев, даже столь необходимых этому региону – врачей, учителей, лиц с высшим образованием, ремесленников. Исключение составляли только преступники. По всей Сибири устанавливались кордоны для приезжавших евреев, и на их паспортах ставилась печать: “въезд в сибирские города воспрещен”. И это в то время, когда на этой огромной территории разворачивалось грандиозное строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, шло интенсивное хозяйственное освоение богатых, но малообжитых земель. Причины усиления запрета евреям на въезд в Сибирь трудно объяснить чем-то иным, кроме общего ужесточения правительственного курса в “еврейском вопросе”. И если в отношении евреев европейской России государственный антисемитизм может быть объяснен своего рода правительственным протекционизмом, стремлением защитить русское население от конкуренции в условиях перенаселенности региона, то в малообжитой Сибири политика ограничения присутствия евреев теряла всякий утилитарный смысл. Более того, как представляется, с точки зрения государственных интересов она была нецелесообразной.

Как известно, хозяйственное освоение Дальнего Востока тормозилось, в том числе, отсутствием необходимых средств в казне, незаинтересованностью крупной буржуазии Европейской России в размещении здесь

своих капиталов, дефицитом рабочих рук. “В связи с этим, — отмечает историк А.В. Алепко, исследовавший проблему влияния иностранного капитала на развитие края в дореволюционный период, — российское правительство и дальневосточная администрация для решения вопросов освоения региона были вынуждены обращаться к международным рынкам и зарубежным капиталовладельцам”¹¹⁹. По его мнению, с одной стороны, “иностраный капитал в значительной мере содействовал экономическому освоению и развитию Приамурского края”, а с другой стороны, в условиях возросшей экономической и политической экспансии западных держав на Дальнем Востоке в конце XIX в. его проникновение создавало “угрозу утверждения в Приамурском крае чужеземного влияния”¹²⁰.

Не отрицая важность и необходимость привлечения иностранных инвестиций к освоению Дальнего Востока, отметим, что многие из стоявших в тот период перед краем проблем могли быть решены путем поощрения колонизации окраины российскими евреями. Это отмечали еще современники. Так, по мнению Ю. Островского, евреи, являясь “деятельным и предприимчивым элементом, при отсутствии ограничительных мер, несомненно, еще в большей степени оживили бы слабо развитую сибирскую промышленность, от чего прежде всего государство бы выиграло”¹²¹.

Позитивная роль активного еврейского участия в освоении региона подтверждается примером Харбина. После подписания в 1898 г. между Россией и Китаем договора о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в Маньчжурию устремились евреи Сибири и Дальнего Востока, привлеченные богатыми экономическими возможностями, а также отсутствием дискриминации. (Подробнее о Харбине речь пойдет в III главе).

И еврейские предприниматели, стесненные ограничительными законами, и еврейские ремесленники, задыхавшиеся от скученности и конкуренции в черте оседлости, могли не только внести значительно более весомую лепту в освоение Приамурского края. Их привлечение могло снизить остроту по меньшей мере двух проблем,

постоянно стоявших перед местной администрацией: защиты местного рынка от активного проникновения иностранного капитала, а также ограничения экспансии “желтого труда”. Однако мешала постоянная подозрительность российской власти в отношении евреев.

В 1898 г. Главным управлением казачьих войск военного министерства наказному атаману Амурского казачьего войска был направлен циркуляр, озаглавленный “Об ограничении доступа для иностранцев и евреев к промышленным предприятиям в казачьих владениях”. Этот документ появился на свет после того, как на одном из представлений Главного управления казачьих войск по проекту устава некоего промышленного общества, к участию в котором допускались иностранцы, военный министр наложил следующую резолюцию: “Я не сторонник слишком спешного развития промышленности в казачьих владениях за счет особенно, иностранных капиталов и при помощи иностранцев и евреев... Надо принимать все меры, дабы в казачьих областях действовали русские люди и русские капиталы, дабы не было евреев”¹²². Военному министру, несомненно, было известно, что право евреев селиться в казачьих станицах было оговорено и Высочайше утвержденным 28 апреля 1868 г. мнением Государственного Совета, по которому русские подданные не войскового сословия могли селиться и приобретать недвижимость в землях казачьих войск. Никаких исключений для евреев-российских подданных сделано не было. Исключение составляла 100-верстная пограничная полоса с Китаем. Однако отношение министра к закону вполне соответствовало общероссийской практике. “Надо зорко наблюдать, – подчеркивал он, – чтобы неосторожной редакцией того или иного параграфа устава мы не дали бы легкой возможности к переходу предприятия в иностранные или еврейские руки”¹²³.

Замечания министра легли в основу упомянутого выше циркуляра, который был разослан на места. Появление на свет 17 января 1900 г. распоряжения Приамурского генерал-губернатора о запрещении евреям селиться в станице Сретенской Забайкальской области,¹²⁴ не входившей в 100-верстную пограничную поло-

су, хотя и противоречило закону, но полностью соответствовало министерскому циркуляру.

Очевидно, центральная власть все-таки отдавала себе отчет в устарелости сложившегося подхода к сибирскому еврейству, в противоречивости соответствующей законодательной базы. Но в вопросе о том, каким образом устранить эту противоречивость, единства не было. Молодой император Николай II придерживался взглядов, во многом схожих со взглядами своего отца, Александра III. На отчете Приамурского генерал-губернатора в январе 1897 г. он начертил: "Вопрос об евреях Сибири должен быть отделен от общего вопроса, иначе он никогда не получит своего разрешения. С каждым годом Сибирь наводняется ими в возрастающем количестве"¹²⁵. Последнее предложение выражает определенную тревогу царя на этот счет. По воспоминаниям А. Симановича, секретаря Г. Распутина, "царю еврейский вопрос причинял немало забот, и он не знал, как с ним поступить"¹²⁶. Полностью действовать в духе политики отца он не мог: после волны погромов, прокатившейся в России в конце XIX в., ее международный престиж значительным образом пострадал. Это могло иметь для страны не только моральные, но и финансовые издержки, т.к. целый ряд крупнейших зарубежных банков финансировался еврейским капиталом. А Россия нуждалась в деньгах.

Это понимали находившиеся в окружении царя государственные деятели либерального толка, в числе которых были министры П.Д. Святополк-Мирский, С.Ю. Витте, В.Н. Коковцев, а также П.А. Столыпин. Не будучи филосемитами, они, тем не менее, видели необходимость решения еврейского вопроса если и не в европейском духе, то в направлении снижения его остроты в России. Этим объясняется то, что "за период с 1897 по 1904 гг. либеральная тенденция в "еврейской политике была явно преобладающей. За все это время не было принято ни одного сколько-нибудь серьезного антиеврейского акта"¹²⁷.

Правда, и никаких действий, направленных на улучшение положения евреев, предпринято не было. Но, судя по некоторым данным, были намерения. В частно-

сти. в отношении сибирского еврейства. Так, в начале 1901 г. Приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым была получена депеша из департамента духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел с “покорнейшей просьбой” сообщить министерству “подробные сведения и соображения о положении еврейского вопроса в Приамурском крае вообще и, в частности, заключение о том, какие меры следует принять для справедливого разрешения вопроса о евреях, издавна оседло поселившихся в названном крае с ведома и дозволения власти, хотя и без законного основания, обзаведшихся там недвижимостью и занимающихся полезной деятельностью”¹²⁸. Об этом же шла речь и в циркуляре министра внутренних дел Плеве от 11 августа 1903 г., разосланном губернаторам “для представления и собрания необходимых материалов к предстоящему пересмотру законодательства о евреях, правда, не коренному, а лишь в целях его усовершенствования”¹²⁹.

Эта робкая по сути затея окончилась ничем: она утонула в бюрократической переписке. Да и были у местных властей дела поважнее: в иерархии проблем, стоявших перед краем, “еврейская” объективно не была в числе важнейших.

В конце 1901 г. департамент духовных дел иностранных исповеданий вновь обратился с просьбой к генерал-губернатору “ускорить сообщение сведений о положении еврейского вопроса” на вверенной ему территории¹³⁰. На сей раз канцелярская машина была запущена: начался сбор информации с мест, растянувшийся не на один год. Чиновники были единодушны в своем мнении: евреев в край «не пущать». Так, в январе 1902 г. военный губернатор Амурской области докладывал свое мнение на этот счет генерал-губернатору: “Считаю необходимым высказать то, что хотя число проживающих в настоящее время в Амурской области евреев невелико, но с проведением сибирской железной дороги и с развитием торговой, фабричной и сельскохозяйственной промышленности следует ожидать значительного наплыва евреев в Приамурский край, что, безусловно, нежелательно не только в видах необходимости упроч-

ния здесь русского элемента, но и в ограждение молодого, не окрепшего еще населения от эксплуататорской деятельности евреев. Можно с уверенностью сказать, что при существующих изъятиях, допускающих право повсеместного жительства в империи некоторым евреям, многие отрасли торговли в самом непродолжительном времени перейдут в руки евреев в ущерб благосостоянию русского населения”¹³¹. Таким образом, начальнику Амурской области и существовавших ограничений для евреев казалось недостаточно. А потому его предложение сводилось к следующему: “Полагал бы, – писал он, – не только желательным, но и необходимым не допускать в этом отношении никаких изъятий, с предоставлением евреям лишь права временного приезда в область по торговым и другим делам, но с соблюдением при этом правил”¹³².

Николаевский полицмейстер Хабаров в своем рапорте военному губернатору Приморской области докладывал, что все евреи города (в количестве 500 человек) являются “тайными врагами правительства”¹³³. И далее полицмейстер Хабаров, словно продолжая традицию, заложенную его предшественником Пикаревым, с удивительным для канцелярского жанра пафосом мечтал: “Когда евреи, все без исключения, будут выдворены из Приамурского края, когда в обширном Отечестве будет хоть один уголок, не смеемый посещаться евреями, когда русский народ освободится от еврейского гипноза, без еврейского факторства разовьется русская промышленность, о, тогда нынешнему врагу трудно будет преодолеть силу народного устоя, никем не сбиваемого с толку гадкою трусостью и алчностью наживы”¹³⁴.

С позицией своего подчиненного целиком и полностью согласился Приморский областной губернатор Флуг, о чем он, в свою очередь, и докладывал Приамурскому генерал-губернатору: “Мнение г. Хабарова о евреях нахожу заслуживающим серьезного внимания”. И далее он предлагал “принять меры к прекращению наплыва евреев в Николаевск-на-Амуре”¹³⁵.

Неизвестно, по какой причине – то ли с учетом подобного рода мнений местных чиновников, то ли в виду кад-

ровых внешне-террорных перемен, - но вопрос об изменении в лучшую или худшую сторону положения сибирских, впрочем, как и всех российских евреев был снят с повестки.

Единственным документом стал закон 7 июня 1904 г. "Об отмене ограничительных законов о праве жительства евреев в 50-верстной от границы полосе". Принятый с целью уменьшения контрабанды на западных границах империи, закон этот показал свою абсолютную неэффективность, т.к., по признанию министерства финансов и МВД, представлявших этот законопроект в Госсовет, "контрабандный промысел не является специфически еврейским злом" и "удаление евреев из пограничной полосы отнюдь не повлияло на ослабление его размеров"¹³⁶. Но и этот закон не распространялся на евреев Дальнего Востока, т.к. они попадали под действие закона о 100-верстной пограничной полосе с Китаем, который оставался в силе.

В марте 1903 г. указом I департамента Правительствующего Сената было принято решение, запрещающее евреям-купцам I гильдии, которые пользовались правом повсеместного жительства в Российской империи, проживать в Сибири. Трудно объяснить причины появления на свет этого указа, ибо Сибирь и Дальний Восток, как никакой другой регион страны, нуждались в эти годы в предприимчивых и образованных людях. В том же году Совет Министров рассматривал вопрос "О допущении приезда евреев на ярмарки в Сибирь" и, ссылаясь на действовавшее законодательство, "разрешил означенный вопрос в отрицательном смысле"¹³⁷. Очевидно, что последствия этих решений были однозначно отрицательными не только для евреев, но и для всех жителей восточной окраины.

В начале века евреи Дальнего Востока уже успели зарекомендовать себя толковыми предпринимателями во многих сферах экономики. Так, путешествовавший по этим местам Г.Т. Муромов, не испытывавший к евреям ни малейшей симпатии, описал в своей книге такой эпизод. В 1903 г. почти удвоился спрос на заготавливаемую в крае кету. Она стала пользоваться большим спросом в Японии, Маньчжурии, на золотых приисках. Нужно было быстро реагировать на это изменение

спроса и вложить средства в развитие данного производства. “Между промышленниками, – пишет Г.Т. Муромов, – и русские, и евреи. Как у тех, так и у других капитала не было. Между тем надо было достать денег, во что бы то ни стало. Одержали верх евреи. Им помогали их единоверцы-капиталисты: устроили кредит в Русско-Китайском банке. Русские же, несмотря на преобладающую численность и господство, остались без дела”. Причина заключалась в том, по мнению автора, что русским никто – ни администрация, ни капиталисты, ни даже сельские кулаки – не ссудил денег. В итоге 3/4 всей заготовленной в 1903 г. кеты принадлежало еврейским рыбопромышленникам¹³⁸.

Это обстоятельство всерьез заботило местные власти, однако за неимением экономических рычагов воздействия на ситуацию она использовала административные. Активным сторонником ограждения промышленности края, весьма неразвитой, от еврейского участия был военный губернатор Приморской области генерал-майор Чичагов. О его позиции красноречиво свидетельствует резолюция, которую он наложил на ходатайстве еврея Г.Б. Дризина, проживавшего в Хабаровске с 1893 г. и занимавшегося крупными подрядами по Уссурийской железной дороге, разрешить ему дальнейшее проживание в городе: “Я нахожу безусловно необходимым не допускать исключений ни для каких евреев, будь то самые полезные люди, польза от которых может быть лишь временная, но зато последствия очень тяжелыми”¹³⁹. Другой пример. В марте 1900 г. с просьбой о разрешении проживать в Приамурском генерал-губернаторстве для занятий лесным промыслом обратился псковский купец I гильдии И.Ш. Якобсон. Его просьбу поддержало Приамурское управление государственными имуществами. В письме Управления на имя Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова подчеркивалось, что “всякое предприятие по лесному промыслу в низовьях Амура будет крайне полезно в целях развития как лесного дела, так и улучшения экономического благосостояния тамошнего населения, почему и всякий новый предприниматель является лицом желательным”¹⁴⁰. Однако Чичагов, рассматривав-

ний просьбу Якобсона и ходатайство Управления государственными имуществами, отказал просителям. В докладе в канцелярию Приамурского генерал-губернатора он мотивировал свое решение тем, что “г. Николаевск-на-Амуре и вообще низовья Амура в значительной степени наполнены евреями, и самая главная промышленность в низовьях Амура – рыбная – ... в большинстве захвачена в руки евреев. Недостает еще и того, – считал чиновник, – чтобы лесная промышленность в низовьях Амура постепенно очутилась в руках евреев. И тем самым население окончательно попало в руки таких эксплуататоров”¹⁴¹. При этом свое решение по данному вопросу Чичагов просил считать “ответом на все ходатайства евреев, которые в будущее время будут возбуждены подобно ходатайству еврея И. Якобсона”¹⁴². Одновременно было дано предписание николаевскому полицмейстеру о выселении Якобсона из города в течение двух месяцев. Следом за этим решением Приамурское управление государственными имуществами вновь направило в областное правление ходатайство с просьбой оставить еврейского предпринимателя на жительстве в Николаевске-на-Амуре, но эта просьба так и не была удовлетворена. С этим решением согласился Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Однако необходимо было осваивать огромный край с его несметными природными богатствами, а людских и финансовых ресурсов постоянно не хватало. Это заставляло местную власть время от времени “поступаться принципами” и давать разрешение еврейским предпринимателям на ту или иную крайне необходимую для восточной окраины России хозяйственную деятельность. Тем более, что закон предоставлял ей такую возможность, разрешая оставлять в Сибири евреев, поселившихся “с ведома и дозволения власти”. По статусу Приамурский генерал-губернатор имел полномочия решать эти вопросы по своему усмотрению, исходя из собственных представлений о пользе для края. Нередко соображения экономической целесообразности брали верх. Так, например, было в случае с обращением в 1906 г. купцов Люри и Рубинштейна с ходатайством о разрешении строительства лесопильного и бондарного заводов в

Николаевске-на-Амуре. В отличие от своего предшественника Чичагова, новый губернатор Приморской области Флуг, препровождая эту просьбу в канцелярию Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера, счел ее заслуживающей удовлетворения. “Предприятие Люри и Рубинштейна, – писал он в этой связи, – представляет существенный интерес не только для населения города и уезда, но и в отношении экономического развития всего низовья Амура”¹⁴³. С ним согласился Начальник края, несмотря на предложение Правителя канцелярии отклонить прошение¹⁴⁴. Было очевидно, что одно из главных богатств края – лес хищнически вырубается местными и китайскими заготовителями, и необходимо создавать лесопромышленное производство. Исходя из этих соображений, право на строительство лесопильного и фанерного заводов было предоставлено также купцу Л.Ш. Скидельскому, ставшему впоследствии крупнейшим предпринимателем на российском Дальнем Востоке. В дальнейшем он построил фанерный завод на ст. Океанской под Владивостоком, столярный и лесопильный заводы на ст. Бикин и Иман, маслобойный и олифоваренный заводы в Никольск-Уссурийске, мельницы в Харбине и Никольске, каменноугольные рудники в Приморье¹⁴⁵. Л.Ш. Скидельский и его сыновья, переехавшие впоследствии из Владивостока в Харбин, стали не только крупнейшими промышленниками, но и известнейшими меценатами. (Показателем масштабов благотворительной деятельности Л.Ш. Скидельского может служить один лишь факт: в соответствии с оставленным завещанием, после его смерти каждый служащий получил в виде бонуса месячный оклад за каждый прослуженный при его жизни год).¹⁴⁶

В январе 1904 г. на Дальнем Востоке разразилась русско-японская война. В числе российских воинов, участвовавших в ней, было немало и евреев. Причем процент евреев, находившихся в армии (более 5 %), превышал процент их численности в структуре всего населения империи (4,13 %) ¹⁴⁷. А в сибирских корпусах, первыми встретивших натиск врага, этот показатель был еще выше, поскольку, как отмечалось выше, евреи из западных губерний посылались преимущественно на

службу в Сибирь. Всего в русских частях на Дальнем Востоке во время войны находилось более 20 тыс. евреев-солдат. 1200 врачей, что составляло 1/3 от общего числа врачей, посланных на фронт; а в осажденном Порт-Артуре они составляли 27 %¹⁴⁸. Среди евреев-участников войны были и Георгиевские кавалеры, самый знаменитый из которых – И. Трумпельдор – был удостоен всех четырех степеней этой высокой награды¹⁴⁹.

По утверждению Т.И. Тихонова, “в одном из приказов коменданта владивостокской крепости выражалась благодарность солдатам-евреям, которые... доказали, что сражаются так же храбро, как и их русские товарищи. Генерал выражал надежду, если не уверенность, что по возвращению в Россию они будут уравнены в правах с прочим населением”¹⁵⁰. Очевидно, не меньшие надежды питали и самих евреев. Издававшийся в Петербурге еврейский журнал “Восход” писал в те дни: “В этот торжественный момент перед лицом грозящей опасности взаимные расчеты и предрассудки забываются, все солдаты становятся равноправными сынами Отечества, братьями, готовыми положить душу друг за друга. Тут в буквальном смысле нет ни эллина, ни иудея, на бастионах Порт-Артура никто не спрашивает о национальности и вероисповедании, не разбирается в паспорте или праве жительства. И это братское единение, испытанное на полях битвы, послужит уроком и для мирных обывателей, смягчит их жестокие сердца и уничтожит предрассудки”¹⁵¹.

Однако этим наивным надеждам не суждено было осуществиться. Правда, в марте 1904 г. министром внутренних дел Плеве конфиденциально был разослан всем губернаторам, градоначальникам и обер-полицеймейстерам циркуляр, в котором вновь отмечалась запутанность законодательства о евреях, что вызывало тяжёлые последствия для них. Признавая, что положение выселяемых евреев “для некоторых из них отягчается военными событиями на Дальнем Востоке”, министр распорядился “временно, вплоть до восстановления мира, приостановить выселение из числа евреев, неправильно, по мнению местной администрации, поселившихся в местах их настоящего жительства”¹⁵². По этому

циркуляру были оставлены в покое семьи сражавшихся на Дальнем Востоке евреев. Однако некоторыми администраторами он истолковывался таким образом, что “если, например, уехавший убит, т.е. никогда больше не возвратится, то жену его можно выселять”¹⁵³.

11 августа 1904 г. в честь рождения наследника цесаревича Алексея был опубликован Указ Николая II. В тот же день царь подписал также Указ Правительствующему Сенату “О некоторых изменениях в действующих постановлениях о правах жительства евреев в различных местностях империи”, в котором выразил пожелание положить в основу разрешения “еврейского вопроса” начала “справедливости”. В соответствии с Указом несколько расширился перечень категорий еврейского населения, наделавшихся правом повсеместного жительства. К нему вновь, как и во времена Александра II, отнесли лиц, окончивших учебные заведения, их жен и детей (сыновей – до совершеннолетия или до окончания курса в высших учебных заведениях, но не старше 25 лет; дочерей – до замужества); купцов I гильдии и членов их семей, включенных в сословное свидетельство; евреев-ремесленников, при условии занятия ими своим ремеслом; отставных нижних чинов, поступивших на службу по рекрутскому Уставу. По закону 1904 г. правом повсеместного жительства были также наделены воинские чины, “кои, участвуя в военных действиях на Дальнем Востоке, удостоились пожалования знаками отличия или вообще бесспорочно несли службу в действующих войсках”¹⁵⁴.

Однако в конце текста Указа следовала небольшая приписка: “Действие настоящих правил не распространяется на такие местности, в коих относительно евреев установлены особые ограничительные правила”. Знакомившийся с этим Указом чиновник канцелярии Приамурского генерал – губернатора красным карандашом подчеркнул эту фразу и для абсолютной ясности сделал от себя приписку: “На Сибирь не распространяется”¹⁵⁵. Таким образом, столь ожидаемых перемен не последовало. Бесправие сибирского еврейства не только не был положен конец, а, напротив, оно еще более усугубилось, ибо местная администрация лишний раз убедилась в своем всевластии над евреями. “Право сражаться

в лежащей вне черты оседлости Маньчжурии, быть там раненым или убитым вовсе не обуславливает права проживать в других российских городах в мирное время", – прокомментировал этот Указ современник¹⁵⁶.

Тем не менее, во время и после русско-японской войны численность еврейского населения Дальнего Востока возрастает. Особенно это было заметным во Владивостоке. По этой причине военный губернатор города, генерал-майор Флуг издал 6 июня 1906 г. специальное объявление для всех жителей, где прямо указывал на "значительный наплыв евреев, многие из которых рассчитывают остаться... на долгое время, а некоторые рассчитывают и постоянно водвориться в г. Владивостоке"¹⁵⁷. В этой связи губернатор разъяснял, какие категории евреев имеют право на проживание в Сибири. Любопытно, что в этот список был включен перечень, содержащийся в Указе от 11 августа 1904 г., действие которого, как отмечалось, на Сибирь не распространялось. Скорее всего, это произошло случайно, ибо, судя по документам, Флуга трудно заподозрить в юдофильстве¹⁵⁸. Тем не менее, эта ошибка давала основания части евреев поселиться в городе.

В объявлении губернатора определялись обстоятельства, при которых евреи получали право временного проживания во Владивостоке: 1) для принятия наследства; 2) для отыскания законных прав собственности; 3) для торговых дел и для торгов на подряды и поставки, совершавшиеся в дозволенных для проживания евреев местах. В этих случаях они имели право пребывания в городе не более 6 недель, а в особых случаях, с разрешения областной администрации – до 2-х месяцев¹⁵⁹. Всем остальным предписывалось покинуть город и выселяться в черту оседлости.

Однако события, разворачивавшиеся в европейской части России, усиливали желание евреев остаться на Дальнем Востоке.

Поражение России в русско-японской войне вызвало в стране серьезный политический кризис. Неудачи, преследовавшие страну в этой войне, явились полной неожиданностью для всех слоев российского общества. Возник традиционный для русского человека вопрос

“Кто виноват?” У крайних правых ответ на него также был традиционным – евреи. В качестве “аргументов” использовались перепечатки сообщений мировых агентств о негативной реакции различных стран на зверства, совершенные во время кишиневского погрома 1903 г., в подстрекательстве к которому принимали участие вице-губернатор, жандармский офицер и другие городские чины. Правая пресса стала вновь муссировать тезис о всемирном заговоре еврейства, о пособничестве русских евреев врагам Отечества и даже приводить данные о якобы имевших место фактах сбора ими денег на нужды японской армии и т.д. И хотя эти сообщения всякий раз опровергались, они запускали механизм распространения провокаторских слухов.

Осенью 1904 г. по западным губерниям страны вновь прокатилась волна погромов. Толпы людей громили еврейские дома, врываются в синагоги, убивая молящихся, грабили лавки и магазины.

На огромной территории Сибири погромы происходили только в двух городах – Иркутске и Томске в октябре 1905 г. В Иркутске во время погрома было убито 20 человек и свыше 50 ранено¹⁶⁰. Погром в Томске имел большие масштабы и был направлен не только против евреев, но и против “студентов, поляков и всех подозрительных”. Три дня при полном попустительстве властей продолжалось побоище. Как отмечалось в обвинительном заключении, во время беспорядков “войска сопровождали манифестантов, но не препятствовали им в совершении погромов”¹⁶¹. Всего в те дни в городе было убито 56 человек и 10 остались пропавшими без вести¹⁶².

Среди представителей власти, даже самого высокого уровня, находились и такие, кто вину за возникновение погромов возлагал на евреев. По воспоминаниям С.Ю. Витте, к их числу относился Николай II, считавший, что “жиды сами виноваты”¹⁶³. Всего за 23 года его правления в погромах погибли 21 тыс. и получили ранения 31 тыс. человек, но ни один из погромщиков не был привлечен к суду¹⁶⁴.

Разразившаяся в стране революция вынудила царя пойти на уступки и подписать 17 октября 1905 г. Мани-

фест. дарованный подданным Российской империи некоторые права и свободы. Он, однако, не отменил экономических, политических и иных ограничений, налагавшихся на евреев. Единственное право, которое они получили наряду со всеми жителями страны - участвовать в выборах в Государственную Думу. Причем первоначально предполагалось евреев отстранить от участия в выборах, но затем Совет Министров счел необходимым "как по основаниям справедливости, так и по соображениям политической осторожности" отвергнуть это ограничение"¹⁶⁵.

В состав I Думы было избрано 12 депутатов-евреев. В отличие от поляков или мусульманской части населения они не образовали отдельной депутатской группы и, в конечном счете, так и не определились, бороться за решение еврейского вопроса самостоятельно или сотрудничая с другими партиями. Несмотря на свое непродолжительное существование, Дума стала первой общероссийской трибуной, с которой громко зазвучали требования решения этой застарелой для страны проблемы. Многие выступавшие в ней депутаты, особенно из числа кадетов, подчеркивали, что "дело идет о чём-то еще более важном..., нежели выражение чувств человечности. Дело идет о достоинстве и чести нашей Родины" (из выступления профессора Санкт-Петербургского университета М.М. Ковалевского)¹⁶⁶. Профессор Московского университета Ф.Ф. Кокошкин назвал положение евреев в России "самым важным, самым крупным пережитком варварства, разлагающим весь ... государственный быт"; отметив, что "население в своих темных невежественных слоях приучается смотреть на евреев как на людей, на лиц, относительно которых позволено всё, возможно всё, которые стоят вне закона"¹⁶⁷.

На территории Дальнего Востока никаких крупных антисемитских выступлений не происходило. Хотя в отдельных случаях во время митингов и звучали лозунги «Долой евреев!»¹⁶⁸, но они не встречали массовой поддержки. Известен, например, такой исторический факт: общественность Хабаровска в январе 1906 г. потребовала удалить из города организатора черной сотни во Владивостоке полицейского Щеглова¹⁶⁹.

Местная печать, публикуя информацию о погромах в европейской части России, выражала сочувствие их жертвам. Так, благовещенская газета "Амурский край" в октябре 1905 г. писала в своих редакционных заметках по поводу поступавших сообщений о погромах: "Когда народ начинал волноваться, его натравливали на еврея... Те, кто натравлял, торжествовали: народ избил евреев, а они избili народ"¹⁷⁰. Газета "Читинский листок" в своей передовой 6 июня 1906 г. подчеркивала: "Мы не делаем никакого различия между сибирскими инородцами, евреями, крестьянами и казаками... Во всех случаях мы стоим за полное равноправие сибирских евреев, наравне с остальными земляками, ибо нам лучше, чем кому-либо, известна их заслуга родному краю"¹⁷¹.

Местная администрация была не столь либеральна в своих воззрениях, но исполняла директивы власти. А после кровавого погрома, произошедшего 1 июня 1906 г. в Белостоке, министром внутренних дел П.А. Столыпиным 4-го июня была разослана на места телеграмма, в которой в очень жестких выражениях предписывалось принять все меры к предупреждению погромов. И такие меры были приняты. Например, временный губернатор Забайкальской области генерал-майор Сычевский со ссылкой на телеграмму Столыпина опубликовал в местной газете объявление, в котором подчеркнул, что "охрана жизни и имущества всех классов населения, без различия их вероисповедания, национальности и сословия составляет священную обязанность власти". От всех должностных лиц Сычевский потребовал "при малейшем проявлении каких-либо враждебных отношений среди различных частей населения" принимать безотлагательные меры, предупредив, что "за бездействие власти, а тем более за прямое попустительство каким-либо беспорядкам "виновные будут предаваться им суду"¹⁷².

В 1906-1907 гг. по Дальнему Востоку, как и по всей России, прокатилась волна революционных выступлений. Наиболее активными их участниками были рабочие промышленных предприятий и нижние военные чины. Среди последних были и евреи. Чаще всего они были выходцами из западных губерний страны. Так, во

главе организованного во Владивостоке летом 1907 г. "Военного союза Владивостокского гарнизона" стоял Г. Шамизон, призванный на военную службу из Подольской губернии¹⁷³. Союз, включавший как гражданских лиц, так и военных чинов, и состоявший из представителей разных национальностей, как явствует из обвинительного заключения, ставил своей задачей "организацию вооруженного восстания с целью свержения монархии и замены ее республиканским строем"¹⁷⁴. По приговору суда в марте 1908 г. Г. Шамизон был казнен¹⁷⁵.

В раскрытой в 1907 г. "Владивостокской военной организации партии социалистов-революционеров" также участвовали и евреи. В частности, редактированием прокламаций занимался сотрудник газеты "Приморье", проживавший во Владивостоке по подложному паспорту на имя И.Д. Мироненко, еврей Ш.М. Гольдбрейх¹⁷⁶. Однако в целом среди фамилий 182 человек, осужденных Приамурским военно-окружным судом за участие в революционных событиях, еврейских — единицы¹⁷⁷.

Но среди представителей местной власти сильно было убеждение, что именно евреи являются зачинщиками всех беспорядков. Об этом достаточно красноречиво свидетельствовало "Обязательное постановление исполняющего делами Приамурского генерал-губернатора" Хрещатицкого от 15 января 1906 г., в котором, объявляя о появлении в крае "шайки злонамеренных лиц", сеющих смуту в народе, он отмечал "по большей части их нерусское происхождение"¹⁷⁸. В известной степени этот документ отражает общую тенденцию отношения российской власти к евреям. И хотя на Дальнем Востоке местное еврейское население в этот период политически никаким образом себя не выражало, администрация действовала в «духе времени». Об этом наглядно свидетельствует инцидент, произошедший в июле 1906 г. во Владивостоке. Там 22 купца, которым было предложено в 24 часа покинуть город, направили телеграмму на имя министра внутренних дел П.А. Столыпина с просьбой не высылать их из города, т.к. "торговые дела требуют более длительного пребывания во

Владивостоке”¹⁷⁹. В ответ на поступивший из министерства запрос губернатор области ответил, что “не находит возможным разрешить дальнейшее пребывание во Владивостоке евреям-торговцам, их доверенным и служащим, устремившимся во Владивосток после торговли в Маньчжурии, т.к. усиление еврейским элементом значительного числа находящихся на Дальнем Востоке поляков создает положение, аналогичное с западным краем и облегчает кроме того сношение с третьим, находящимся в Нагасаки, центром русского революционного очага”¹⁸⁰. (В Нагасаки в тот период проживали эмигранты из России, принадлежавшие в большинстве своем к партии эсеров. Они издавали газету и прокламации, проникавшие на Дальний Восток).

В ответной телеграмме Столыпин писал: “Находя приведенные соображения Вашего Превосходительства вполне правильными и озабочиваясь вместе с тем устранением всего того, что в настоящее трудное время может нарушить нормальное течение внутренней жизни государства и вызывать во многих случаях неудовлетворение населения, я полагаю возможным, не допуская впредь поселения евреев во Владивостоке, сделать ныне, при приведении в исполнение предпринятого Вами выселения, исключение для тех евреев, которые проживают в месте настоящего жительства уже значительное время и имеют семью и домообзаводство, приостанавливая их выселение из Владивостока вплоть до разрешения общего вопроса”¹⁸¹. Далее следовала приписка: “Непременным однако условием применения таковой меры должна быть уверенность административной власти в том, что еврей, оставляемый на дальнейшее жительство во Владивостоке, не вреден для общественного порядка и не вызывает неудовольствия со стороны населения, среди которого он проживает”¹⁸².

Этот документ является достаточно характерным для политики государственной власти в отношении евреев в этот период. Во-первых, он демонстрирует ее отношение ко всем евреям с точки зрения презумпции виновности. Во-вторых, он свидетельствует, что даже те элементарные гражданские права, которыми обладали все подданные Российской империи, евреи получали

лишь в качестве исключения. А в-третьих, реализация этого указания обставлялась такими условиями, которые предоставляли местным чиновникам столь широкие полномочия, что делало возможным его полное дезавуирование. Всегда можно найти недовольных среди населения, да и понимание "общественной пользы" может толковаться по-разному.

Но, тем не менее. Министерство внутренних дел, видимо, на сей раз было серьезно заинтересовано в приостановлении выселений, т.к. буквально спустя три дня Столыпин вновь прислал телеграмму на имя владивостокского губернатора, в которой подтвердил указание приостановить выселение на ранее оговоренных условиях, а в отношении тех, кто под эти условия не подпадал, предусмотреть "в особо уважительных случаях отсрочки по усмотрению администрации для устройства дел"¹⁸³.

С учреждением в России Государственной Думы еврейский вопрос, ставший прерогативой этого органа, так и не был решен в силу различных причин. Инициативу взяло на себя правительство. 22 мая 1907 г. П.А. Столыпиным с одобрения Совета Министров был издан циркуляр №20 о невыселении евреев, "поселившихся до 1 августа 1906 г. в местностях, где им жительство воспрещено"¹⁸⁴. Любопытно, что текст этого циркуляра почти дословно повторяет упомянутую выше телеграмму министра внутренних дел владивостокскому губернатору. Не исключено, что именно в процессе этой переписки Столыпиным отрабатывались конкретные шаги в данном направлении.

Будучи сторонником "просвещенного консерватизма", Столыпин не мог не понимать необходимости скорейшего решения еврейского вопроса в России. По воспоминаниям Л.Н. Нисселовича, депутата III Государственной Думы от партии кадетов, во время встречи с ним П.А. Столыпин заявил: "Если в самой Думе возникнет законодательное предложение насчет евреев, то правительство пойдет Думе навстречу в отношении улучшения быта и положения еврейской бедноты, как в черте оседлости, так и вне её"¹⁸⁵.

Но вместе с тем известно, что Столыпин всегда оставался убежденным националистом и открыто прово-

дил великорусскую политику. Выступая против крайних форм ксенофобии, он всецело разделял официально прокламируемую позицию превосходства русских над нерусскими народами, населявшими империю.

После Российской революции произошла консолидация крайне правых сил, выступавших с позиций национализма и антисемитизма. Как известно, с ними солидаризовался и Николай II, открыто поддержав Союз русского народа. По утверждению В.Н. Коковцева, "именно позиция императора в рассматриваемый период не позволила принять целый ряд законов и постановлений, направленных на облегчение участи евреев в России"¹⁸⁶. Многократно обещанного "общего пересмотра еврейского вопроса в законодательном порядке" так и не произошло. Национализм в стране набирал силу. Многие видели в нем альтернативу социализму. Столыпин в своей политике все больше стал опираться на правые националистические круги умеренного толка, а в еврейском вопросе вместе со своим правительством пошел, по словам С.Ю. Витте, "по совершенно обратному направлению"¹⁸⁷.

26 августа 1909 г. явился на свет циркуляр за подписью министра внутренних дел, по сути отменявший циркуляр № 20 1907 г. Он крайне ужесточал правила приезда и проживания евреев в Сибири, исключая "возможность приезда и водворения каких бы то ни было категорий евреев, даже привилегированных" (в том числе ссыльных евреев и находившихся в Сибири до 1837 г.)¹⁸⁸. Сюда не допускались даже отставники-рекруты и их потомки, традиционно имевшие право повсеместного жительства, а также участники русско-японской войны. Все евреи, поселившиеся в Сибири после данного распоряжения, "подлежали выселению на общем основании с назначением им кратчайших сроков на выезд"¹⁸⁹. На основании данного циркуляра губернаторам, начальникам уездов и полицмейстерам было предписано выселять всех евреев, прибывших в край после 8 декабря 1909 г.¹⁹⁰ Таким образом, в Сибири запрещалось селиться даже тем евреям, которые имели право повсеместного жительства в Европейской России.

Журнал "Сибирские вопросы" отмечал, что "сибирский еврейский вопрос есть просто отражение об-

перусского еврейского вопроса. Он обостряется, когда начинается бумсвать реакция и точно исчезает куда-то, когда она ослабевает, и общерусская жизнь входит в более нормальное русло. Поэтому неудивительно, что именно теперь, когда волна реакции поднимается все выше и выше, еврейский вопрос в Сибири обостряется особенно сильно”¹⁹¹. И действительно, свертывание в стране либеральных реформ самым неблагоприятным образом отразилось на положении евреев в целом. Однако ситуация заметно отличалась от 80-90-х годов, характеризовавшихся также поворотом политического курса от реформ к консерватизму. Российское еврейство “пробудилось”. Новым фактором общественной жизни явилось “осознание еврейской массой своих национальных задач и создание ряда организаций сугубо национальной ориентации”¹⁹². На смену закулисным ходатайствам узкой группы влиятельных финансистов, промышленников, адвокатов – штадлоним – пришла открытая борьба в различных формах за гражданское равноправие, против набиравшего силу антисемитизма. Появились еврейские политические движения различной ориентации: сионисты, социалисты, либералы, ортодоксы. Создают специфические еврейские образовательные, культурно-просветительские, профессиональные организации.

Однако эти процессы мало затронули сибирское еврейство. Путешествовавший в это время по Сибири Ю. Островский писал в 1911 г.: “ В своих петициях, поданных в дни “весны” ..., сибирские евреи просили одного лишь права передвижения, но отнюдь не общегражданских и национальных прав, каких в свое время требовали “русские” евреи”¹⁹³. Он также отмечал, что “партийная дифференциация очень слабо развита у сибирских евреев. Не говоря уже о еврейских социалистических партиях, не имеющих почвы в среде сибирских евреев, не могли также привиться и буржуазные партии, играющие вообще немаловажную роль в жизни русского еврейства. Средний еврейский обыватель Сибири не интересуется ни политикой, ни партиями”¹⁹⁴. Единственной политической силой, пользовавшейся опреде-

ленной популярностью в Сибири, был сионизм. Именно сионистам, по словам Островского, "в некоторых случаях удалось все же побороть духовное рабство, привитое сибирскому еврею неблагоприятными условиями жизни"¹⁹⁵.

В первые годы XX в. сионисты насчитывали в Сибири сравнительно большое число единомышленников и стали играть заметную роль в общественной жизни некоторых городов. Они организовывали хедеры, библиотеки, благотворительные общества, устраивали лекции и вечера. На Дальнем Востоке сравнительно крупная сионистская организация существовала в Чите - в нее входило 500 чел.¹⁹⁶. По другим городам, к сожалению, данных нет.

Апофеозом деятельности сионистов Сибири в этот период можно считать съезд, состоявшийся в 1903 г. в Томске, на который съехались представители 13 городов¹⁹⁷. Съезд рассмотрел различные вопросы культурной жизни сибирского еврейства и признал необходимым созыв всесибирских съездов один раз в полтора-два года¹⁹⁸.

Однако власть усмотрела к этому времени в сионизме серьезную для себя угрозу. Как оказалось, он выступал не только за эмиграцию евреев, но и за улучшение их положения в России. В июне 1903 г. за подписью министра внутренних дел Плеве всем губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам с грифом "совершенно секретно" был разослан специальный циркуляр, в котором отмечалось, что "направление это [сионизм], будучи враждебно ассимиляции евреев с другими народностями, усугубляя между первыми и последними племенную рознь, противоречит началам русской государственной идеи и потому не может быть терпимо"¹⁹⁹. Министр просил безотлагательно сообщить сведения о деятельности сионистских кружков во "вверенном районе" и принять следующие меры для ее пресечения:

1. Запретить пропаганду сионизма в публичных местах.
2. Запретить все существующие сионистские организации.

3. Не разрешать проведение съездов.
4. Не разрешать сбор денежных средств.
5. Не допускать сионистов к устройству школ и библиотек.

6. При предоставлении на утверждение дел кандидатов на выборные должности в еврейских общинах, в особенности на должности раввинов, прилагать собранные на местах сведения о степени причастности представленных кандидатур к сионистским организациям”²⁰⁰.

После этого циркуляра деятельность сионистов на Дальнем Востоке на многие годы прекратилась. Исключение составила лишь еврейская община Харбина. А вскоре правительством был наложен запрет на создание вообще каких-либо культурно-просветительских обществ инородцев, причем особо были выделены общества украинцев и евреев. Об этом шла речь в циркуляре, присланном в начале 1910 г. губернаторам за подписью П.А. Столыпина. Деятельность этих организаций была признана угрожающей “общественному спокойствию и безопасности”, поскольку содействовала пробуждению среди инородцев “узкого национально-политического самосознания” и вела “к углублению начал национальной обособленности и розни”²⁰¹.

Убийство в 1911 г. П.А. Столыпина окончательно похоронило курс на либеральные реформы. По всей территории громадной Российской империи усилились гонения на евреев, не составив исключения и Дальний Восток.

Характеризуя положение евреев в Приамурском генерал-губернаторстве, отметим, что оно определялось общей политикой центральной власти в “еврейском вопросе”, а также в той его части, которая регламентировала проживание евреев в Сибири. Это, в свою очередь, являлось отражением общих тенденций во внутренней политике царизма. Переход от реформаторства к консерватизму сопровождался ужесточением позиций власти и в рассматриваемом вопросе. Вместе с тем, в условиях обширной и далекой от центра Сибири многое зависело от политики местной администрации. Убедительным тому примером является деятель-

ность Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти.

III. «Еврейская» политика Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти (1911 – февраль 1917 гг.)

Ужесточение политики в отношении евреев в Приамурском крае связано с пребыванием в должности последнего генерал-губернатора Николая Львовича Гондатти. По мнению исследователя его деятельности профессора Н.И. Дубининой, это был человек государственного ума, прекрасно образованный, оказавший «благотворное влияние на нравственную атмосферу в крае, на развитие здесь науки, образования, культуры»²⁰². Вместе с тем в своей политике в «еврейском вопросе» он оказался «святее Папы Римского». Его антисемитизм выходил подчас даже за официально установленные рамки. Как человек культурный, Гондатти не был ни юдофобом, ни погромщиком, но в своей деятельности в этом направлении он создал для евреев условия, наиболее тяжелые за все время существования диаспоры на Дальнем Востоке. Безусловно, в значительной степени это было отражением общей политической ситуации в стране, но несомненно и влияние личных взглядов и убеждений главного Начальника края.

Вступив в свою должность, Н.Л. Гондатти отдал распоряжение безотлагательно осуществить проверку прав всех проживавших в крае евреев, т.к., по его мнению, несмотря на все указания местной власти, имел место «усиленный наплыв представителей этой национальности в области Приамурья, особенно в городские поселения»²⁰³. В 1911 г. журнал «Сибирские вопросы» сообщал о том, что в течение полутора лет евреи Сибири были подвергнуты общей переписи 4 раза, и это было расценено как произвол местной власти.²⁰⁴ В Приамурье же весной 1911 г. сведения о количестве проживавших «лиц иудейского вероисповедания» собирались еженедельно.²⁰⁵ Были составлены внушительные списки евреев, которых необходимо было в срочном порядке выслать. Во Владивостоке высылке подлежало 40 семей, в Хаба-

ровске 21, в Николаевске и Удском уезде – 43 семьи²⁰⁶. Для ликвидации дел им предоставлялся срок от 2 до 4 недель, в зависимости от обстоятельств.

Следом за этим распоряжением на канцелярию генерал-губернатора обрушился поток прошений, ходатайств с просьбами, учитывая различного рода обстоятельства, разрешить проживание в крае либо продлить сроки, отпущенные на ликвидацию дел. Причем далеко не всегда эти просьбы исходили от самих евреев. Так, различные торговые учреждения Николаевска-на-Амуре через биржевой комитет обратились с просьбой об отсрочке высылки евреев в силу того, что, как подчеркивалось в присланной на имя генерал-губернатора телеграмме, «выселение может оказать весьма пагубное влияние на развитие торгово-промышленной жизни»²⁰⁷. Еще один пример. В процессе составления списков было выявлено, что на территории Ольгинского уезда проживали всего два еврея – дантист М. Этин и врач рудничной больницы, выпускник Томского университета М. Гурьевич. После циркуляра 1909 г. оба не имели законных оснований для проживания в Сибири. Однако в своем письме на имя Гондатти руководство рудника Тетюхо убедительно просило разрешить им остаться, ибо в случае их высылки около 2 тысяч человек остались бы без какой-либо медицинской помощи.²⁰⁸ Генерал-губернатор в июле 1911 г. лично разрешил им пребывание до ...11 ноября того же года. Накануне этой даты руководству рудника настойчиво напомнили из канцелярии Начальника края о необходимости высылки врачей. Переписка по этому поводу прекратилась только после того, как был получен рапорт пристава Заольгинского стана об отбытии евреев на теплоходе. При этом нелишне отметить, что на всей огромной территории края, население которого составляло 814 тыс. чел, как отмечалось во Всенодданнейшем отчете Приамурского генерал-губернатора за 1911 г., имелась лишь 101 больница с личным составом в 119 врачей²⁰⁹.

Вскоре стало очевидно, что решить проблему с наскока не удастся. Евреи, несмотря на свою малочисленность, как оказалось, играли весьма заметную роль в жизни окраины, а по существовавшему правовым нор-

мам мало кто из них имел законные основания для проживания здесь. В этой ситуации Гондатти решил действовать более осмотрительно и основательно. В июне 1911 г. он направил запрос на имя министра внутренних дел П.А. Столыпина с просьбой разъяснить ситуацию с евреями Сибири. «Особенно важным, — отмечал генерал-губернатор, — это представлялось бы в интересах нашей дальневосточной окраины, которая за последнее время имеет, по-видимому, сильную притягательную силу для евреев, стекающих сюда из разных местностей Сибири, а также из Маньчжурии, с полосы отчуждения Восточно-Китайской железной дороги»²¹⁰. Ответ из Петербурга задерживался, и местные власти решили разобраться в этом запутанном вопросе самостоятельно. В августе 1911 г. по приказу военного губернатора Приморской области было созвано особое совещание «для всестороннего освещения еврейского вопроса и для большей авторитетности при решении вопроса о праве жительства евреев»²¹¹. Состав совещания был весьма авторитетным: его председателем являлся сам губернатор Приморской области, а членами — вице-губернатор, товарищ прокурора, начальник жандармского полицейского управления. Примечательно, что на просьбу владивостокского раввина д-ра Беньяша присутствовать на заседании губернатора ответил следующее: «Вследствие Вашего ходатайства присутствовать на комиссии, которая имеет вырешить права на жительство в области лиц иудейского вероисповедания, сообщаю, что Ваша просьба является несколько неуместной, ибо существующими законоположениями не предусмотрено участие раввина в административных комиссиях в качестве представителя своих единоверцев»²¹². И далее военный губернатор сделал назидательную приписку: «Считаю необходимым обратить Ваше внимание на то, что по закону раввин является только блюстителем, толкователем еврейского закона и исполнителем религиозных обрядов»²¹³.

Совещание постановило, что при решении вопроса о праве водворения евреев в Приморской области надлежит придерживаться следующего правила: оставить на жительство всех евреев (при условии законных оснований для въезда и соблюдения соответствующих

обязательств), въехавших до 8 декабря 1909 г., а всех, въехавших после этого срока, выслать²¹⁴. Нетрудно заметить, что полной ясности в понимание данного вопроса совещание так и не внесло, ибо смысл вынесенной за скобки фразы мог толковаться весьма произвольно. В виду того, что ответа на запрос Н.Л. Гондатти из Петербурга так и не последовало, что, скорее всего, было связано с убийством П.А. Столыпина, в сентябре 1911 г. генерал-губернатор счел необходимым предложить собственные руководящие указания. Их суть сводилась к тому, что ранее изданные на сей счет постановления МВД следовало понимать в том смысле, что "должны быть оставлены на жительство две категории евреев: а) водворившиеся на законном основании и б) водворившиеся с разрешения местной или центральной власти"²¹⁵.

После этого были составлены новые списки всех проживавших на территории генерал-губернаторства евреев, в результате чего число кандидатов на выселение значительно снизилось. Все местные евреи были разделены на три категории: 1) с правами постоянного пребывания; 2) с правами временного условного пребывания: а) занимающиеся ремеслом или специальностью, б) проживающие без определенных занятий или имеющие работу случайного характера; 3) бесправные.

Была проделана гигантская, но по большому счету малопродуктивная работа. Об этом, например, докладывал в своей пояснительной записке чиновник, составлявший такие списки по Владивостоку и отмечавший, что "составить полный, правильный список всех без исключения евреев не представляется возможным"²¹⁶ в силу целого ряда причин. В их числе он назвал следующие: 1. Часть прибывающих евреев скрывается по частным квартирам и гостиницам и не прописывается. 2. Некоторые евреи проживают в районах ведения жандармской полиции (на Эгершельде), в окрестностях города и прочих местах вне ведения общей полиции. 3. Некоторая часть еврейства имеет заграничные паспорта, подлинность которых установить трудно. 4. Часть евреев по роду своей деятельности живет в городе лишь временно – наездами²¹⁷.

Была еще одна распространенная причина, о которой умалчал полицейский чиновник – евреи попросту откупались. При существовавших в России порядках и при абсолютном своем бесправии евреи, по словам Ю. Гессена, “покупали в прямом и полном смысле этого слова право на жизнь”²¹⁸. Высшие власти прекрасно об этом знали. В своих воспоминаниях С.Ю. Витте писал, что “ни с кого администрация не берет столько взятка, сколько с евреев. В некоторых местностях прямо создана особая система взяточнической палаты на жидов”²¹⁹. А в поданной Витте, в бытность его премьером, записке депутации от сибирских евреев прямо отмечалось, что “жизнь и правовое положение [сибирских евреев В.Р.] не может быть охарактеризовано иначе, как крепостным отношением и зависимостью сибирского еврея к местной власти, выражающимися в целой системе обязательных отношений и выкупа”²²⁰. Вот почему нередко подобные ревизии евреев имели незначительные реальные результаты, хотя и доставляли им массу неприятностей и хлопот. При этом больше всего страдала наименее обеспеченная часть населения, не имевшая средств откупаться и не обладавшая соответствующим социальным статусом. С ними власти не церемонилась. Архив хранит немало свидетельств такого рода. Приведем лишь некоторые из них. В сентябре 1911 г. в канцелярию Приамурского генерал-губернатора поступила просьба от некоего Израиля Левина, в которой он просил разрешить ему остаться в Николаевске-на-Амуре, где он прожил последние 30 лет, хотя приписан был к селу Нестерово Забайкальской области. Свою просьбу И. Левин мотивировал старостью и немощью (бедняга был парализован и слеп на один глаз). “В Николаевске, – писал он в прошении, – где я прожил столько лет, мне окажет помощь еврейское общество и даст возможность дожить честно до конца бедному калеке. А село Нестерово – бедное, и ему не по силам поддерживать меня и давать хотя бы только на скромное пропитание”²²¹. Однако эта слезная просьба так и не была удовлетворена. Не была удовлетворена и просьба николаевского еврея Давида Райцина, принявшего лютеранство, не выселять его жену, с которой он прожил в браке 23 года

и имел троих детей. Ссылаясь на соответствующую статью Устава о паспортах, Гондатти было принято решение выслать всю семью, хотя полномочия позволяли ему принять иное решение²²².

В условиях кадровых перемен в министерстве внутренних дел осенью 1911 г. и отсутствия четких указаний Приамурский генерал-губернатор полностью берет в свои руки процесс регламентации "еврейской политики" во вверенной ему территории. Такое внимание лично Начальника края к проблеме, вряд ли относившейся к числу приоритетных для края, кажется некоторым образом преувеличенным. Скорее всего, это может быть объяснено следующими причинами. Во-первых, это, несомненно, отражение собственных взглядов и позиции в "еврейском вопросе". Во-вторых, одной из своих центральных задач Н.Л. Гондатти считал утверждение "русского дела" на Дальнем Востоке и, по его собственным словам, стремился "ко всякому поощрению русского труда и русской предприимчивости"²²³. Как уже отмечалось выше, проблема "русского труда" была на Дальнем Востоке чрезвычайно актуальной в виду широкой практики использования т.н. "желтого труда", т.е. дешевой рабочей силы непрехотливых и трудолюбивых китайцев. Однако, как представляется, понятие "русский труд" квалифицировалось генерал-губернатором слишком узко. В утвержденном Николаем II Особом журнале Совета министров "О мерах экономического воздействия к укреплению в Восточной Сибири русского труда" от 16.04.1912 г. речь идет исключительно об экономической защите владений от проникновения китайцев. Само же понятие "русский труд" трактуется исключительно как труд российских подданных²²⁴. Несмотря на то, что евреи были российскими подданными и их торгово-экономическая деятельность на Дальнем Востоке могла в определенной степени противодействовать "желтой экспансии", с которой боролся не один Приамурский генерал-губернатор, это по существу противоречило официальной антисемитской политике царизма. А Гондатти свой долг видел в неуклонном осуществлении официального курса, проявляя подчас чрезмерное усердие. Так было, к

примеру, в случае с упоминавшимся выше промышленником Л. Скидельским, которому Присутствием войскового правления Уссурийского казачьего войска в конце 1911 г. было разрешено строительство лесопильного завода. Н.Л. Гондатти же обусловил выдачу разрешения двумя требованиями: 1) чтобы на заводах не было лиц желтой расы и евреев ни в качестве служащих завода, ни в качестве рабочих; 2) чтобы заготовка и сплав леса производились исключительно русскими. Скидельский обратился в Войсковое правление с заявлением, в котором ходатайствовал “не обязывать его иметь русских рабочих на заводе до тех пор, пока это требование не будет обязательно для других, имеющих лесопильные и иные заводы”²²⁵. Понимая, что издание такого распоряжения, незаконного по сути, могло вызвать широкий резонанс, Начальник края вынужден был отступить.

Третья причина, объясняющая личное участие генерал-губернатора в решении всех без исключения вопросов, связанных с еврейством, кроется, как кажется, в стиле его управления, для которого характерным было вникание в абсолютно все вопросы жизни края и непосредственное участие в их разрешении²²⁶.

Таким образом, Н.Л. Гондатти своими распоряжениями регламентировал правила проживания евреев в крае как в общем, так и в каждом конкретном случае. Он давал подробные разъяснения, если на местах возникали вопросы, связанные с толкованием соответствующих законоположений (весьма противоречивых, как отмечалось). Практически всегда это было не в пользу евреев. Так, например, в переписке с военным губернатором Приморской области он разъяснял, что ограничения в правах евреев на жительство в Сибири в одинаковой степени распространяются и на евреев-дворян, и “один факт дарования еврею права потомственного дворянства не может освободить его от ограничений в праве жительства, установленных для всех вообще евреев в империи”²²⁷. Действительно, к тому времени Сибирь для въезда практически всех категорий евреев, как отмечалось, закрылась. Но генерал-губернатор имел право выдавать разрешение на жительство по своему усмотре-

нию, и это являлось законным основанием для проживания. Заметим, что евреев-потомственных дворян в России было крайне мало, и для получения этого права требовались серьезные заслуги. Однако для Гондатти, видимо, и эта категория евреев была в крае нежелательна.

По особому распоряжению Приамурского генерал-губернатора в ноябре 1911 г. отменялись “до получения соответствующих разъяснений из министерства внутренних дел” всяческие отлучки евреев. Они допускались лишь в порядке исключения с личного разрешения в каждом случае Начальника края²²⁸, хотя по существовавшей практике для этого вполне было достаточно разрешения полиции²²⁹.

После этого распоряжения в канцелярию посыпались прошения. Каждый, кому необходимо было отлучиться даже на день-другой из какого-либо населенного пункта, обязан был испрашивать письменное разрешение лично Приамурского генерал-губернатора. Очевидно, со временем справляться ему с такой лавиной бумаг стало сложно, да и уровень разрешения проблемы не соответствовал ее масштабу. Разрешения на отлучки стали выдавать областные губернаторы. В каждом случае проситель должен был убедить чиновника в том, что он заслуживает разрешения на временный отъезд. Вот образец одного из подобных ходатайств. Его автор – живший в те годы во Владивостоке зубной врач Рабинович: “Я много лет служил на государственной службе консультантом сибирской дороги, имел счастье удостоиться Высочайшей милости за свою деятельность в русско-японскую войну; как безукоризненно нравственный и искренний сын России беру смелость просить Ваше Превосходительство разрешить заехать мне в Хабаровск на 1-2 дня”²³⁰. С учетом всех заслуг перед Отечеством через 10 дней после подачи прошения Рабиновичу был разрешен приезд на 1-2 дня в Хабаровск²³¹. Лицам, менее заслуженным, могли отказать, причем не вдаваясь в объяснения. Так было, к примеру, с харбинским купцом Слонимским, обратившимся к военному губернатору Приморья Манакину с просьбой разрешить посетить города Владивосток и Уссурийск для расчетов. На его прошении губернатор оставил ре-

золюцию: "Евреям въезд в Сибирь законом воспрещен. Лично не разрешаю"²³².

Охрана просторов Сибири от евреев была поставлена на серьезную основу. Упомянувшийся уже журнал "Сибирские вопросы" писал в этой связи в 1911 г.: "Шпионаж на почве преследований евреев процветает повсюду. На вокзалах, на железной дороге и, в особенности, на пристанях полиция всегда сторожит каждого мимо проходящего, заглядывает в каюты, шарит по углам и почти всегда с удачным уловом. Иногда поражаешься ее осведомленности, доходящей порой до всеведения. Невольно напрашивается мысль о том, что тут имеешь дело с целой организацией, и что капельдинеры и лакеи вовлечены в это грязное дело"²³³.

Догадки журнала подтверждаются архивными данными, но, похоже, лакеями и капельдинерами система не ограничивалась. Существовал в полиции штат сотрудников, специализировавшихся на "отлавливании" евреев. Об одном, не самом удачливом из них, докладывал, например, начальник владивостокского сыскного отделения городскому полицмейстеру в ноябре 1912 г.: "С представлением настоящей переписки доношу Вашему Высокоблагородию, что от услуг сотрудника «Жидомора» я отказался по той простой причине, что после каждого задержания по его указанию еврея получалась неприятность, т.к. задержанный оказывался имеющим право жительства, выхлопотанное под каким-либо предлогом, да и задерживать приходится на улице по указанию «Жидомора» в большинстве случаев не зная ни фамилии, ни имени, ни местожительства задержанного"²³⁴.

Были у полиции и добровольные помощники, зараженные духом "жидоморства", и в этом была, пожалуй, наибольшая опасность такого рода политики. Антисемитизм, по словам известного русского философа Вл. Соловьева, следовало запретить "уже из одного чувства национального самосохранения", ибо он "в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию"²³⁵.

Как отмечалось выше, в силу целого ряда причин предпосылки к широкому распространению этого явле-

ния на Дальнем Востоке в целом отсутствовали, но весьма активная "еврейская" (а по сути антисемитская) политика местных властей нередко давала исходы. В качестве иллюстрации можно привести жалобу крестьян Шкотовского района на имя Н.Л. Гондатти на еврея Эпштейна, католического вероисповедания. Последнее обстоятельство делало его, как известно, юридически вполне полноправным членом общества. Не ведавшие того крестьяне доносили генерал-губернатору, что "как сам Эпштейн, так и жена его ни в коем случае не католики, а настоящие евреи. ...Вообще Эпштейн, — заключали они, — как человек недобросовестный и как иудейского вероисповедания (католик! — В.Р.) не должен бы и жительство иметь в здешнем крае, а он живет даже вопреки постановлению о неимении права жительства всем евреям, изданному Вашим Высокопревосходительством"²³⁶. Крестьяне чувствовали общее настроение власти. Документы показывают, что предубеждение против евреев, сменивших веру, испытывала и администрация, которая, в отличие от крестьян, обязана была знать законы. В июне 1914 г. Гондатти было издано распоряжение о высылке евреев, принявших христианство, "без надлежащего на то разрешения министра внутренних дел"²³⁷. Не был уверен в праве проживать принявших христианство евреев на территории Приморской области ее военный губернатор Флуг. Но он направил соответствующий запрос в МВД, на который получил ответ, что еврей-христиане таким правом в соответствии с законом обладают²³⁸.

Была еще одна категория евреев, в отношении которой власти испытывали некоторые затруднения. Это — лица, имевшие иностранное подданство. Особенно актуально эта проблема в силу понятных причин стояла во Владивостоке. В январе 1907 г. военный губернатор Приморья жаловался Приамурскому генерал-губернатору, что "иностранцы евреи ...прибывают во Владивосток для занятия торговлей, и в документах их не значится, что такое-то лицо происходит из евреев"²³⁹. Далее чиновник пояснял: "В существующих торговых трактатах России с иностранными державами, в том числе с Англией и Америкой, не содержится никаких

указаний на то, что к подданным этих держав из евреев касаются существующие в наших законах ограничения относительно их мест жительства в России, поэтому представляет серьезное затруднение к воспрепятствованию таким иностранным евреям проживать во Владивостоке, как в порту, свободном для иностранной торговли и для приезда иностранцев вообще”²⁴⁰. Пришедший из Хабаровска ответ определял правила проживания и торговой деятельности евреев-иностранцев во Владивостоке: они должны были получить на то разрешение от трех министерств – финансов, иностранных и внутренних дел²⁴¹.

На самом деле это противоречило утвержденным в марте 1891 г. правилам, в соответствии с которыми паспорта на приезд евреев из-за рубежа по торговым делам в Россию визировали только консулы²⁴². Тем не менее, на основании распоряжения краевой власти губернатор Приморья издал предписание всем начальникам уездов и полицмейстерам “не допускать поселения в области не имеющих права на проживание иностранных евреев”²⁴³.

Следует заметить, что в данном случае местные власти хотя и проявили самостоятельность, но действовали, тем не менее, в полном соответствии со сложившейся общероссийской практикой. И в официальных кругах иностранные евреи, вне зависимости от их гражданства, рассматривались прежде всего как евреи со всеми вытекающими последствиями. На этом основании в страну нередко закрывался доступ зарубежным деятелям науки, писателям, артистам. По этому поводу не раз на международных научных конгрессах поднимался вопрос о бойкоте российских ученых обществ и съездов²⁴⁴.

В декабре 1911 г. президент США денонсировал русско-американский торговый договор, действовавший с 1832 г. Сделано это было в связи с требованием конгресса США, настаивавшего на отказе от этого договора, если царское правительство не предоставит американским евреям тех же прав на въезд в Россию и повсеместное не ограниченное сроком пребывание в ней, как ими пользовались остальные американские граждане. Любопытно, что Бахметьев, посол России в Соединен-

ных Штатах, считал, что инцидент произошел из-за того, что "американцы покуда еще стоят на весьма примитивной ступени общественного развития", [-В.Р.] и советовал своему правительству не идти им на уступки²⁴⁵. А правительство и не шло. В своей "еврейской политике" оно все более откровенно солидаризировалось с крайне правыми. В отношении же иностранных евреев, находившихся на территории империи, оно даже предписывало усилить бдительность. Секретным циркуляром министра внутренних дел от 7 ноября 1913 г. всем губернаторам предписывалось установить на местах "особое наблюдение, и в случае, когда замечено будет, что то или иное лицо фактически не занимается торговыми делами своих доверителей, ... надлежит входить в министерство внутренних дел (по департаменту полиции) с представлением о высылке таких евреев за границу"²⁴⁶.

Любопытный инцидент имел место во Владивостоке в том же 1913 г. По каким-то секретным делам начальником железнодорожного полицейского управления КВЖД полковником Горгоном был командирован на 3 дня во Владивосток "австрийский подданный иудейского вероисповедания" Поллак. Однако на ст. Пограничной его не пропустили и заставили обратиться с письменным ходатайством на имя Приамурского генерал-губернатора о разрешении ему въезда во Владивосток, на что был получен отрицательный ответ. За выданную Горгоном телеграмму, разрешавшую въезд Поллака в город, получил порицание военный губернатор Приморской области. Он, в свою очередь, обратился к помощнику управляющего КВЖД по гражданской части с требованием "отобрать от полковника Горгона объяснение, на каком основании он дал указанную телеграмму владивостокскому полицмейстеру в нарушение закона и вопреки распоряжению Главного начальника края"²⁴⁷.

В своем объяснении полковник докладывал: "Поллак был мною командирован во Владивосток по секретному служебному делу, и я полагал, что ограничение права въезда в Приамурский край не касается иностранных подданных"²⁴⁸. В итоге инцидент был улажен.

но он чуть не сорвал какое-то секретное дело, так и оставшееся неизвестным.

Новая вспышка антисемитизма в России, откровенно поощряемая властями, была связана с делом Бейлиса. Она вызвала протест передовой русской общественности. Сто шестьдесят человек – писателей, ученых, членов Государственного Совета и депутатов Государственной Думы – подписали Обращение “К русскому народу”, в котором призывали покончить с позорящей страну практикой кровавых наветов на евреев.

Примечательно, что абсолютное большинство газет Приамурья не сообщало ничего о процессе либо помещало очень скудную официальную информацию. Очевидно, подцензурной печати края была дана соответствующая установка. И лишь издававшаяся в Никольск-Уссурийске газета “Уссурийская окраина”, публикуя отчет о суде над Бейлисом, позволила себе собственный комментарий: “Как мы и предсказывали, ход процесса Бейлиса нисколько не убедил мракобесов, и уже в день произнесения приговора они начинают плести новую паутину. Для человеконенавистничества законы логики не писаны. Жидоедство ведь хорошо оплачивается”, – заключал безымянный автор²⁴⁹.

Видимо, нарастание в стране официального антисемитизма обусловило ужесточение позиции власти края в “еврейском вопросе”. Это тем более удивительно, что в общей численности населения территории доля евреев не превышала 0,6 %²⁵⁰. И если в отношении евреев европейской России политика антисемитизма может быть объяснена, как уже отмечалось выше, в том числе попытками ограждения великорусского населения от конкуренции в условиях перенаселенности региона, то в условиях Дальнего Востока, по-прежнему испытывавшего нехватку трудовых и финансовых ресурсов, она не имела под собой экономической основы. Не представляли местные евреи и никакой политической опасности для власти. Лишенные связей с традиционными центрами российского еврейства, они были практически не знакомы с национальной культурой и уж тем более стояли в эти годы в стороне от политических процессов, происходивших в среде их западных собратьев. В сво-

ей работе “Сибирские евреи” Ю. Островский отмечал: “Выросший в полуассимилированной среде и воспитанный на слепо исполняемых традиционных обрядах, еврейский юноша Сибири не знает и знать не может никаких ценностей в евреистве, кроме кошерного и трэфного, “молочного” или “мясного”. В лучшем случае он будет беседовать с вами о земстве в Сибири, о введении суда присяжных, о переселенческом и других назревших сибирских вопросах, но о еврейском вопросе, о течениях и нуждах евреиства (хотя бы в Сибири), равно как о литературе еврейской, он ничего знать не может по той простой причине, что условия сибирской жизни не дают ему этой пищи”²⁵¹.

И, тем не менее, даже в таком еврее власть видела для себя опасность. Причем эта опасность мерещилась всюду. Например, власти бдительно следили за тем, чтобы среди приезжавших на гастроли в города Дальнего Востока артистов не было евреев. Большие неприятности случались, когда приезжали театральные или музыкальные коллективы, и евреи были заняты в ведущих партиях. Невозможность их замены была чревата отменой представлений, что влекло, в свою очередь, убытки для организаторов гастролей. В этой связи военным губернатором Приморской области было издано специальное распоряжение о том, чтобы “полицмейстеры не давали разрешение на печатание в газете анонсов о концертах и представлениях, если антрепренеры не дадут подписки о том, что приезжающие — не евреи”²⁵². В отдельных случаях генерал-губернатором лично выдавалось разрешение на пребывание артистов-евреев на территории края, как, например, в 1912 г., когда в Хабаровск приезжала труппа Табаровой, в составе которой было 4 еврея²⁵³.

Не меньшую опасность, чем артисты, представляли в глазах местного начальства и укушенные бешеными собаками евреи, приезжавшие со всего края во Владивосток, где находилась Пастеровская станция, для прививок. На подозрительно значительное количество таковых лично обратил внимание Н.Л. Гондатти. Об этом канцелярия Начальника края циркулярно уведомила Приморского губернатора. “При этом. — как отмеча-

лось в документе. -- Его Высочайшее Превосходительство выразил требование, чтобы впредь от лиц иудейского вероисповедания, приезжающих лечиться от укусов бешеных животных, требовалось удостоверение Пастеровской станции о состоянии их здоровья"²⁵⁴. В обязанности персонала станции было вменено составление списков всех лечившихся евреев, а помощник полицмейстера обязан был напротив каждой фамилии указать номер и дату разрешения на въезд во Владивосток, а также паспортные данные.

Если Приамурский генерал-губернатор вникал в такие частности, о которых шла речь выше, то вполне закономерно, что к участию в Хабаровской выставке, посвященной 300-летию дома Романовых, которой он отдал много сил, евреи допускались лишь с его "особого в каждом отдельном случае разрешения"²⁵⁵. Причем таким правом наделялись "исключительно экспоненты и их доверенные"²⁵⁶. Трудно объяснить такую предосторожность, ведь преимущества широкого привлечения к выставке наиболее предприимчивых жителей края всех национальностей были очевидны. Об этом писала и газета "Приамурская жизнь" в своей статье "Желтолицы, евреи, выставка": "В большинстве городов дальневосточной окраины, и в особенности в Харбине, китайцы и евреи являются весьма активными участниками в различных отраслях, как торгово-промышленной, так и сельскохозяйственной жизни. Вот почему в целях приобретения наиболее определенных и широких знаний необходимо обеспечить полный и свободный доступ всем, устранить все ограничительные меры"²⁵⁷.

Среди участников выставки 1913 г., несмотря на ограничительные меры, было не так уж мало и евреев, некоторые из них были удостоены грамот и похвальных листов за представленные экспонаты. Это было свидетельством того, что местные евреи играли отнюдь не деструктивную роль в жизнедеятельности окраины. Среди них были известные рыбопромышленники, лесозаготовители, судовладельцы. Так, уже упоминавшийся выше владивостокский купец Л.Ш. Скидельский имел, по общему признанию, лучшие в крае среди лесобрабатывающих предприятий по техническому оснащению заводы

(Бикинский лесозавод и Океанский фанерный завод)²⁵⁸. Известными лесопромышленниками в крае в эти годы были также И.Р. Рубинштейн, братья Синкевич, братья М.М. и А.М. Люри, Гринберг, Ш.Х. Вейнерман (последние были также известными николаевскими рыбопромышленниками). Успешно занимались золотодобычей Е.М. Аккерман, В.А. Фогельман.

На рынке труда местные евреи также представляли традиционные для них профессии портных, скорняков, сапожников, парикмахеров и т.д. Особенно высоким был процент евреев среди практикующих врачей и фельдшеров, в силу того, что, как отмечалось, во времена “весны” царствования Александра II представители этих профессий обладали правом повсеместного жительства.

Однако все указанные категории евреев – представители профессий, в которых край остро нуждался, трудились здесь в порядке исключения из правил. Неизменную подозрительность у представителей местной власти вызывали и намерения еврейских предпринимателей вложить свои средства в освоение богатств края. При этом в своем Всеподданнейшем докладе императору в 1911 г. Н.Л. Гондатти отмечал, что “главная причина слабой использованности богатств края – в малой заселенности, затруднительности средств сообщения и в недостатке капиталов”²⁵⁹. Однако в каждом случае, рассматривая вопрос об участии евреев в хозяйственной деятельности на территории окраины, он высказывал опасения за судьбу “русского дела” на вверенной ему территории. “Все мероприятия на Дальнем Востоке, – считал он, – должны быть проникнуты одной мыслью: завоеванный нами почти триста лет тому назад и воссоединенный в прошлом веке Приамурский край должен быть русским не только в государственном смысле этого слова, но и экономически”²⁶⁰. Такой подход полностью соответствовал общероссийской политике. На практике же власть активно использовала еврейские капиталы в деле модернизации экономики страны, что было неудивительно. По выражению С. Дубнова, “ненависть к евреям во все времена соединялась с любовью к еврейским деньгам”²⁶¹. Так, известно, что одним из крупнейших финансистов

страны был Е. Гинцбург, получивший титул барона (заметим, не сменив веры). Его сын Г. Гинцбург был в числе основателей Ленского, Забайкальского, Алтайского и других золотых приисков; широкую известность он приобрел благодаря своей поддержке российской культуры. Крупнейшими сахарозаводчиками Российской империи были М. Бродский и его сыновья, железнодорожным магнатом – Пьянков. И этот перечень может быть продолжен.

Для представителей торгово-промышленных кругов страны необходимость отмены ограничительных для евреев законов была особенно очевидной. Нередко они выступали инициаторами ходатайств перед властью о пересмотре существовавшего положения. Так, например, в мае 1914 г. Екатеринославский биржевой комитет направил в министерство торговли и промышленности записку, в которой обосновывалась необходимость пересмотра действовавших законов об евреях, что, по мнению авторов, должно было благоприятным образом сказаться на развитии отечественной торговли и промышленности. Копия этой записки была разослана всем биржевым комитетам страны с просьбой высказать свое мнение по существу поднятого в ней вопроса и в случае согласия присоединиться к ходатайству. Получил эту записку и Хабаровский биржевой комитет. По его поручению старшим маклером М.Ф. Новиковым был подготовлен соответствующий доклад, направленный Приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти. В нем высказывалось мнение, прямо противоположное тому, что излагалось в записке Екатеринославского биржевого комитета. Во всех многочисленных бедах России, включая венерические заболевания, были виноваты, по мнению Новикова, евреи. Переходя к характеристике их роли в жизни края, он писал: «Если возьмем к примеру окраину Дальнего Востока, в частности, разберемся в деятельности евреев, что оно [так в тексте] создало полезного для этого края. Единственно – тормоз к обрусению края и развитию русского труда. Фабрики, заводы и лесные заготовки Скидельских, торговые обороты Циммерманов и много товариществ, работающих под флагом русских фамилий, и деятельность всех этих предпри-

ятий стремилась и стремится, не стесняясь мерами и способами, к обирательству наших обществ²⁶². На этом основании, не приведя никаких дополнительных доводов, чиновник сделал вывод о необходимости отклонить предложение коллег из Екатеринослава о присоединении к их ходатайству. Эту точку зрения вполне разделял Н.И. Гондатти, о чем свидетельствуют сделанные его рукой пометки на докладе²⁶³. Не исключено, что мнение Хабаровского биржевого комитета по данному вопросу было составлено с учетом хорошо известной позиции Начальника края.

Накануне Первой мировой войны среди русской общественности страны усилилось внимание к “еврейскому вопросу”. Либерально мыслящая интеллигенция России поднялась в защиту почти 6-ти миллионного населения государства. В 1914 г. по инициативе писателей М. Горького, Л. Андреева и Ф. Сологуба создается “Русское общество для изучения еврейской жизни”. Оно организовало публикацию в периодической печати статей по данной проблематике, выпустило три издания сборника “Щит”. Все настойчивее зазвучали призывы к отмене правительством пресловутой “черты оседлости”. Особую актуальность этот вопрос приобрел с началом I мировой войны.

Вступление России в войну вызвало, как известно, практически всеобщий патриотический подъем в стране. Не было исключением и русское еврейство. В синагогах и молитвенных домах повсеместно проводились торжественные богослужения о даровании победы русскому оружию. Еврейские газеты публиковали патриотические статьи. В 1914 г. были мобилизованы около 400 тыс. российских евреев, и их процент в русской армии – а впоследствии и процент убитых и раненых – оказался выше того процента, который составляло еврейское население к общему количеству граждан Российской империи. Многие из них прославились смелостью и самоотверженностью.

Война принесла неисчислимые страдания мирным жителям Европейской России, но особенно тяжело пришлось евреям. Приблизительно половина всего еврейского населения страны проживала в местечках, оказав-

шихся зоной боевых действий. Огромные массы людей превратились в беженцев (при том, что бежать им было особенно некуда в силу существования т.н. "черты оседлости"). Их ряды пополнялись за счет приказа известного своими антисемитскими взглядами Верховного главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича. По его инициативе евреи изгонялись из прифронтовой полосы за возможное пособничество врагу. Война подняла в стране новую волну антисемитизма. Однако на сей раз правительство отнеслось к возможным погромам с серьезными опасениями. Во-первых, это могло спровоцировать беспорядки в стране, что в условиях военного времени было чревато дестабилизацией внутренней обстановки. Во-вторых, они могли самым неблагоприятным образом отразиться на отношении союзников к России, что в условиях зависимости страны от внешних займов было крайне нежелательно. Не могли правительственные круги не считаться и с набиравшим в стране силу либеральным движением.

В марте 1915 г. в печати было опубликовано письмо "К борьбе с антисемитизмом", которое подписали свыше 200 представителей научной и творческой интеллигенции, известные политические деятели. В их числе были Л. Андреев, Н. Бердяев, И. Бунин, З. Гиппиус, проф. А. Кизеветтер, В.И. Немирович-Данченко, гр. А. Толстой и многие другие. Вскоре с письмом могли познакомиться дальневосточники: 19 марта его перепечатала издававшаяся во Владивостоке газета "Дальневосточная окраина". В письме, в частности, отмечалось: "С великим напряжением всех своих духовных и материальных сил ведет Россия войну. В этой войне принимают участие все населяющие Россию народы. ... В этот великий в истории нашей год мы с глубоким прискорбием и смущением видим, что к страданиям одного из населяющих Россию племен прибавляются новые и новые муки. Многострадальное еврейское племя, давшее миру так много высоких открытий в области религии, философии и поэзии, всегда деятельно участвовавшее во всех трудах и тяготах общерусской жизни, так часто подвергавшееся лживым наветам и неоднократно доказавшее свою любовь к России, ныне

вновь подвергается испытаниям и оскорбляется несправедливыми обвинениями". Письмо заканчивалось призывом: "Русские люди! Обратимся к нашему разуму и нашей совести и одним из условий государственного строительства нашего поставим для себя прекращение гонений на евреев и полное уравнивание их в правах с нами"²⁶⁴.

Наконец, 4 августа 1915 г. решением Совета Министров с одобрения царя был временно снят запрет на пребывание евреев вне черты оседлости. Им также разрешили поступать в высшие учебные заведения, открывать собственные школы во внутренних областях. Вскоре последовал другой циркуляр за подписью министра внутренних дел кн. Н.Б. Щербатова, в котором разъяснялось, что евреям разрешается проживание вне черты оседлости "повсеместно в городах, кроме тех, откуда они были высланы по статьям о военном положении, а также столиц и местностей, состоявших в ведении министерств двора и военного". Здесь же сообщалось об отмене надзора полиции за евреями. Обо всем этом циркулярной телеграммой были извещены все губернаторы, в том числе Приамурский²⁶⁵. И хотя правительство рассматривало эти меры как вынужденные и временные, они, без сомнения, объективно облегчали положение русского еврейства.

Однако все это, в конце концов, мало затронуло евреев Дальнего Востока. Их положение не только не улучшилось, но в некоторых отношениях стало хуже.

Поступивший в конце августа циркуляр Щербатова вызвал, похоже, у высшей администрации края удивление и недоумение. 21 августа 1915 г. Гондатти лично направляет в Петроград запрос, спрашивая, распространяется ли это распоряжение "на городские поселения Приамурского края и, в частности, на Владивосток"²⁶⁶. Уже через 3 дня был получен ответ управляющего министерством внутренних дел, в котором подтверждалось действие упомянутого циркуляра. Об этом же шла речь в телеграмме на имя Н.Л. Гондатти от 29 августа: "Евреям разрешено жительство в городских поселениях Сибири"²⁶⁷. Однако и этого было недостаточно. Весь сентябрь 1915 г. шла переписка канцелярии Приамурс-

кого губернатора с министерством внутренних дел по вопросу, можно ли жить евреям свободно на территории края. А тем временем власти на местах выселяли евреев, прибывших сюда на основании последних распоряжений правительства. Особенно усердствовал губернатор Приморской области Сташевский. Он, на основании наличия во Владивостоке военной крепости, издал распоряжение о недопущении в него евреев. Все приезжавшие, включая беженцев, немедленно выселялись²⁶⁸. Между тем Владивосток, за исключением территории военной крепости, находился в ведении министерства внутренних дел, а не военного, а потому их высылки были незаконными. Об этом напомнили в своей телеграмме от 11 ноября 1915 г. на имя Приамурского генерал-губернатора члены правления владивостокского молитвенного дома Н. Скидельский, Циммерман и Бурлаков²⁶⁹.

Когда о действиях Приморского губернатора стало известно Н.Л. Гондатти, он был очень возмущен. Но отнюдь не тем, что Сташевский в нарушение правительственных постановлений выселял евреев. Гнев Начальника края вызвал ставший известным факт самоличного обращения Сташевского в МВД за разъяснениями на этот счет. Крайне неприятным было и то, что противозаконные действия подчиненного получили широкую огласку – в дело вмешалась пресса. О “странном толковании”, которому подвергся “казалось бы, ясный циркуляр кн. Щербатова” Приморским губернатором, написала столичная газета “Речь” в номере от 14 октября 1915 г. Местная газета “Дальний Восток” в ноябре того же года также отмечала: “То толкование циркуляра о евреях, которое дано ...Приморским губернатором, является уже не ослушанием, а прямым вызовом”²⁷⁰.

От Сташевского потребовали объяснения, на тексте которого Гондатти собственноручно наложил резолюцию: “Надо было во всяком случае спросить меня. Написать от меня соответствующую бумагу в МВД с просьбой указать губернатору, что разовые разъяснения он должен получать от меня или через меня”²⁷¹. Следом, помимо соответствующей телеграммы Сташевскому, в которой ему указывалось на “несубординатив-

ность непосредственного обращения к министру”²⁷² была направлена депеша в Петроград с жалобой на действия не в меру самостоятельного Приморского губернатора. Заметим, во всей переписке о евреях ни слова. Речь шла лишь о недопустимости обращения в выше стоящие инстанции через голову Начальника края²⁷³. Похоже, обнажился некий давний конфликт, и самостоятельность Сташевского в “еврейском вопросе” послужила лишь поводом.

Что же касается существа вопроса, то очень скоро стало ясно, что принципиальных разногласий между двумя высокопоставленными чиновниками края не существует. В подготовленной канцелярией Приамурского генерал-губернатора справке для губернатора Амурской области разъяснялась неправомерность действий его приморского коллеги, но лишь в части нарушения субординации. “Основываясь же на внутренней стороне вопроса, – отмечалось в справке, – на целесообразности для краевых и государственных интересов – то в отношении Амурской области Главным начальником края предложено подлежащему губернатору испрашивать предварительно указания о всяком желающем поселиться там евре. Для единства действий было бы желательно ввести этот порядок, хотя и не предусмотренный распоряжением министерства внутренних дел ... и для остальных областей Приамурского генерал-губернаторства”²⁷⁴.

Таким образом, Гондатти фактически устанавливал-ся явочным порядком иной, нежели во всей империи, регламент проживания евреев. Это было прямым нарушением и циркуляра Совета министров, и распоряжений непосредственного начальства – министерства внутренних дел. Однако никакой реакции со стороны последнего не последовало. Видимо, на это генерал-губернатор вполне рассчитывал. Опытный чиновник, пользовавшийся благосклонностью двора и хорошо знавший царившие там настроения, он мог прогнозировать последствия принимаемых решений. Чтобы соблюсти порядок, Н.Л. Гондати направил в январе 1916 г. секретный запрос на имя нового министра внутренних дел Хвостова, в котором просил его разъяснить, как следу-

ст понимать смысл известного циркуляра его предшественника, князя Щербатова. Хотя, казалось бы, вопрос этот был прояснен окончательно после того, как депутат Государственной Думы А.И. Рыслев на свой запрос о том, разрешается ли сибирским евреям проживание в городах Амурской и Приморской областей, получил из МВД ответ, что “разрешение евреям проживания в городах распространяется и на сибирских евреев”. Рассчитывал Гондатти, очевидно, на определенную корректировку позиции в этом вопросе новым министром. “Со своей стороны, – отмечал он в запросе, – основываясь на значении края в качестве местности, через которую теперь идет большинство ввозимых предметов как для военных, так и для торгово-промышленных целей, а с другой стороны, считая необходимым оградить молодой, быстрыми шагами развивающийся край от экономического захвата лицами иудейского вероисповедания, я нахожу настоятельно необходимым, чтобы въезд и передвижение евреев в Приамурском крае допускалось только каждый раз с отдельного моего разрешения”²⁷⁵.

Не получив из столицы никакого ответа, Гондатти ввел на территории края собственные правила. Каждый приезжавший сюда еврей должен был испрашивать личного разрешения Приамурского генерал-губернатора, тот поручал полиции навести справки о просителе “у начальников тех губерний или областей, где эти лица проживали в последнее время”²⁷⁶. И лишь на этом основании выдавалось разрешение, притом временное. Этим распоряжением Гондатти практически закрывал край для еврейских беженцев, ибо издевательством звучит его требование о необходимости получения сведений по прежнему месту жительства в условиях военных действий. Но даже в том случае, если получить информацию и было теоретически возможно, практически на это не оставалось времени, ибо существовало распоряжение выдворять приезжавших евреев “на другой день по приезду или обнаружению”²⁷⁷. Может быть, все это объяснялось тем, что в край нахлынула волна еврейских беженцев, и это грозило дестабилизацией экономической и социальной ситуации? Отнюдь. Число бежен-

цев, добравшихся до края, исчислялось единицами, в лучшем случае – десятками. Так, в Хабаровске на 1 апреля 1916 г. из 340 беженцев евреев было 7 мужчин и одна женщина²⁷⁸, во Владивостоке к 1 сентября 1916 г. из зарегистрированных 2029 беженцев евреев насчитывалось в общей сложности 60 человек²⁷⁹. Чаще всего это были родственники проживавших на Дальнем Востоке евреев, которым некуда было податься. А между тем принятый в августе 1915 г. Государственной Думой и одобренный Госсоветом закон “Об обеспечении нужд беженцев” прямо указывал на то, что “заботы по обеспечению материальных и духовных нужд беженцев возлагаются в порядке мер государственного попечения” в том числе, на губернаторов²⁸⁰.

Можно только догадываться, сколько возникало драматических ситуаций, вызванных произволом местной власти, антисемитизм которой вышел даже за официальные рамки дозволенного. Архив сохранил, к примеру, историю, связанную с судьбой беженцев из Ковенской губернии Шульманов. Отец семейства, Вульф Шульман, 56 лет, прибыл в Благовещенск, к своим родственникам, вместе с женой и детьми – 38, 17, 16 и 13 лет. Когда список евреев, подписавших выселению, в коем числилась и семья Шульманов, попал на утверждение в канцелярию Приамурского генерал-губернатора, то там было принято “соломоново” решение: оставить “до особых распоряжений” в Благовещенске детей Шульманов 16 и 17 лет, а остальных членов семьи выселить²⁸¹. Такое решение заставило военного губернатора Амурской области обратиться с письмом на имя Гондатти, в котором он, в частности, писал: “Не будучи сторонником возбуждения ходатайств об оставлении на жительство того или иного еврея, тем не менее в данном случае позволю себе обратиться к Вашему Высокопревосходительству с просьбой об оставлении евреев Шульман на дальнейшее жительство в Благовещенске, т.к. выселение их вызвало бы разъединение семьи, к тому же их место занято неприятелем”²⁸². И далее в письме губернатор области приводит аргумент, который, в конечном счете, и сыграл главную роль в решении оставить в Благовещенске несчастное семейство:

Вся семья Шульман зарегистрирована местным комитетом о беженцах, состояния крайне бедного, в Благовещенске проживает у своих родственников, которые поддерживают ее материально, почему семья эта не пользуется помощью от казны; с выселением же возникает для казны необходимость оказывать ей денежное пособие. В данное время все Шульманы работают сапожниками у города по снабжению бедного населения обувью²⁸³. На запрос о Шульмане пристав полицейского участка, где проживала семья, докладывал: "... Доношу, что Шульман поведения хорошего, физически плохо развит (полукалека), сведений о судимости нет"²⁸⁴. В виду того, что семья Шульманов не пользовалась помощью казны, об ее оставлении ходатайствовал и председатель Благовещенского городского комитета по оказанию помощи беженцам²⁸⁵.

Таким образом, рачительное отношение сознательных чиновников к расходованию государственных средств спасло семью беженца-калеки от депортации. Другим, как правило, везло меньше. Так, в Зее была обнаружена на жительство еврейка А. Дорфман, чье пребывание было сочтено незаконным. После ходатайства врача, предоставившего документы о том, что она лежит на излечении в больнице по поводу пневмонии, властями было принято решение о ее выселении после выздоровления в 3-х дневный срок. Еще более драматический случай имел место с некоей Д.О. Соловейчик, проживавшей в г. Алексеевске вместе со своим братом. Она собралась замуж за молоканина и в этой связи обратилась к военному губернатору Амурской области с прошением о присоединении к общине молокан²⁸⁶. И вот тут-то выяснилось, что в городе она проживала "незаконно", т.е. без согласия Приамурского генерал-губернатора. И вместо того, чтобы пойти под венец, несчастная отправилась в г. Нерчинск, к месту своей приписки²⁸⁷.

Сообщение о расширении черты еврейской оседлости было опубликовано некоторыми местными газетами, но они были доступны далеко не всем и, видимо, местные евреи в массе своей не знали об отмене "черты оседлости", поскольку, как правило, не обжаловали действий админи-

страши, а может быть, не имели таких навыков в силу привычного положения униженности и бесправия.

Однако и получавшие разрешение на проживание евреи не чувствовали себя свободными, ибо они не имели права покидать город без соответствующего письменного разрешения, что практиковалось и прежде. Такой порядок был учрежден лично Гондатти. В мае 1916 г. военный губернатор Приморской области обратился к нему за разъяснением: могут ли свободно выезжать и возвращаться евреи во Владивосток, "или же их надлежит выдворять, как утративших право на дальнейшее в нем пребывание, и требовать, чтобы они в таких случаях каждый раз испрашивали новое разрешение у Вашего Высокопревосходительства на въезд во Владивосток?" Резолюция Гондатти была очень лаконична: "Не могут. Выдворять. Должны вновь испрашивать"²⁸⁸.

Очевидно, подозрительность местной власти по отношению к евреям усиливалась опасениями возможной их революционной деятельности в условиях нараставшего в стране кризиса, вызванного войной. Об этом свидетельствует рапорт начальника Владивостокского охранного отделения, направленный на имя министра внутренних дел С.П. Белецкого 10 февраля 1916 г.: "Открытых шагов к тому, чтобы влиять на настроение общества в целях революционизирования его, со стороны евреев замечено не было, но, конечно, в разговорах с русскими в обстановке, исключающей возможность привлечения к ответу за распространение волнующих население слухов, евреи всегда "сама оппозиция". Оппозиция злая, весьма недоброжелательно относящаяся к России, со звериной невозмутимостью готовая греть руки на ее страдальческом костре"²⁸⁹. Недоверие к евреям, несомненно, подогревалось и охватившей страну шпиономанией. Не составил исключения и пограничный Приамурский край"²⁹⁰.

К весне 1916 г. в крае возник новый аспект "еврейской" проблемы. В Приморской области квартировали дружинки дружин ополчения, в числе которых были и евреи. Во время отпусков они с разрешения своего непосредственного начальства приезжали в города края на

отдых. Эта практика не имела прецедентов, а потому областной губернатор Приморья обратился за разъяснениями к Начальнику края: могут ли ратники прибывать по отпускным билетам в города, “или же их надлежит выдворять, как не получивших разрешение Вашего Высочайшего превосходительства на право проживания в этих городах”²⁹¹. Гондатти был не правомочен указывать военным, но как генерал-губернатор мог обращаться к ним с просьбой. Что и было сделано. Он дал поручение “написать начальнику штаба округа для доклада командующему войсками, не признает ли он возможным сделать воспрещение об отпуске свресв-ратников во Владивосток”²⁹². Командующий пошел навстречу, и в мае 1916 г. соответствующее распоряжение было сделано²⁹³.

В предвоенные годы усиливаются гонения властей и на религиозную жизнь свреев Дальнего Востока. К этому времени в крупных городах и населенных пунктах края существовали молитвенные дома и синагоги, а при них – хозяйственное правление, состоявшее из старосты, Ученого еврея и казначея. В большинстве случаев при молитвенных учреждениях состояли раввины. Примечательно, что по закону синагоги могли учреждаться только в черте еврейской оседлости, а вне ее – модельни. Сибирь, географически не являясь чертой оседлости, была таковой, как известно, для некоторых категорий евреев. Потому характер отношения власти к религиозным учреждениям определялся общим состоянием “еврейского вопроса” в стране, и в любом случае она находила для себя в законе необходимые основания. А если и не находила, как было показано выше, то не очень этим смущалась.

Весной 1912 г. всем еврейским общинам края через полицмейстеров было объявлено о необходимости замены не позднее сентября всех лиц, занимавших религиозные должности, на исключительно местных свреев²⁹⁴. Дело в том, что в Сибири давно сложилась практика приглашения духовных лиц из центральных губерний России, поскольку в самой Сибири отсутствовали учебные заведения, дававшие право на занятие общественных религиозных должностей²⁹⁵. Это, разумеется, было известно местной администрации. Но, видимо,

она не нашла другого предлога для развертывания очередной антисемитской акции.

В связи с этим распоряжением духовное правление молитвенного дома Николаевска-на-Амуре (одного из старейших, открытого в 1860 г.) обратилось к Приморскому губернатору с просьбой разрешить по-прежнему выписывать духовных лиц из западных губерний в течение нескольких ближайших лет. “Эта отсрочка нужна, — писали авторы ходатайства, — дабы мы имели возможность послать некоторых из наших детей в европейскую Россию для получения образования в тамошних талмудических школах с целью исполнять впоследствии религиозные обязанности в нашей общине”²⁹⁶.

Препровождая это письмо в канцелярию Приамурского генерал-губернатора, военный губернатор Приморской области сделал приписку: “Что касается ходатайства духовного правления Николаевского молитвенного дома, то в интересах предупреждения большого засилья евреями города Николаевска, я полагаю бы отклонить”²⁹⁷. Чиновник даже не потрудился попытаться отыскать в законе необходимые обоснования, чтобы ими мотивировать отказ. Он, видимо, понимал, что в этом нет никакой необходимости.

Эта попытка закрыть молитвенный дом в Николаевске не удалась, но можно было отыскать новые препятствия к его деятельности. Под предлогом того, что духовное правление может учреждаться “только в местах, входящих в черту постоянной еврейской оседлости”²⁹⁸, а вне ее — только хозяйственное правление, Николаевской общине было предложено произвести соответствующую реорганизацию. Когда же на стол военного губернатора области легли для утверждения списки вновь избранного хозяйственного правления общины, он отказался их утвердить ввиду отсутствия разрешения министра внутренних дел. Понадобилось специальное разъяснение из департамента духовных дел МВД о том, что, “согласно правилам, лица, избранные в члены хозяйственного правления, представляются на утверждение местной администрации”²⁹⁹. Но и на этом мытарства николаевских евреев не закончились. После получения министерского разрешения ме-

стное начальство вдруг решило, что само существование молельни в городе является незаконным, ибо она была открыта якобы без надлежащего разрешения. Дело заключалось в том, что документы, дававшие право на ее открытие, сгорели во время пожара 1886 г. Но еще при генерал-губернаторе Унтербергер-ре, утвердившем в должности николаевского раввина Моделя, этот вопрос был улажен³⁰⁰. Это не могло не быть известно местным чиновникам.

Николаевские евреи вынуждены были вновь направить прошение в МВД, и 13 ноября 1913 г. пришел ответ за подписью товарища министра о том, что “нет препятствий к дальнейшему существованию открытой без надлежащего разрешения молельни в городе Николаевске-на-Амуре”³⁰¹. Таким образом, местный молитвенный дом вторично получил законный статус. Видимо, благодаря этому, власти и не решились его закрыть.

Иначе сложилась в эти годы судьба синагоги в Хабаровске. Не позднее 1913 г. она была закрыта под предлогом необходимости ее преобразования в молельню с хозяйственным управлением. Еврейской общиной города требуемая процедура была осуществлена, и от ее имени двое уполномоченных членов общины, М.Ш. Друз и Д.Я. Альперович, обратились с ходатайством об открытии молельни и при ней – хозяйственного управления. Следует заметить, что оба просителя были весьма уважаемыми людьми в городе. Давид Яковлевич Альперович, проживавший на Протодьяконовской улице, где был расположен усадьбный участок, а на нем – 2-х этажный каменный дом с двумя деревянными флигелями, был владельцем парохода “Лев Толстой”. Он занимался перевозкой грузов на пароходе и торговлей лесом³⁰². В Хабаровске поселился в 1906 г. как участник русско-японской войны³⁰³. Михаил Шмуйлович Друз был владельцем трех домов и парохода “Генерал Хорват”. Жил в Хабаровске, куда он переехал из Томской губернии, с 1891 г.

В своем представлении этого прошения Гондatti вице-губернатор Приморской области выразил согласие на его удовлетворение³⁰⁴. Однако генерал-губернатора заинтересовал вопрос о законности уже не молель-

ни, а владения земельным участком, на котором она располагалась. В ответе, подготовленном Друзом и Альперовичем, указывалось, что участок был приобретен в 1879 г. жившими в Хабаровске евреями. На нем до 1904 г. располагался молитвенный дом. Затем он был снесен, и на его месте был построен новый, гораздо больших размеров, по плану, утвержденному Приморским областным строительным комитетом³⁰⁵. Средства на это строительство собирались по подписке среди горожан. Оказали помощь и еврейские общины других городов Сибири и Дальнего Востока³⁰⁶.

И тут-то администрации стало ясно, что молитвенный дом можно закрыть, ибо владеть недвижимостью могли только синагоги, которые, в свою очередь, могли учреждаться только в черте оседлости. О чем и было сообщено в столицу, в министерство внутренних дел. Видимо, на этом основании (хотя и без всяких официальных объяснений) исполнявшему обязанности раввина и резника Хабаровска с 1908 г. Н.А. Сурдутовичу было отказано в утверждении. А 26 августа 1914 г. из Петербурга на имя Н.Л. Гондатти за подписью товарища министра пришла бумага, в которой значилось: "Принимая во внимание, что синагоги учреждаются лишь в пределах общей еврейской оседлости, а в местностях вне этой черты оседлости разрешается устройство лишь молелен в смысле небольшого помещения в частных наемных помещениях, представляется очевидным, что предоставление последнего рода молитвенным учреждениям права самостоятельного приобретения недвижимости не соответствует указаниям закона. В виду сего ... не изволите ли признать возможным предложить хабаровским евреям добровольно ликвидировать незаконное приобретение ими недвижимого имущества в срок, назначенный по усмотрению Вашего Высокопревосходительства..."³⁰⁷. Это распоряжение, противоречившее существовавшему закону, было живо исполнено. Вскоре хабаровскому полицмейстеру было предписано "предложить еврейскому молитвенному обществу ликвидировать приобретенное им в Хабаровске имущество в течение 4-х месяцев со дня получения предписания"³⁰⁸. Видимо, община отказалась передать

земельный участок (во всяком случае в архиве не найдено каких-либо документов на этот счет), и потому распоряжением Гондатти в июне 1915 г. молитвенный дом был опечатан³⁰⁹. По ходатайству Друза и Альперовича Начальник края разрешил провести там лишь новогодние службы с 25 августа по 15 октября 1915 гг.³¹⁰ И далее все прошения хабаровских евреев об открытии в городе молельни отклонялись лично Приамурским генерал-губернатором. Заметим, уже после того, как Совет Министров отменил в стране черту оседлости, что тем более лишало запрет всякого основания. В течение 1916 г. Гондатти после неоднократных прошений раввина Сурдутовича лишь дважды разрешал открыть молитвенный дом: в мае на один день в праздник еврейской Пасхи – Пейсах (который, между прочим, длится более недели) и на 3 недели осенью для новогодних служб.

Похоже, что успех в борьбе с синагогой в г. Хабаровске окрылил власть, что упростило процедуру экспроприации молельни в Благовещенске. Там власти заставили местную общину передать земельный участок с постройками, занимаемый под молитвенный дом, во владение города. А между тем и в данном случае все документа были в порядке. Еще в 1863 г. губернатор Амурской области Н.В. Буссе разрешил проживавшим в Благовещенске евреям открыть молитвенный дом³¹¹. В 1880 г. министром внутренних дел Маковым было вновь дано разрешение на существование молельни в Благовещенске³¹². А в мае 1903 г. решением городской думы под постройку молитвенного дома был выделен участок “в бессрочное пользование евреев-жителей Благовещенска без права отчуждения с обязательством в течение 3-х лет построить дом”³¹³.

Однако в 1916 г. городской думе было предложено пересмотреть свое же решение, что и было сделано. Напрасно городской раввин И.М. Гинзбург пытался опротестовать это решение, мотивируя тем, что утвержденное в 1903 г. городской думой для постройки молитвенного дома место не передано общине в собственность, а лишь отведено в бессрочное пользование и, следовательно, не является недвижимостью³¹⁴. Своим решением от 12 января 1916 г. городская управа приня-

ла от еврейской общины отведенный ей некогда участок земли и сдала ей же его в аренду со всеми постройками сроком на 1 год³¹⁵, о чем и было доложено Главному начальнику края.

Видимо, расправиться с синагогой Владивостока просто не хватило времени. В начале марта Гондатти издал распоряжение, по которому раввину Владивостока разрешалось проживание в городе лишь до 1 мая 1917 г.³¹⁶ Но вмешалась Февральская революция, положившая конец режиму, принесшему российским евреям столько страданий.

* * *

Таким образом, период пребывания в должности генерал-губернатора Н.Л. Гондатти совпал с ужесточением государственной политики в отношении сибирского еврейства. Как всякий чиновник высокого ранга, Гондатти обязан был ее неукоснительно соблюдать. Очевидно, введение в крае военного положения в связи со свержением монархии в Китае также обуславливало в представлении губернатора необходимость ужесточения местной политики в “еврейском вопросе”.

Но вместе с тем личные взгляды и убеждения Начальника края обусловили не только точность исполнения соответствующих законоположений, но и чрезмерное в том усердие. Пользуясь весьма значительными полномочиями и нараставшим в стране кризисом власти, вызванным Первой мировой войной, он вышел в своей “еврейской политике” в крае за пределы официального антисемитизма. Это выразилось в нарушении решения Совета министров об отмене в августе 1915 г. черты оседлости, в постоянных выселениях евреев, включая беженцев, в гонениях на религиозную жизнь. Не случайно еврейская пресса Харбина – города, где он оказался после революции в эмиграции и где проживала немалая часть некогда гонимых им людей – называла его “приамурским сатрапом”.

Позиция Н.Л. Гондатти в “еврейском вопросе”, повторим, находилась в общем русле государственной политики царизма в отношении евреев Сибири. Ее суть сводилась к максимальному ограничению их присут-

ствия на данной территории Российской империи. Объясняется это, как представляется, в первую очередь, традиционной подозрительностью самодержавия в отношении еврейства. Получив после разделов Польши территории, населенные евреями, российская власть, не имевшая прежде опыта общения с этим народом, похоже, не знала, что с полученным “наследством” делать. Закрытость, замкнутость еврейских общин, управлявшихся до 1844 г. кагалами, усиливала восприятие евреев в качестве “чужаков” и подпитывала традиционный религиозный антисемитизм. Ограничив арсал их проживания чертой оседлости, власть, видимо, надеялась таким образом держать ситуацию под контролем. Вот почему она жестко регламентировала проживание евреев за пределами пресловутой черты. Что касается Сибири, то этот обширный регион страны в течение длительного времени представлял собой, по выражению С.Ю. Витте, “резервуар для ссылки беспокойных и порочных людей”³¹⁷. Именно из них состояло первоначально население Сибири, в т.ч. еврейское. Остальным категориям евреев въезд воспрещался. И хотя в отдельные исторические периоды, в зависимости от общей направленности внутренней политики царизма, допускались в этом вопросе определенные послабления, общая линия оставалась прежней.

Феодально-абсолютистский характер российского самодержавия в значительной степени обусловил принципы и методы колонизации Сибири, а позднее и присоединенного к империи Дальнего Востока.

Между тем высокая плотность населения в черте оседлости создавала жесткую конкуренцию на местном рынке труда. (Не забудем, что евреи к тому же, в силу ограничительных законов, вынуждены были заниматься видами деятельности, традиционно не поощряемыми христианством – ростовщичеством, торговлей и т.д.). Это вызывало усиление как бытового, так и государственного антисемитизма, привнося в него экономическую составляющую. Позднее, в конце XIX в., в силу активного вовлечения евреев в российское революционное движение, антисемитизм дополняется политической нетерпимостью.

Именно государственный антисемитизм не позволил царскому правительству привлечь евреев к активному освоению восточной окраины империи, когда страна встала на путь модернизации. Использование финансовых и интеллектуальных ресурсов еврейства, привлечение ремесленников, страдавших от нищеты и скученности в черте оседлости, в край, где постоянно ощущалась их нехватка, способствовали бы как снижению остроты "еврейского вопроса" в стране, так и колонизации огромного региона. Богатые экономические возможности Дальнего Востока, отсутствие антисемитских стереотипов у местного населения обуславливали привлекательность края для предприимчивых евреев. Те из них, кто смог здесь закрепиться и реализовать себя, внесли заметный конструктивный вклад в создание его экономического потенциала.

Примечания

1. Еврейская энциклопедия. – СПб., 1908–1913. Т.ХІУ. С. 187.
2. Вейтштинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. С. Х.
3. Островский Ю. Сибирские евреи. – СПб., 1911. С. 8.
4. См. Дубнов С.М. Краткая история евреев. – Ростов-на-Дону, 1997. С. 529.
5. Гессен Ю. История еврейского народа в России. Т.1. С. 77.
6. РГИА. Ф.1269. Оп.1. Д.51. Л.67.
7. Там же.
8. Островский Ю. Указ. соч. С. 8.
9. Там же.
10. Еврейская энциклопедия. Т.ХІУ. С. 188.
11. Там же.
12. Островский Ю. Указ. соч. С. 7.
13. Гессен Ю. Указ. соч. Т.2. С. 18.
14. Дубнов С.М. Указ. соч. С. 561.
15. Гессен Ю. О жизни евреев в России. Записка в Государственную Думу. – СПб., 1906. С. 71.
16. Бейлин С.Х. Из рассказов о кантонистах. // Еврейская старина, 1909. Вып.3. С. 17.
17. См. Шнигель М. Из записок кантониста. // Еврейская старина, 1911. Вып.2. С. 255; Ицкович И. Воспоминания архангельского кантониста. // Еврейская старина, 1912. Вып.1. С. 64 и др.
18. Рискин Д. Указ. соч. С. 64.
19. Систематический сборник разъяснений правительствующего Сената по делам о жительстве евреев. – СПб., 1902. С. 546.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. № 6875.
21. Никитин В.Н. Евреи-земледельцы. 1807 – 1887. – СПб., 1887. С. 206.

22. Войтинский В.С., Гарицштейн А.Я. Указ. соч. С. 14.
23. См. Никитин В.П. Указ. соч. С. 208.
24. РГИА. Ф.1269. Оп.1. Д.51. Л.14.
25. Гессен Ю. История еврейского народа в России. Т.2. С. 135.
26. Гессен Ю. Закон и жизнь. – СПб., 1911. С. 111.
27. РГИА. Ф.821. Оп.9. Д.110. Л.17.
28. РГИА. Ф.1269. Оп.1. Д. 51. Л.100.
29. Там же. Л. 82.
30. Там же.
31. См. там же.
32. Там же. Л.90.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. № 42264.
34. Между тем, в ремесленниках на востоке страны по-прежнему ощущалась острая нехватка. Так, газета "Приамурские ведомости" в ноябре 1897 г. отмечала, что "вопрос, близко касающийся самых насущных потребностей населения Хабаровска – это вопрос о ремесленниках всяких цехов: портных, сапожниках, столярах, часовщиках и пр. (Приамурские ведомости, 1897. 9 ноября). Нетрудно заметить, что в этом перечне большинство профессий – традиционно занимаемые в то время евреями.
35. РГИА. Ф.821. Оп.9. Д.107. Л.26.
36. РГИА. Ф.821. Оп.9. Д.108. Л.1.
37. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. № 53524.
38. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.4. Д.334. Л.110.
39. Систематический сборник разъяснений правительствующего Сената по делам о жительстве евреев. С. 549.
40. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп.4. Д. 334. ЛЛ.14-15.
41. Там же. Л.32.
42. Там же. ЛЛ. 38-39, 43.
43. Там же. Л.104.
44. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.5697. ЛЛ. 5-11.
45. Забайкальские областные ведомости. 1892. 15 мая.
46. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.32. Л.45.
47. Там же. Л.46.
48. Там же. Л.36.
49. Там же. Л.30.
50. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.172. Л.111.
51. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.105. Л.7.
52. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.172. Л.108.
53. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.648. Л.13.
54. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.2666. Л.18.
55. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.648. Л.2.
56. Там же. ЛЛ. 6-13.
57. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.32. Л.113.
58. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.4. Д.334. Л.86.
59. Там же. Л.145.
60. Там же.
61. Следует заметить, что в 80-е годы XIX в. в силу ряда причин воскресла юдофобия и в западных центрах еврейства – Германии и Австрии. См. подробнее об этом: Дубнов С.М. Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. – Пг., 1923.

Именно государственный антисемитизм не позволил царскому правительству привлечь евреев к активному освоению восточной окраины империи, когда страна встала на путь модернизации. Использование финансовых и интеллектуальных ресурсов еврейства, привлечение ремесленников, страдавших от нищеты и скученности в черте оседлости, в край, где постоянно ощущалась их нехватка, способствовали бы как снижению остроты "еврейского вопроса" в стране, так и колонизации огромного региона. Богатые экономические возможности Дальнего Востока, отсутствие антисемитских стереотипов у местного населения обуславливали привлекательность края для предприимчивых евреев. Те из них, кто смог здесь закрепиться и реализовать себя, внесли заметный конструктивный вклад в создание его экономического потенциала.

Примечания

1. Еврейская энциклопедия. – СПб, 1908–1913. Т.ХІУ. С. 187.
2. Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. С. Х.
3. Островский Ю. Сибирские евреи. – СПб. 1911. С. 8.
4. См. Дубнов С.М. Краткая история евреев. – Ростов-на-Дону, 1997. С. 529.
5. Гессен Ю. История еврейского народа в России. Т.1. С. 77.
6. РГИА. Ф.1269. Оп.1. Д.51. Л.67.
7. Там же.
8. Островский Ю. Указ. соч. С. 8.
9. Там же.
10. Еврейская энциклопедия. Т.ХІУ. С. 188.
11. Там же.
12. Островский Ю. Указ. соч. С. 7.
13. Гессен Ю. Указ. соч. Т.2. С. 18.
14. Дубнов С.М. Указ. соч. С. 561.
15. Гессен Ю. О жизни евреев в России. Записка в Государственную Думу. – СПб., 1906. С. 71.
16. Бейлин С.Х. Из рассказов о кантонистах. // Еврейская старина, 1909. Вып.3. С. 17.
17. См. Шпигель М. Из записок кантониста. // Еврейская старина, 1911. Вып.2. С. 255; Ицкович И. Воспоминания архангельского кантониста. // Еврейская старина, 1912. Вып.1. С. 64 и др.
18. Рискин Д. Указ. соч. С. 64.
19. Систематический сборник разъяснений правительствующего Сената по делам о жительстве евреев. – СПб., 1902. С. 546.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. № 6875.
21. Циклитин В.П. Евреи-земледельцы. 1807 – 1887. – СПб., 1887. С. 206.

12. Водитинский В.С., Горюхицкий А.Я. Указ. соч. С. 14.
13. См. Водитинский В.С. Указ. соч. С. 208.
14. РГИА. Ф.1269. Оп.1. Д.51. Л.14.
15. Гессен Ю. История еврейского народа в России. Т.2. С. 135.
16. Гессен Ю. Закон и жизнь. – СПб., 1911. С. 111.
17. РГИА. Ф.821. Оп.9. Д.110. Л.17.
18. РГИА. Ф.1269. Оп.1. Д. 51. Л.100.
19. Там же. Л. 82.
20. Там же.
21. См. там же.
22. Там же. Л.90.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. № 41264.
24. Между тем, в ремесленниках на востоке страны по-прежнему ощущалась острая нехватка. Так, газета "Приамурские ведомости" в ноябре 1897 г. отмечала, что "вопрос, близко касающийся самых насущных потребностей населения Хабаровска – это вопрос о ремесленниках всяких родов: портных, сапожниках, столярах, часовщиках и пр. (Приамурские ведомости, 1897. 9 ноября). Нетрудно заметить, что в этом перечне большинство профессий – традиционно занимаемые в то время евреями.
25. РГИА. Ф.821. Оп.9. Д.107. Л.26.
26. РГИА. Ф.821. Оп.9. Д.108. Л.1.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. № 53524.
28. РГИА ДВ. Ф.1.Оп.4. Д.334. Л.110.
29. Систематический сборник разъяснений правительствующего Сената по делам о жительстве евреев. С. 549.
30. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп.4. Д. 334. ЛЛ.14-15.
31. Там же. Л.32.
32. Там же. ЛЛ. 38-39, 43.
33. Там же. Л.104.
34. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.5697. ЛЛ. 5-11.
35. Забайкальские областные ведомости. 1892. 15 мая.
36. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.32. Л.45.
37. Там же. Л.46.
38. Там же. Л.36.
39. Там же. Л.30.
40. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.172. Л.111.
41. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.105. Л.7.
42. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.172. Л.108.
43. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.648. Л.13.
44. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.2666. Л.18.
45. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.648. Л.2.
46. Там же. ЛЛ. 6-13.
47. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.32. Л.113.
48. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.4. Д.334. Л.86.
49. Там же. Л.145.
50. Там же.
51. Следует заметить, что в 80-е годы XIX в. в силу ряда причин возросла юдофобия и в западных центрах еврейства – Германии и Австрии. См. подробнее об этом: Дубнов С.М. Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. – Пг. 1923.

62. Из истории и мифологии революции. Почему евреи? ["Круглый стол"] // Отечественная история. 2000. №2. С. 92.

63. Н. Бердяев, например, указывал на особую предрасположенность еврейства к социализму, объясняя это особым типом религиозного сознания этого народа. "Иудей, - писал он, - неспособен, как христианин, к покорности Провидению. Для христианина нищета, унижения - добродетель, для иудея - это бедствия, с которыми надо бороться" (Бердяев Н. А. Судьба еврейства // Тайна Израиля. ("Еврейский вопрос" в русской религиозной мысли конца XIX - первой половины XX вв.). - СПб, 1993. С. 319). Не отрицая этого справедливого замечания русского философа, отметим, что русские революционеры своей деятельностью отнюдь не демонстрировали христианскую покорность и смирение. Как русские, так и еврейские революционеры были людьми, порвавшими со своей традиционной средой и культурой.

64. Докшин А. Консолидированное меньшинство или расколотый народ? ("Круглый стол") // Отечественная история. 2000. № 2. С. 103.

65. Цит. по: Гессен Ю. Закон и жизнь. С. 153.

66. Лютостанский И. Покаянное письмо автора книги "Об употреблении евреями христианской крови". Киев, 1911. С.6. Следует заметить, что письмо это носило характер скорее самооправдания, чем покаяния.

67. Раскин Д. "Еврейский вопрос" в документах высших государственных учреждений Российской империи в XIX - II. XX вв. // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии: Сборник научных трудов. С. 64. (Анализ охватывал период с 1810 по 1917 гг.).

68. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.2. Д.850. Л.3.

69. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.4. Д.334. Л.163.

70. Там же.

71. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.4. Д.333. ЛЛ.68-69

72. Войтинский В. С., Горюхиной А. Я. Указ. соч. С. 25.

73. Мыш М. О евреях в Сибири. // Восход, 1889, №8. С. 21.

74. Белковский Г. А. Русское законодательство о евреях Сибири. С. 5.

75. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.21. Л.1.

76. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.4. Д.334. Л.155.

77. Кабузин В. М. Дальневосточный край в XVIII- начале XX в. (1640 - 1917). Историко-демографический очерк. С. 222

78. См. подробнее об этом: Кальмина Л. В., Курас Л. В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века - февраль 1917 года). С. 136.

79. РГИА ДВ Ф.704. Оп.1 Д.227. Л.2

80. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.4. Д.2 Л.11.

81. Там же. Л.13.

82. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. - СПб. 1895. С. 22.

83. Там же.

84. Там же.

85. Должность Ученого еврея была учреждена в середине 40-х гг. для надзора за еврейскими учебными заведениями. Они были при министре народного просвещения, попечителях учебных округов, генерал-губернаторах в черте оседлости. В обязанности Ученых евреев входило также давать объяснения по еврейским предметам и выполнять поручения, требовавшие знания иудаизма. Условием занятия этой должности было наличие высшего или среднего специального образования. В Сибири и

на Дальнем Востоке Ученые евреи выступали исключительно толкователями религиозного Закона в случае отсутствия раввинов.

86. Крадин Н.П. Архитекторы Хабаровска. - Хабаровск, 1998. С. 16.
87. РГИА ДВ. Ф. Оп.1. Д.2666. ЛЛ. 2-3.
88. Приамурские ведомости. 1897. 22 июня.
89. РГИА. Ф. 821. Оп.8. Д.172. Л.111.
90. Резник - лицо, осуществляющее ритуальный забой скота и птицы в соответствии с религиозными нормами.
91. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.172. Л.23.
92. Там же. Л.13.
93. Там же. Л.40.
94. Войтинский В.С., Горюхиин А.Я. Указ. соч. С. 283.
95. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Тетр. III. 1905. С. 12.
96. РГИА. Ф. 821. Оп.8. Д.172. Л.108.
97. Приамурские ведомости. 1898. 6 июля.
98. Еврейская энциклопедия. Т. XIV. С. 191.
99. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп.1. Д.49. Л.20.
100. Систематический сборник разъяснений правительствующего Сената по делам о жительстве евреев. С. 549.
101. Дубнов С.М. Евреи в царствование Николая II. (1894-1914). С. 10.
102. Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях Сибири. С. 44.
103. См. Забайкальские областные ведомости. 1898. 10 февр.
104. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.8. Д.895. Л.15.
105. Белковский Г.А. Указ. соч. С. 87; Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды. // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 305 - 306.
106. Тихонов Т.И. Указ. соч. С. 290.
107. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.4. Д.923. Л.6.
108. Там же. Л.17.
109. Островский Ю. Указ. соч. С. 37.
110. Там же. С. 59.
111. Там же. С. 35.
112. См. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXII. Тетр. II, 1904. С. 34.
113. Там же. LXXVI. Прим. обл. Тетр. III. 1905. С. 131.
114. Согласно "Учреждению Сибирскому" 1892 г. Сибирь включала в себя Иркутское генерал-губернаторство, Приамурское генерал-губернаторство, а также Тобольскую и Томскую губернии. В свою очередь, Иркутское генерал-губернаторство состояло из Иркутской и Енисейской губерний и Якутской области, а Приамурское генерал-губернаторство - из трех областей: Забайкальской, Приморской и Амурской и острова Сахалин. // Свод законов. Т.2 Учреждение Сибирское. - СПб. 1892. С. 3.
115. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп.4 Д.139. Л.28.
116. Тихонов Г.И. Сибирские евреи, их права и нужды. С. 278.
117. Известно, что еще до принятия закона от 26 марта 1861 г. о переселениях на Амур сюда безо всякого разрешения властей стали переселяться раскольники-пришуты и молокане из Таврической и Самарской губ., старообрядцы из Пермской губ., духоборы из Енисейской губ., семейские староверы из Забайкалья. Только в Амурской обл. в нач. 90-х гг. XIX в. насчитывалось 11 тыс. крестьян, переселившихся сюда из-за религиозных гонений на родине. // Рыбаков-

ский, Л. / Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. - М., 1969. С. 17.

118. Цит. по: *Резнев А. В.* Самодержавие и Сибирь в конце XIX - начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 66.

119. *Алсико А. В.* Иностранный капитал на Дальнем Востоке России и его влияние на развитие края (1860 - 1917 гг.). Автореф. канд. дисс. - Хабаровск, 1998. С. 17-18.

120. Там же. С. 18, 21-23.

121. *Островский Ю.* Указ соч. С. 34.

122. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.2. Д.189. Л.31.

123. Там же.

124. *Белковский Г. А.* Русское законодательство о евреях Сибири. С. 113.

125. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.129. Л.67.

126. *Симанович А.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. - Ашхабад, 1990. С. 52.

127. *Энгель В.* Либеральные тенденции в "еврейской политике" самодержавия конца XIX - начала XX века. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3. С. 53.

128. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.129. Л.68.

129. Цит. по: *Тихонов Т. И.* Сибирские евреи, их права и нужды. // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 292.

130. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.129. Л.73.

131. Там же. Л. 91.

132. Там же.

133. Там же. Л. 118.

134. Там же. Л. 119 об.

135. Там же. Л. 123.

136. *Тихонов Т. И.* Еврейский вопрос в России и Сибири. - СПб, 1906. С. 91.

137. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснением Правительствующего Сената и центральных правительственных установлений. / Составил Я. И. Гимпельсон. Ч. I. - СПб, 1914. С. 224.

138. *Муромов Г. Т.* По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и права. Дневник странника. Т. II. - М., 1911. С. 278.

139. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.367. Л.2 об.

140. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1 Д.49. Л.35.

141. Там же. Л.58.

142. Там же. Л.58 об.

143. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.2. Д.205. Л.7 об.

144. Там же. ЛЛ.14, 23.

145. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.5. Д.823. Л.1; ГАРФ. Ф.944. Оп.1. Д.140. Л.120.

146. Не случайно, получив известие о кончине Л.Ш. Скидельского в Одессе в 1916 г., городское общественное управление Владивостока, учитывая его заслуги перед городом, послало срочную телеграмму одесскому голове с просьбой возложить на гроб Л.Ш. Скидельского венок от Владивостокского общественного управления // Далекая окраина. 1916. 12 окт.

147. Книжки "Восхода". 1904. № 5. С. 172.

148. *Кандель Ф.* Очерки времен и событий. Из истории российских евреев. Ч. III (1882-1929). - Иерусалим, 1994. С. 197.

149. Иосиф Трумпельдор (1880-1920 гг.) во время русско-японской войны потерял левую руку, однако продолжал оставаться в строю. В 1913 г. выехал в Палестину. Во время Первой мировой войны наряду с В. Жаботинским создал Еврейский легион, сражавшийся против Турции на стороне Великобритании. После войны организовал отряды самообороны евреев. Погиб 1.03. 1920 г. во время одного из боёв с арабами.

150. *Тихонов Т.И.* Еврейский вопрос в России и Сибири. С. 95.

151. Книжки "Восхода". 1904. № 5. С. 173.

152. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.2367. Л.1.

153. *Тихонов Т.И.* Указ. соч. С. 95.

154. *Гессен Ю.* Закон и жизнь. С. 175.

155. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.2367. Л.2.

156. *Тихонов Т.И.* Еврейский вопрос в России и Сибири. С. 96.

157. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.69. Л. 39.

158. См. *Флаг В.Е.* После русско-японской войны на административной должности. 1905 – 1910. Воспоминания. Рукописный экземпляр. Книга А.// ГАРФ. Ф. 6683. Оп.1. Д.19. Л.45.

159. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д. 69. Л.39.

160. *Рабинович В.Ю.* Еврейский вопрос в Иркутске (II пол. XIX – I четв. XX вв.) // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III. Международная научная конференция. Тезисы докладов. Ч.1. – Челябинск, 1995. С. 185.*

161. Дело о погроме в г.Томске в 1905 г. Отчет о судебном заседании Томского окружного суда. – Томск, 1909. С.17

162. Там же. С. 18.

163. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т.2. – М., 1960. С. 351

164. *Анфимов А.М.* Царствование Николая II в цифрах и фактах // *Отечественная история. 1994, № 3. С. 75.*

165. *Законы о евреях. С. 446.*

166. Первая Дума о евреях. Речи депутатов. Извлечение из стенографических отчетов. – СПб, 1908. С. 3.

167. Там же. С. 5-6.

168. См. *Амурский край. 1905. 1 ноября.*

169. *Буддыгеров Л.Н., Куликова Е.И., Степанова Л.П., Шельдешева С.А.* Очерки истории Дальнего Востока России. – Хабаровск, 1994. С. 75.

170. *Амурский край. 1905. 30 окт.*

171. *Читинский листок. 1906. 6 июня.*

172. *Забайкальские областные ведомости. 1906. 7 июня.*

173. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.8. Д.2266. Л. 2.

174. Там же.

175. ГАХК. Ф.П-44. Оп.1. Д.65. Л. 35 об.

176. Там же. Л. 3.

177. Там же. Л. 35.

178. ГАХК. Ф.П-44. Оп.1. Д.98. Л.143.

179. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.5. Д.1581. Л.118.

180. Там же. Л. 112.

181. Там же.

182. Там же.

183. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.5. Д.1622. Л.2.

184. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.69. Л.40.

185. *Ниссельов Л.Н.* Еврейский вопрос в III Государственной Думе. – СПб. 1908. С. 34.

186. Цит. по: *Угасель В.* Указ. соч. С. 55.
187. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т.3. С. 493.
188. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.2367. Л.65
189. Там же.
190. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.69. Л.43.
191. Сибирские вопросы. 1908. № 19-20. С. 13.
192. *Келлер С.* "Союз достижения коллоправия еврейского народа в России" и еврейское национальное представительство в Государственной Думе. // Вестник Еврейского Университета в Москве. 1997. № 3. С. 27.
193. *Островский Ю.* Указ соч. С. 41.
194. Там же. С. 42.
195. Там же. С. 43.
196. Краткая еврейская энциклопедия. Т.7. – Иерусалим, 1994. С. 795.
197. Там же.
198. *Островский Ю.* Указ. соч. С. 43.
199. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.129. Л.113.
200. Там же.
201. См. *Миндлин А.* Еврейская политика Столыпина. – М., 1996. С. 9-10.
202. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л.Гондат-ти. С. 189.
203. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.89. Л.16.
204. Сибирские вопросы. 1911. № 22-23. С. 65.
205. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.89. ЛЛ.18-21.
206. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.980. ЛЛ.2-157.
207. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.32. Л.110.
208. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.229. Д.15
209. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.712. Л.217.
210. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.89. Л.81.
211. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.31. Л.22.
212. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.31. Л.25.
213. Там же.
214. Там же. Л.22.
215. Там же. Л.114.
216. Там же. Л.13.
217. Там же.
218. *Гессен Ю.* О жизни евреев в России. Записка в Государственную Думу. С.136
219. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т.2. С. 212.
220. Цит. по: *Тихонов Т. И.* Еврейский вопрос в России и Сибири. С. 82.
221. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.31. Л.33.
222. Там же. ЛЛ.74 -75.
223. Цит. по: *Дубинина Н. И.* Указ. соч. С. 119.
224. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.738. ЛЛ.1-17.
225. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.2367. Л.204.
226. См. *Дубинина Н. И.* Указ соч. С. 189.
227. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.31. Л.337.
228. Там же. Л.314.
229. Еврейская энциклопедия. 1908-1913. Т.ХІУ. С. 192.
230. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.328. Л.328.
231. Там же.
232. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.226. Л.185.

233. Сибирские вопросы. 1911. № 22-23. С. 66-67.
234. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.306. Л.360.
235. *Соловьев В.С.* Протест против антисемитического движения в России // Тайна Израйля. С. 95.
236. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.306. Л.203.
237. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.330. Л.61.
238. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.69. Л.48.
239. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.5. Д.1622. Л.3.
240. Там же.
241. Там же. Л.141.
242. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.328. Л.676.
243. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.5. Д.1622. Л.132.
244. *Войтинский В.С.* Правда и ложь об евреях. – Пг., 1914. С. 11
245. *Энгель В.* Указ. соч. С. 56-57.
246. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.328. Л.676.
247. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.328. Л.319.
248. Там же.
249. Уссурийская окраина. 1913. 13 окт.
250. Еврейское население России по данным переписи 1897 г. и по новейшим источникам. – Петроград, 1917. С. 76.
251. *Островский Ю.* Указ соч. С. 40.
252. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.796. Л.97.
253. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.326. Л.423.
254. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.531. Л.101.
255. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.11. Д.328. Л.263.
256. Там же.
257. Приамурская жизнь. 1915. 22 июня.
258. *Шулятьев Д.А.* Лесозаготовительная промышленность Дальнего Востока. Историко-экономический очерк. – Хабаровск, 1974. С. 17.
259. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.172. Л.10
260. Там же.
261. *Дубнов С.М.* Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. С. 67.
262. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.597. Л.11 об.
263. Там же.
264. Далекая окраина. 1915. 19 марта.
265. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.1042. Л.24.
266. Там же. Л.7.
267. Там же. Л.54.
268. Там же. Л.40 об.
269. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.1042. Л.40 об.
270. Дальний Восток. 1915. 8 ноября.
271. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.1042. Л.54.
272. Там же. Л.61.
273. Там же. ЛЛ.58-61
274. Там же. Л.65.
275. РГИА ДВ. Ф.704. Оп.6. Д.2311. Л.17.
276. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.1042. Л.35.
277. РГИА ДВ. Ф.704. Оп.6. Д.2311. Л.64.
278. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.1072. Л.324.
279. Там же. Л.364.
280. Правительственный вестник. 1915. 1 сент. № 192.

281. Там же.
282. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 6. Д. 2311. Л. 67 об.
283. Там же.
284. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 6. Д. 2377. Л. 7.
285. Там же. Л. 200. Аргумент этот был очень весом, т.к. местный комитет был весьма ограничен в средствах. // См.: *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы первой мировой войны. Хабаровск, 1999. С. 222.
286. Там же.
287. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 6. Д. 2362. Л. 6.
288. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1042. Л. 91.
289. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1007. Л. 4.
290. См. подробнее об этом: *Иконникова Т.Я.* Указ соч. С. 38-51.
291. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1042. Л. 72.
292. Там же.
293. Там же. Л. 71.
294. На территории Дальнего Востока в этот период вообще практически отсутствовали еврейские учебные заведения. Исключение составлял лишь хедер в Николаевске-на-Амуре, в котором обучался 21 мальчик. Упоминание о нем датируется 1912 г. // РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2132. Л. 39.
295. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 204. Л. 85.
296. Там же.
297. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 204. Л. 96.
298. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2367. Л. 214.
299. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 204. Л. 83.
300. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 172. Л. 111.
301. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 204. Л. 113.
302. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 846. Л. 36.
303. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1845. Л. 42.
304. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 204. Л. 125.
305. Там же. Л. 132.
306. ГАХК. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 17-22.
307. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 204. Л. 142.
308. Там же. Л. 150.
309. Там же. Л. 120.
310. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 204. Л. 120.
311. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 172. Л. 108.
312. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 668. Л. 6.
313. Там же. Л. 166.
314. Там же. Л. 187.
315. Там же. Л. 189-190.
316. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 668. Л. 40.
317. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 550.

ГЛАВА II

Евреи и власть в условиях революций и гражданской войны на Дальнем Востоке

I. Воздействие революционных перемен и начала гражданской войны в России на деятельность еврейских общин региона

Сообщение о свершившейся в Петрограде Февральской революции было с восторгом воспринято широчайшими слоями российского общества, ибо несостоятельность правившей в стране монархии стала очевидной. С особым энтузиазмом известие о свержении царизма встретили русские евреи, и это понятно. Революция положила конец режиму, принесшему им столько страданий.

Известия о событиях в Петрограде достигли Дальнего Востока только 3 марта 1917 г. В крупных городах края стали создаваться Комитеты общественной безопасности, бравшие власть в свои руки. Поздно вечером 5 марта в Хабаровске были арестованы возвратившиеся из поездки во Владивосток генерал-губернатор Н.Л. Гондатти и командующий войсками генерал А.Н. Нищенков, а также заведующий канцелярией генерал-губернатора В. Закревский. Таким образом, в крае произошла смена власти. По свидетельству современника. "Февральский переворот, сделанный на нашей дальневосточной окраине по существу телеграфным распоряжением сверху, пронел без каких-либо осложнений и столкновений. Ему, кажется, все были рады"¹. Но особую радость испытывали евреи: пришел, как казалось, конец их бесправию и унижениям. Во владивостокской газете "Далекая окраина"

была опубликована заметка "Граждане", выразившая настроения евреев в те дни: "Пали вековые цепи рабства и бесправия. Ценою невероятных усилий нескольких поколений, жертвами лучших сынов России завоевана свобода. Отныне великий русский народ, великая многомиллионная Россия по праву займет в сонме народов подобающее ей почетное место. Семи-миллионный еврейский народ, страдавший больше других от произвола самодержавно-полицейского режима, впервые вдохнет свободной грудью в свободном Отечестве в сознании, что в вековой борьбе за свободу есть немало пролитой и им крови". Заметка заканчивалась призывом: "Граждане! Верим, что в свободной России не будет бесправных. К свету, знанию, свободе и справедливости пойдем рука об руку так же, как наши дети и братья там, на далеком фронте, вместе проливая кровь, защищают общую мать-родину"². Еврейство Дальнего Востока, как и всей России, было полно самых радужных надежд.

Известие о свержении самодержавия с радостью и энтузиазмом было воспринято всеми еврейскими общинами края. Во всех синагогах и молитвенных домах были отслужены молебны о даровании победы новому правительству. Так, 12 марта во владивостокской синагоге были отслужены, как сообщала «Далекая окраина», панихида по павшим борцам за свободу и молебствие о даровании победы «славному русскому воинству над внешним врагом и здравии нового Временного правительства». После службы евреи города присоединились к общему торжественному шествию граждан Владивостока, посвященному победе революции³. Известный местный купец Х.А. Циммерман передал городскому голове 55 тыс. рублей для перевода военному министру нового правительства А.И. Гучкову на нужды войны⁴.

Большим событием в жизни бывшей Российской империи стало принятие Временным правительством 20 марта 1917 г. постановления "Об отмене вероисповедальных и национальных ограничений". Этот документ упразднил действие всех ограничительных законов и распоряжений в отношении евреев, и они получили равные со

всем остальным населением политические и гражданские права. "Смыт позор угнетения целого народа, который, как Каинова печать, клеймил русский народ и жгучей болью наполнял сердца лучших его сынов", – прокомментировала это решение новой власти петербургская "Еврейская жизнь"⁵.

В еврейских общинах Дальнего Востока, как и всей страны, этот документ вызвал необыкновенный подъем. Так, евреи Благовещенска, преисполненные благодарности, направили приветственные телеграммы в адрес Председателя правительства Г. Львова и председателя Государственной Думы М.В. Родзянко. В телеграмме Львову, в частности, говорилось: "Благовещенская еврейская община, принявши ... присягу на беззаветное служение Российскому государству и Временному правительству и вознося Всевышнему горячие молитвы по случаю провозглашения основных человеческих принципов равноправия всех населяющих Россию национальностей и отмены сословных ограничений, шлет привет в Вашем лице Временному правительству"⁶. В другой телеграмме, направленной на имя Родзянко, также сообщалось о принятой общиной присяге и о том, что "во время присяги было собрано 1643 руб. в пользу борцов за свободу"⁷.

Следует отметить, что дальневосточные евреи, в массе своей люди небедные, оказывали Временному правительству периодическую поддержку добровольными пожертвованиями. Так было, например, когда в апреле 1917 г. правительством был выпущен заем Свободы. "Сплотиться для финансовой поддержки молодой русской свободы" призывала евреев страны газета "Еврейская жизнь"⁸. Евреи Дальнего Востока живо откликнулись на этот призыв. Но наиболее весомым стал вклад владивостокской общины, одной из наиболее многочисленных (в этот период еврейское население Владивостока составляло около 2 тыс. чел.) и богатых. По инициативе Х.А. Циммермана местное еврейское купечество подписало на заем Свободы на 1 млн. руб. Известные в крае промышленники братья Скидельские подписались на значительную по тем временам сумму – 250 тыс. руб.⁹

После Февральской революции, отменившей все виды дискриминации евреев, началась бурная легальная деятельность различных еврейских политических партий и движений. В их числе были и социалистические партии, например, Бунд¹⁰ и Поалей-Цион¹¹, и ортодоксальные, и сионисты, и демократические объединения и группы. Весной 1917 г. многие из них провели в Петрограде свои съезды и конференции.

Значительным было, как и прежде, участие евреев в деятельности общероссийских политических партий, где они отставали, прежде всего, общепартийные требования, отождествляя, как правило, свои интересы с интересами того или иного класса или социальной группы русского общества. Специфические национальные интересы еврейства при этом либо вовсе не учитывались, либо им отводилось второстепенное место.

Если иметь в виду собственно еврейские политические объединения, то в первые же послереволюционные дни в их рядах часто говорилось о необходимости создания «единой политической организации, обнимающей по возможности все еврейские политические партии и группы, все политические течения»¹². В апреле 1917 г. в Петрограде состоялась конференция представителей еврейских партий и общественных организаций по вопросу о созыве всероссийского еврейского съезда¹³. Однако очень скоро выяснилось, что, как и в общерусской политической жизни, разногласия между различными партиями слишком велики для совместной работы. Вскоре, в июне 1917 г., о своем неучастии в подготовке съезда заявили бундовцы и представители других социалистических партий¹⁴.

Совершенно очевидно, что политическая активность евреев Дальнего Востока была не столь бурной, да и не могла быть таковою. Сказывалась не только оторванность от сложившихся на Западе центров культурной и политической жизни. Отсутствие в крае громного движения и юдофобии и вместе с тем постоянная зависимость от местной администрации, а для многих – извечный страх быть высланным, не способствовали политизации дальневосточного еврейства. Исключение составила еврейская община Харбина,

сформировавшаяся в иной атмосфере и имевшая иной правовой статус. Однако постепенно страх и апатия проходили. Евреи стали проявлять интерес к общенациональным проблемам. Во всех городах были открыты синагоги и молитвенные дома, регулярно проводились собрания общин, на которых обсуждались насущные проблемы как общерусской, так и местной жизни. При общинах создавались благотворительные общества, оказывавшие помощь как своим немущим собратьям, так и прибывавшим в край беженцам. На свресея Владивостока легла также задача оказания содействия возвращавшимся в Россию через порт эмигрантам¹⁵.

Из всех собственно еврейских политических движений в большей или меньшей степени в этот период в крае был представлен лишь сионизм. Известно, что в мае 1917 г. сионистская ячейка была создана в Никольск-Уссурийске. Её возглавил военный врач Левин¹⁶. Осенью отделение организации возникло в Благовещенске. Им руководил временный комитет из 7 человек, который возглавил местный раввин Гинзбург-Лупинский. Комитет организовал подписку на журнал "Рассвет" и занялся составлением сионистской библиотеки¹⁷. Действовал сионистский кружок и в Хабаровске. Газета "Приамурская жизнь" сообщала о прошедшем 26 ноября 1917 г. в городском общественном собрании вечере сионистов¹⁸. Достаточно активно действовала организация сионистов во Владивостоке, состоявшая, главным образом, из учащихся средних учебных заведений¹⁹. Она регулярно проводила собрания, организовывала чтение публичных лекций по сионизму, собрала небольшую библиотечку по соответствующей тематике. В городе образовалась группа молодых людей, принявших решение после окончания мировой войны выехать в Палестину. Это решение нашло поддержку общины, выделившей им для этой цели 1000 руб.²⁰. Летом 1917 г. во Владивостоке были организованы мероприятия, посвященные памяти виднейшего деятеля сионизма Теодора Герцля. В синагоге была отслужена панихида, а также был проведен вечер-концерт, весь сбор от которого в 7 тыс. руб. был передан в Еврейский национальный фонд²¹. Время от времени владивосток-

ских сионистов посещали их единомышленники из других городов России, чаще всего оказывавшиеся в городе проездом. В их числе были, например, член киевской сионистской организации Сливак, выступивший с докладом “Земельная политика евреев в Палестине”²², раввин Шор, бывший редактор издававшейся на иврите газеты “Гакойл”, прочитавший лекцию на тему “Свобода и традиция”²³.

Однако в целом политическая жизнь евреев Дальнего Востока, в отличие от западных регионов, где она забила ключом, была не очень активной. Не случайно, одна из заметок, опубликованных в благовещенской газете “Амурское эхо” в июне 1917 г. за подписью “Еврей-националист З. Пинский”, называлась “Сонное царство”. Ее автор с горечью писал: “Переживаемые события раскрыли, казалось бы, необычайные перспективы для местного культурно-национального строительства, и, несмотря на то, что все национальности России, в том числе и центра России, принимают активное участие в своем национальном строительстве, евреи г. Благовещенска, оторванные от своих братьев центра России, продолжают бездействовать”²⁴. Далее автор сетовал на то, что еврейские дети, не имея национальной школы, не знают ни родного языка, ни культуры своего народа, а “отцы детей относятся индифферентно к столь важному вопросу”. Беспокоила автора и пассивность местной общины в деле помощи жертвам войны, проживавшим в западных областях страны. “Если с подобным отношением к своим национальным нуждам можно было мириться раньше, то теперь, в переживаемое ныне время, абсолютно недопустимо”, – заключал автор²⁵. Следует отметить, что ситуация, описанная им, была весьма типичной для региона в целом. На слабое развитие местной еврейской общественно-политической жизни жаловался в своем письме в петербургскую газету “Еврейская жизнь” безымянный автор из Владивостока²⁶. В других городах, где общины были еще меньше, ситуация была значительно хуже.

Однако и общероссийские еврейские политические партии и движения опирались, главным образом, на

население европейской части страны, а своих сибирских собратьев практически не принимали во внимание. В лучшем случае их деятельность охватывала города Западной Сибири да Иркутск и очень редко – Дальний Восток. Главными причинами были малочисленность и оторванность сибирского еврейства от традиционных культурных и общественно-политических центров. Сказывалась также сложность обстановки, сложившейся в стране после Февральской революции. Очевидно, этим можно объяснить тот факт, что на состоявшейся в июле 1917 г. в Петрограде Всероссийской еврейской конференции не было ни одного представителя из Сибири²⁷. А между тем конференция решала принципиально важные для всего еврейского населения страны задачи: 1) выработка основ национального самоопределения для евреев России; 2) определение форм гарантии еврейского национального меньшинства, 3) установление переходной формы общинной организации российского еврейства и др.²⁸. Однако уже на намечавшийся на осень 1917 г. Всероссийский еврейский съезд евреям Дальнего Востока была определена квота для выбора своих делегатов: 4 человека от Приморской области, Приамурского края и Маньчжурии, выделенных в самостоятельный избирательный округ²⁹.

В общинах края началась кампания по подготовке к съезду. Так, хабаровская газета “Приамурская жизнь” 15 ноября 1917 г. приглашала всех местных евреев, не успевших записаться в избирательные списки, сделать это до 20 ноября в здании местной синагоги. Об обсуждении евреями Владивостока вопроса о посылке своего делегата на Всероссийский съезд сообщала в ноябре того же года владивостокская газета “Далекая окраина”³⁰.

В течение лета и осени 1917 г. в городах Дальнего Востока прошли выборы гласных в городские думы. Во Владивостоке евреи выставили свой список (“сионистов и беспартийных”), в который были включены такие известные в городе фамилии, как С.Л. Скидельский, Х.А. Циммерман, С.И. Струмиловский, И.Б. Дубровинский³¹. Еврейские общины других городов, за исключением Харби-

на, не выдвигали своих кандидатов (в отличие от других общин, например, украинской и мусульманской). Однако много еврейских фамилий встречается в списках кандидатов от других партий – социал-демократической, эсеровской, кадетской. Частично ряды активистов этих партий пополнились за счет вернувшихся из эмиграции политических деятелей либо освобожденных из тюрем политзаключенных, которые остались на Дальнем Востоке. Особенно много было их среди социал-демократов и эсеров. Это создавало впечатление достаточно активного участия местных евреев в политической жизни. Впрочем, баллотируясь от своих партий, еврей-кандидаты отстаивали лишь общепартийные лозунги. И лишь когда община официально блокировалась с какими-либо политическими организациями, могла идти речь об отстаивании ее национальных интересов, лежавших в русле общедемократических требований. Так было в Благовещенске, где местная еврейская община на выборах в думу после обсуждения в специально созданной для этого комиссии пришла к выводу о целесообразности блокирования с Союзом амурских республиканцев, политической организацией левокадетской направленности³². В целом же активность еврейских общин на выборах в местные органы власти была невысока. Помимо отмеченных выше причин, следует указать еще на одну. С лета 1917 г. в стране усиливается политический и экономический хаос и, как следствие, возникают новые вспышки антисемитизма. Чрезвычайно высокая политическая активность евреев, довольно значительное их представительство в Советах и других органах власти вызывали все большее раздражение различных слоев российского общества.

На опасность роста антисемитизма в стране указывал летом 1917 г. М. Горький в одной из статей из цикла “Несвоевременные мысли”. “...антисемитизм, – писал он, – жив и понемножку, осторожно снова поднимает свою гнусную голову, шипит, клеветает, брызжет ядовитой слюной ненависти”³³.

В сентябре 1917 г. на Украине вновь начались еврейские погромы. “Мы вступили в полосу зловещих предчувствий, – писала в те дни “Еврейская неделя”. – Орга-

на власти на местах, Временное правительство в центре стоит на страже новых начал свободной России. Правительство озабочено примирением национальностей, а не разжиганием национальных страстей. Но..., к сожалению, оно не та твердая, крепкая власть, которая делает погоду и в состоянии укрощать всякие бури³⁴.

Обострились экономические и социальные проблемы и на Дальнем Востоке. Ухудшилось продовольственное снабжение, в городах вводились карточки на основные продукты, резко возросли цены. Усилилось политическое размежевание. Местная власть не пользовалась безусловной поддержкой и была не в состоянии обеспечить в крае спокойствие и порядок. И хотя здесь все эти явления не сопровождались, как на западе страны, ростом антисемитизма, его волны доходили и до этих мест. Так, пресса сообщала, что в сентябре 1917 г. в Благовещенске в довольно значительном количестве распространялась написанная от руки погромная прокламация, призывавшая: "Долой всех жидов, которые находятся в России, бейте их, предателей России"³⁵. Она не встретила никакой поддержки населения, выразившейся в действиях, но, безусловно, усиливала среди евреев ощущение нестабильности и недолговечности новых демократических порядков. Все чаще из либерального лагеря раздавались голоса о необходимости встать всем миром на их защиту. Об этом писал, например, в местной газете известный в Благовещенске и далеко за его пределами врач, член местной еврейской общины доктор И. М. Хоммер, по взглядам близкий к кадетам: "Неужели же нам нужно дожидаться в бессильной растерянности, когда толпа выйдет на улицу и под влиянием агитаций местных большевиков начнет громить и правых и виноватых?" Автор призывал городское самоуправление приступить к организации дружины самозащиты³⁶.

Однако события развивались стремительно. Вечером 26 октября 1917 г. на Дальнем Востоке были получены первые известия о вооруженном восстании в Петрограде. Спустя два дня комиссар Временного правительства А. Русанов, военный комиссар округа Ходо-

ров и председатель красного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов А. Вакулин подписали обращение к населению, в котором, в частности, говорилось: "Восстание, поднятое группой безответственных лиц, уже бросило страну в объятия кровавой гражданской войны". Население призывалось к спокойствию: "Не нужно паники, не нужно малодушия. Каждый на своем посту пусть творит свой долг перед Родиной и революцией"³⁷. 6 декабря 1917 г. Хабаровская городская дума на своем экстренном заседании по случаю поступивших из столицы сообщений об аресте членов Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание и о репрессиях в отношении представителей различных политических партий признала, что "перечисленные акты представляют собой выражение системы политического насилия и террора, проводимых большевиками в целях извращения народной воли"³⁸.

Поначалу столичные новости не вызвали существенных перемен в жизнедеятельности населения края, в т.ч. еврейского. Все шло своим чередом. Сказывались удаленность от центра и принципиально иная расстановка политических сил. Однако, хоть и с опозданием, события стали развиваться в целом в общероссийском русле: произошла большевизация Советов и смена органов власти.

В ночь на 12 декабря 1917 г. большевиками с помощью революционно настроенных солдат и матросов был арестован А. Русанов³⁹. В тот же день в Хабаровске открылся III краевой съезд советов, провозгласивший советскую власть на всем Дальнем Востоке. К марту 1918 г. она утвердилась на всей его территории⁴⁰.

Еврейские общины края никак публично не отреагировали на смену власти. Во всяком случае, в местной прессе сообщений такого рода не было. Однако известно, что почти все общероссийские еврейские партии и общественные группы осудили захват власти большевиками. Еженедельник "Еврейская неделя" писал в те дни: "То, чего многие из нас опасались, свершилось: висевшая на краю пропасти Россия свалилась в бездну"⁴¹. И далее журнал отмечал: "Русское еврейство не может, подобно украинцам, казакам или кавказцам territori-

ально отгородиться от лихих экспериментаторов. Слишком слитые в политических и хозяйственных своих интересах с русским населением, мы обязаны принять самое деятельное, самое энергичное участие в борьбе за спасение Родины от большевистской опасности⁴².

Тем не менее, очень скоро сама эта «большевистская опасность» для многих стала ассоциироваться с евреями. Действительно, среди большевиков, занимавших ключевые посты в партии, было, как известно, много евреев – Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Я. Свердлов и многие другие. Но это были люди, с юношеских лет отрекшиеся от религии, традиций и культуры своего народа. Известна фраза, приписываемая Троцкому: «Я не еврей, я – интернационалист». На отсутствие у революционеров этого типа корней в своем народе указывал и С. Дубнов. Вместе с тем вопрос об участии евреев в российской революции не так прост. Подчеркнутый интернационализм революционных деятелей, особенно большевиков, и их отлучение от еврейства со стороны традиционной среды (известно, что в 1918 г. одесские раввины предали анафеме Троцкого, Зиновьева и других евреев-видных большевиков) отнюдь не являются доказательством случайного характера участия евреев в революции. По справедливому замечанию профессора О. Будницкого, редактора-составителя сборника «Евреи и русская революция», «с таким же успехом можно было бы объявить не принадлежащими к своему народу революционеров русского происхождения на основании того, скажем, что они не исполняли православных обрядов»⁴³. Активное участие евреев в русском освободительном движении, как отмечалось выше, – явление не случайное, а скорее закономерное. Вместе с тем следует подчеркнуть, что «еврейский фактор» в российской революции был существенным, но отнюдь не решающим. Корни ее лежат в истории России, особенностях цивилизационного типа ее развития, совокупности конкретных исторических причин, сложившихся к началу XX века. «Надо быть очень необразованным исторически человеком и слишком презирать русский народ, – писал философ и историк Лев Карсавин, не замеченный в симпатиях к евреям, – чтобы думать,

будто евреи могли разрушить русское государство. – Историософия, достойная атамана Краснова, и, кажется, позаимствованная им у Дюма-отца, который тоже обвинял в устройстве Французской революции графа Калиостро»⁴⁴.

Когда же революция свершилась, и большевики пришли к власти, значительное представительство евреев в российской политической элите в первые революционные годы было совершенно не случайным. Сравнительно высокая образованность евреев, а также то, что немалое их число вынуждено было получать образование за границей, вращаясь в кругах русской революционной эмиграции, обусловили их появление на руководящих постах в советских и партийных органах, а также в армии. Не забудем, что новая власть испытывала большую нужду не только в более-менее грамотных, но и в абсолютно преданных кадрах. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что до Февраля 1917 г. евреям, как известно, запрещалось занимать государственные должности. Для многих из них участие в управленческой деятельности было своего рода формой сублимации.

Высокий процент евреев в большевистской партии – факт широко известный. Однако немало евреев было и среди врагов большевизма – кадетов, эсеров и меньшевиков. Большевистский переворот не встретил поддержки и среди большей части еврейской интеллигенции. Агурский, один из руководителей комиссариата по еврейским делам, вспоминал, как в декабре 1917 г. ему было предложено издавать в Петрограде еврейскую советскую газету: «Мы приняли предложение, немедленно приступили к работе и хотели осуществить этот план. Но это была одна из труднейших задач. Правда, денег было достаточно – в первый раз в истории еврейского социалистического движения деньги не играли роли при создании газеты. Но этого отнюдь нельзя было осуществить, т.к. еврейская социалистическая интеллигенция была против Октябрьской революции, не хотела принимать участия в какой-либо работе и к тому же страшно саботировала каждую попытку тех, кто хотел работать и помогать укреплению достижений Октября»⁴⁵.

Однако тезис о поголовном участии евреев в социалистической революции стал расхожим штампом. «Даже в кругах интеллигентных, не только либеральных, но и подчас радикальных, — писала «Еврейская неделя», — чувствуется глубокое раздражение специально против евреев-большевиков. Вы не услышите ни одного слова о том, что евреи одинаково влиятельны и в умеренных партиях, что евреи составляли 50 % тех юнкеров, которые самоотверженно сражались против большевиков... Но что Троцкий в действительности Бронштейн, а Каменев — Розенфельд и т.д. — у всех на устах»⁴⁶.

Н. Бердяев свою статью «Христианство и антисемитизм» завершает описанием такого эпизода: «...в разгар коммунистической революции еврей-хозяин дома, в котором я жил, при встрече со мной часто говорил: «Какая несправедливость, Вы не будете отвечать за то, что Ленин русский, я же буду отвечать за то, что Троцкий еврей»⁴⁷. В гражданскую войну сотни тысяч евреев ответили за то, что евреем был Троцкий.

На Дальнем Востоке среди большевиков-руководителей органов власти также немало было евреев. Среди них — секретарь Дальневосточного краевого комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Дальсовнаркома Мойсей Губельман (брат Е. Ярославского); товарищ председателя Дальневосточного краевого комитета Совета депутатов и Дальсовнаркома, комиссар финансов Григорий Калманович; комиссар по иностранным делам Николай Любарский; член военного комиссариата Самуил Линнас и др. Это были люди, с юных лет включившиеся в революционную борьбу, в иерархии ценностей которых главными были классовые, и они не имели ни духовной, ни организационной связи с еврейством.

Вместе с тем необходимо отметить, что многие еврей-коммунисты стали истовыми адептами политики партии в отношении еврейства в первые годы советской власти. Ее своеобразие объяснялось тем, что большевики учитывали особый статус евреев в дореволюционной России, а потому уделяли еврейскому народу, как наиболее угнетаемому царизмом, некое особое внимание в своей национальной политике.

В январе 1918 г. в стране состоялись выборы делегатов на Всероссийский еврейский съезд, объявленные еще Временным правительством. На них за списки сионистов проголосовало две трети избирателей. В дальневосточном избирательном округе сионисты получили 76,5 % голосов⁴⁸. Итоги голосования показали, что, несмотря на своеобразие местных условий, дальневосточные евреи в массе своей демонстрировали те же политические предпочтения, что и жители Центральной России.

В течение нескольких послереволюционных месяцев на привычный уклад жизни еврейских общин страны новая власть не покушалась. Одновременно все чаще стали раздаваться "голоса трудящихся" о необходимости формирования классовых, пролетарских еврейских организаций. Так, из Петроградского Совета на имя И. Сталина, занимавшего пост комиссара по делам национальностей, поступило в декабре 1917 г. письмо, в котором шла речь об этом: "Все народы уже организовали свои организации и органы. Только наша еврейская беднота, к сожалению, всецело остается под влиянием шовинистических, социал-патриотических теорий"⁴⁹.

Вскоре, в конце января 1918 г. был учрежден Центральный комиссариат по еврейским делам. Его возглавил С.М. Диманштейн (в юношеские годы выучившийся на раввина). Комиссариат включал 8 отделов, призванных осуществить руководство всеми сторонами еврейской жизни на новых, социалистических принципах⁵⁰. Это ведомство сыграло огромную роль в разрушении еврейской культуры и традиции. Оно просуществовало до 1920 г., затем Еврейский комиссариат был преобразован в еврейский отдел Народного комиссариата по делам национальностей.

Для усиления партийного влияния на еврейские массы в большевистской партии, во всех ее комитетах были созданы еврейские коммунистические секции – евсекции. Их лозунгом стало утверждение "диктатуры пролетариата на еврейской улице". По словам историка С.М. Дубнова, евсекция "с рвением неопитов большевизма старалась превзойти даже своих русских товарищей в "отречении от старого мира", от всего исторического наследия еврейства"⁵¹.

По-видимому, последним событием еврейской “не-социалистической” жизни стал прошедший в конце июня-начале июля 1918 г. Всероссийский съезд представителей демократических общин. Съезд высказался за реорганизацию еврейских общин на демократических принципах: “Всесообщее, прямое, равное и тайное избирательное право, как одно из завоеваний российской революции должно стать основой общины и вместе с тем служить оплотом против надвигающейся реакции”⁵². Съезд создал Центральное управление еврейских общин в России – ЦЕ ВААД, провозглашенное высшим органом самоуправления еврейских общин Советской России. В целях “укрепления общинного строительства” было решено приступить к созданию “организационной сети губернских и областных органов”. Губернские ВААДы должны были учреждаться в губернских городах при условии, что на территории губернии имеется не менее трех общин⁵³.

ЦЕ ВААД принял решение о проведении выборов в общинные советы, разработав положение об их порядке, а также о структуре общинного управления⁵⁴. Регламентируя основные права еврейских общин, III пленум ЦЕ ВААД определил: “Община признается государством публично-правовым учреждением, в круг деятельности которого входит попечение о всех делах, касающихся еврейского народа в России, в особенности самоуправление во всех вопросах культурной жизни и воспитания”⁵⁵. Однако все эти решения так и остались на бумаге. Они принципиально противоречили большевистскому подходу к национальной политике, исходившему из приоритета классовых, пролетарских интересов. Совершенно очевидно, что по этой же причине власть не могла допустить созыва Всероссийского еврейского съезда, делегаты которого уже были избраны. После разгона в январе 1918 г. Учредительного собрания его судьба была предрешена. Назначенный на февраль того же года съезд был отменен буквально в последний момент. Во всяком случае, известно, что делегат от дальневосточного избирательного округа А.И. Кауфман узнал об этом, уже находясь в поезде.⁵⁶

В октябре 1918 г. в Москве была созвана конференция представителей еврейских комиссариатов и еврейских коммунистических секций, постановившая “принять все меры для планомерной ликвидации еврейских буржуазных учреждений”⁵⁷. В резолюции “О взаимоотношениях с общинами и другими буржуазными учреждениями” было подчеркнуто, что “в момент ожесточенной классовой борьбы” подобные организации, “усыпляя сознание еврейского пролетариата сладкими напевами демократизма, лишь вредят его интересам”⁵⁸. 19 июня 1919 г. постановлением Комиссариата по еврейским делам все еврейские общины на территории РСФСР закрывались навсегда⁵⁹. Правда, на этом этапе еще разразилось функционирование религиозных общин, но, как пояснялось в разъяснении Наркомюста от 9 августа 1922 г., “они обслуживают исключительно свои религиозные нужды и распространение их деятельности на благотворительные, а тем более, просветительские дела, является прямым нарушением декрета об отделении церкви от государства”⁶⁰.

ЦЕ ВААД выступил с протестом, опубликовав Меморандум, в котором подчеркивалось: “Разрушение общины должно неизбежно привести к расшатанию [так в тексте – В.Р.] коренных основ бытия еврейского народа в России, к культурной и социальной деградации еврейских масс. Уничтожение всенародно избранных органов национального самоуправления, выражающееся в передаче ряда учреждений еврейской автономии в ведение государственных органов и Комиссариат по еврейским национальным делам, находится в резком противоречии с одним из ценнейших завоеваний русской революции -- с правом на самоопределение”⁶¹.

Совершенно очевидно, что этот протест не возымел никакого действия. Общины и сам ЦЕ ВААД были обречены, как и все другие “непролетарские” демократические институты в стране.

К 1919 г. в целом завершился весьма бурный и плодотворный период жизни российского еврейства, начало которому положила Февральская революция. С 1919 г., по мере укрепления большевистского режима, начинается постепенное наступление на общедемокра-

тические завоевания революции, в том числе и в области решения "еврейского вопроса". Политика "военного коммунизма" с ее запрещением свободной торговли привела к подрыву экономической базы еврейства. Деятельность евсекций и еврейского комиссариата разрушала традиционный быт, религию, культуру и образование. Страшным ударом для еврейского населения, особенно традиционных местечек бывшей черты оседлости, явилась гражданская война, принесшая им неисчислимые беды. Белая армия, многочисленные банды несли с собою для евреев смерть и разрушения⁶². Жертвами погромов стали около 100 тысяч мирных жителей⁶³. Сотни тысяч евреев превратились в беженцев, умирая от голода, нищеты и эпидемий.

Большевистская власть последовательно боролась против усилившегося в стране антисемитизма, прилагая усилия для организации помощи, в том числе международной, жертвам погромов. Отношение же евреев к большевикам достаточно точно, как кажется, охарактеризовал Я. Клебанов, бывший редактор журналов "Рассвет" и "Еврейская жизнь": "Евреи хорошо понимают, что большевистский рай ничего им не обещает и ничего для них не сделает, но, с другой стороны, нельзя сказать, чтобы еврейское общество относилось к большевикам враждебно. Евреи просто благодарны Советской власти за то, что под ее охраной они гарантированы от погромов, в то время, как все элементы, воевавшие с большевиками, производили погромы"⁶⁴.

На Дальнем Востоке события развивались несколько по-иному. Советская власть, утвердившаяся здесь в марте 1918 г., к осени того же года пала. Как известно, толчком к ее падению на огромной территории Сибири и Урала послужил мятеж чехословацкого корпуса. 28 июня 1918 г. был совершен антисоветский переворот во Владивостоке, на следующий день там высадились иностранные войска. В этих условиях к власти в городе пришло Временное правительство автономной Сибири (ВПАС), созданное еще в январе 1918 г. Сибирской областной Думой в Томске. Его возглавил правый социалист Н. Я. Дербер. Оно было поддержано Приморской областной земской управой и Владивостокской городской

думой. Это правительство, опираясь на помощь союзников, пыталось провести буржуазно-демократические преобразования в соответствии с правосоциалистическими теориями и со значительным акцентом на идею "сибирского областничества".

Однако ВПАС не имело серьезной поддержки ни слева, ни справа. Для левых оно было соглашательским, против него выступали большевики и левые эсеры. Для правых, в том числе крупной буржуазии и белого офицерства, оно ассоциировалось с деятельностью эсера Керенского в Петрограде и Комуча в Сибири. Было еще одно обстоятельство, вызывавшее его неприятие со стороны правых и особенно генералитета: оно возглавлялось евреем П.Я. Дербером⁶⁵. Из-за антисемитских нападок (правые даже утверждали, что бело-зеленый флаг сибирских областников – это национальный флаг евреев), обвинений в провокаторстве П.Я. Дербер перешел на пост министра иностранных дел ВПАСа, а главой правительства стал бывший комиссар Временного правительства в Иркутске И.А. Лавров⁶⁶.

Власти ВПАСа не признал управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват. 9 июля 1918 г. на станции Гродеково в Приморье он сформировал т.н. "деловой кабинет", а себя объявил Верховным правителем, мотивируя это тем, что он был единственным законно назначенным представителем Временного правительства, признанного союзниками. Хорват выдвинул программу, идеологически близкую к кадетской.

В конце августа 1918 г. была свергнута советская власть в Забайкалье, а в сентябре части атаманов Калмыкова и Гамова при поддержке интервентов захватили Хабаровск и Амурскую область.

Таким образом, советская власть, не просуществовав на Дальнем Востоке и полгода, пала. Она не успела по-настоящему создать и укрепить здесь свои институты. В этот период ее существования еврейская жизнь края практически никак не изменилась. Начавшаяся гражданская война и военная интервенция принесли мирному населению Дальнего Востока, в том числе еврейскому, многочисленные беды.

Белое офицерство, а также отступавшие на Восток из центральных областей России войска в массе своей были заражены антисемитизмом⁶⁷. Однако местное население, казачество, из которого рекрутировались воинские формирования, как правило, было от него свободно. Это подтверждает и факт перепечатки в хабаровской газете "Приамурская жизнь" статьи из официального органа сибирского казачьего войска "Сибирский казак" под названием "Сибирское казачество и антисемитизм" в ноябре 1919 г. Опровергая появившиеся слухи о готовящемся еврейском погроме, газета писала: "Казаки -- не погромщики, казаки -- честные воины, идущие на врагов народа с оружием в руках, но никогда казаки не обращали и не обратят свой священный гнев против мирных граждан, против безоружных и беззащитных людей. Разве могут быть евреи, мирно проживающие в городах, под защитой русского закона и правительства, ответственными за действия еврейских комиссаров и большевиков? Нет! Там много и немцев, и мадьяр, и изменников латышей, и русских изменников. Их много больше, чем евреев, и они составляют главное ядро красноармейцев...". Статья заключалась словами: "Мы, казаки, всегда на страже и по первому слову правительства уничтожим банды погромщиков, если таковые появятся"⁶⁸. И хотя черносотенная пропаганда, ставившая знак равенства между большевистскими комиссарами и евреями, нередко приносила свои результаты, в целом последствия гражданской войны для евреев Дальнего Востока, в отличие от западных регионов, нельзя назвать безусловно катастрофическими. Более того, несмотря на определенный рост антисемитизма, еврейская жизнь в регионе продолжалась. В то время, как на территории, контролируемой большевиками, были распущены, как отмечалось выше, еврейские общины, преследовались сионисты и деятели других еврейских политических некоммунистических движений, на Дальнем Востоке, несмотря на трудности военного времени, экономический и политический хаос, действовали общины, синагоги, велась, насколько позволяли условия, благотворительная и культурно-просветительская деятельность. Общий климат для нее

в различных областях края был неодинаков. Многое определялось личными взглядами и убеждениями конкретного правителя, атамана или генерала и проводимой им политикой в "еврейском вопросе".

В ноябре 1918 г. в Омске был совершен переворот и установлена власть адмирала Колчака. На Дальнем Востоке власть Колчака признал Д.Л. Хорват. Он стал уполномоченным колчаковского правительства до июля 1919 г., когда его должность была ликвидирована, а сам он переведен на должность главноуправляющего КВЖД. Колчаковским наместником на Дальнем Востоке стал каратель генерал Розанов.

В бытность Колчака Верховным правителем на территории Сибири отмечался рост антисемитизма: в армии, среди крестьянского населения распространялась антисемитская литература, нередко звучали угрозы еврейских погромов⁶⁹. В архиве сохранилось свидетельство по меньшей мере одного погрома, произведенного колчаковскими частями Сибири в Шадринском районе в июне 1919 г.⁷⁰ Он не носил сугубо антисемитского характера, но в ходе него серьезно пострадало еврейское население. Сообщения о погроме опубликовала сибирская пресса. Еврейской депутацией Колчаку был заявлен решительный протест, в ответ на который им были даны заверения о принятии мер для предупреждения подобных эксцессов⁷¹. И действительно, других сообщений о еврейских погромах в Сибири в этот период не встречается.

Вместе с тем зачастую источником антисемитских прокламаций являлся штаб Верховного Главнокомандующего⁷². Однако, судя по воспоминаниям современников, сам Колчак антисемитом, а тем более погромщиком не был. Но он являлся заложником своего окружения и был к тому же не в состоянии держать ситуацию полностью под своим контролем, а потому антиеврейские эксцессы происходили постоянно. Тем не менее, официальный курс Омского правительства нельзя определить как антисемитский, в противном случае он был бы негативно воспринят международным общественным мнением, особенно в США⁷³.

При встречах с представителями сибирского еврейства Колчак неоднократно заявлял, что “не мыслит иного отношения к населению кроме как одинакового ко всем национальностям”⁷⁴. Еще более категоричен он был при встречах с представителями зарубежного еврейства. Так, во время беседы с уполномоченным американской еврейской благотворительной организации “Джойнт” Ф. Розенблатом Правитель заявил следующее: “Я хочу Вас уверить, что в Сибири не было антисемитизма или того, что принято называть еврейским вопросом. Сибирские евреи, которые живут здесь много лет, считались равноправными членами нашего общества. Антисемитизм занесен в Сибирь беженцами из России во время войны с Германией, когда Сибирь наводнилась теми, кто ненавидел у себя на родине евреев. Но к сибирякам юдофобия не прививается, и их отношение к сибирскому еврейству осталось прежним”⁷⁵. В таком же духе высказывался и управляющий министерством иностранных дел Омского правительства И.И. Сукин, заявивший, что Верховный правитель, как и кабинет министров, “осознают необходимость запрещения всякого рода антисемитской агитации, ибо последняя не только опасна для благополучия еврейского народа, но и для возрождающегося государства”⁷⁶.

Несомненно, в этих заявлениях – дань собеседнику и той организации, которую он представлял. Но вместе с тем они во многом определяли взаимоотношения власти с еврейскими общинами. Именно характер этих взаимоотношений позволил еврейским общинам Сибири провести единственный за свою историю съезд. Он состоялся в январе 1919 г. в Иркутске. Инициатором съезда съезда выступила община Томска. Там же было создано оргбюро по его подготовке. Предполагалось, что на съезд прибудут представители всех общин. “от Челябинска до Владивостока”⁷⁷. Была определена норма представительства. Предполагалось, что общины, насчитывавшие от 20 до 100 семей, посылают 1 представителя, и свыше 250 – 3 представителей⁷⁸. Однако в силу изменившейся политической ситуации ни одна из общин Дальнего Востока, за исключением харбинской, не смогла направить на съезд своих представителей. Тем

не менее, информацию о работе съезда печатали дальневосточные газеты, а его решения были одобрены всеми местными еврейскими общинами. На съезд прибыли 47 делегатов, 30 из них были сионистами⁷⁹. Съезд рассмотрел широкий круг вопросов, касавшихся принципов, организационных форм, правового статуса и компетенции общин, источников финансирования и основных направлений их деятельности⁸⁰. Для координации работы был избран Исполнительный комитет Национального совета. В него вошли 5 человек: Новомейский, Помус, Равикович, Кадыш и Барбель. Шесть человек были избраны кандидатами в члены Исполкома, в том числе лидер харбинской еврейской общины А.И. Кауфман. Председателем Национального совета стал известный общественный деятель, представитель сионизма М.А. Новомейский.

На съезде развернулась острая борьба между сионистами и левыми, в результате которой верх одержали сионисты. Это нашло отражение как в характере принятых резолюций, так и в персональном составе избранных руководящих органов.

По решению съезда при общинных советах учреждались особые Палестинские комиссии, в задачи которых входило "регулирование еврейской эмиграции в Палестину, поддержка палестинских институтов социально-экономического и культурного характера и активное участие во всех областях национального палестинского строительства"⁸¹. Особое внимание, по мнению съезда, Палестинские комиссии должны были уделять Еврейскому национальному фонду, целью которого являлся "выкуп земли и предоставление ее в собственность всего народа", а также Пионерскому фонду и группам "Гехолуц", ставившим "себе задачей переезд в Палестину для укреплении там позиций еврейского труда"⁸².

В связи с периодически появляющимися антисемитскими публикациями в колчаковской прессе по постановлению съезда Верховному правителю была направлена телеграмма следующего содержания: "Съезд еврейских общин Сибири и Урала ознакомился с содержанием статей в органе штаба Верховного Главнокомандующего "Русский воин", бесплатно распространяемом

среди воинских частей, преследующих незамаскированную цель натравливания армии на евреев, изображаемых виновниками всех несчастий, выпавших на долю России. Съезд усматривает в этом ... неприкрытый призыв к погромам. Понимая все роковое значение этой пропаганды для еврейского населения, съезд постановил выразить протест против такой работы печатного органа штаба и обратить внимание Верховного Главнокомандующего на эту травлю одной части населения на другую. Съезд питает уверенность, что Верховный Главнокомандующий примет меры к прекращению этого похода против евреев и привлечет виновных к законной ответственности”⁸³.

После завершения съезда вся текущая работа осуществлялась Исполнительным бюро Национального совета. В марте 1919 г. им было принято решение о том, что “все дальневосточные общины должны обращаться не непосредственно в Национальный совет, а к А.И. Кауфману”, который назначался уполномоченным Национального совета на Дальнем Востоке⁸⁴. Таким образом, вся координирующая работа в регионе переносилась в Харбин. Географически это приблизило руководящий центр к местным общинам, но на практике тесная связь между ними так и не была установлена в силу сложности политической ситуации на российском Дальнем Востоке. Исключение составила, пожалуй, община Владивостока, объективно находившаяся в более благоприятных условиях.

Исполнительное бюро Национального совета просуществовало до марта 1920 г. Реально оно мало что успело сделать. Связь с местными общинами была слабой из-за гражданской войны. Так, когда в ноябре 1919 г. кандидат в члены Исполнительного бюро Н.С. Ермано-вич был командирован на восток для изучения обстановки, ему удалось посетить только Читу⁸⁵.

Значительное внимание Бюро уделяло борьбе с антисемитизмом, мобилизуя общественное мнение на борьбу с ним⁸⁶. Много усилий было направлено на организацию помощи беженцам. Эта работа осуществлялась совместно со специально делегированным на Дальний Восток Роккинг представителем “Джойнта” Ф. Розенблатом, по-

скольку в условиях разрухи и гражданской войны связь с республикой через ее западные границы была чрезвычайно затруднена⁸⁷. В ноябре 1919 г. Ф. Розенблат встретился с представителями Национального комитета для обсуждения вопросов оказания помощи жертвам гражданской войны. Были определены число нуждающихся в помощи и размер выделяемых сумм: Чита – 200 чел. – 30 тыс. руб.; Мариинск – 15 чел. – 3 тыс. руб.; Сретенск – 80 чел. – 15 тыс. руб.; Благовещенск – 50 чел. – 10 тыс. руб.

Выделение помощи представитель “Джойнта” оговорил одним условием: точно такие же суммы должны быть выделены для этой цели самими общинами⁸⁸. Неизвестно, были ли реально эти деньги направлены в конкретные города, т.к. сообщение с ними в этот период представляло огромную сложность. Сомнительно также, что указанные общины располагали необходимыми средствами для выполнения поставленного условия. К тому же вскоре ситуация в Сибири осложнилась, что чрезвычайно затруднило деятельность Национального комитета. Последний его протокол датируется 7 марта 1920 г.⁸⁹ Вскоре в связи с падением колчаковского режима и установлением советской власти в Сибири деятельность Исполнительного бюро, располагавшегося в Иркутске, была окончательно прекращена. Значительная часть его членов переехала на Дальний Восток, а впоследствии – в Харбин, куда и сместился в эти годы центр еврейской жизни региона.

II. Взаимоотношения еврейского населения и властных структур в условиях гражданской войны на Дальнем Востоке

В отличие от Сибири на территории собственно Дальнего Востока политическая ситуация с началом гражданской войны характеризовалась большей запутанностью. В 1918-1919 гг. типичным явлением в “белом лагере” стала т.н. атаманина, под которой понимался сепаратизм, сопровождавшийся произволом и диким террором⁹⁰. В Забайкалье действовал атаман Г.М. Семенов, в Амурской области – И.М. Гамов, на

территории Приморья — И.П. Калмыков. Они не желали подчиняться Верховному Правителю Колчаку и открыто опирались на японцев. Дальневосточные атаманы стремились создать в регионе прояпонский протекторат, где бы они были “полными” хозяевами. Это был своеобразный симбиоз казачьего и регионального сепаратизма.

Жертвами чужимого атаманами террора были и евреи, но их антисемитизм не выливался в еврейские погромы, хотя случаи действий, направленных исключительно против евреев, имели место, особенно среди калмыковцев⁹¹. Не скрывали своего антисемитизма и белые генералы.

Тем не менее, на Дальнем Востоке, несмотря на все перипетии, еврейские общины продолжали функционировать. Степень их активности определялась численностью, наличием инициативных лидеров, финансовым статусом и общей ситуацией в месте их пребывания. Весьма активны в этот период были общины Благовещенска, Владивостока и Читы. Они занимались разнообразной деятельностью и играли определенную роль в политической жизни своих городов. В условиях калмыковского режима нелегко пришлось еврейской общине Хабаровска: сократилась ее численность, многие ее авторитетные члены и лидеры выехали в Харбин. Но и она продолжала действовать, обслуживая, главным образом, религиозные нужды евреев города⁹².

В 1919 г. всему миру стало известно о страшных еврейских погромах, прокатившихся по территории Польши и Украины, учиненных бандами Петлюры, Махно, Григорьева и др. Они сопровождались колоссальными жертвами, вызвали мощную волну беженцев. Так, по свидетельству Я. Клебанова, “осенью 1919 г. в одном только Киеве было около 165 тыс. евреев, пострадавших от погромов, не имевших пристанища, валявшихся на улице без одежды и голодных. В таких условиях явилась эпидемия сыпного тифа, которая унесла втрое больше жертв, чем погромы”⁹³.

На Дальнем Востоке об этих событиях сообщали все местные газеты. В частности, хабаровская газета “Амурская жизнь”, откликаясь на них, поместила ста-

гию, озаглавленную "Слово о гнусности". Ее автор писал: "За двухлетний период русских кошмаров мы как-то пообтресались, попривыкли ко всевозможным эксцессам, к разнообразию русского "творчества" в области разрушения, насилия над личностью и грубейших кровавых "развлечений" то одной, то иной группы темнейших элементов многослойного русского населения. Но есть вещи, к которым нельзя привыкнуть. Есть моменты народной жизни, за которые придется отвечать в будущем не только перед своим внутренним судилищем, но и перед судом мировой совести, мировой справедливости. За эти эксцессы, за эти моменты уже теперь, еще до мирового ответа каждый из нас, кто не потерял понятие о человечности, с болью ощущает мучительный стыд... Я говорю о еврейских погромах"⁹⁴. Следует отметить, что такая реакция была достаточно характерна для абсолютного большинства изданий региона.

Известия о погромах больно отозвались среди евреев ~~Дальнего Востока. Во всех без исключения общинах~~ прошли акции протеста. Наибольший масштаб они приняли во Владивостоке. 3 февраля 1919 г. в здании владивостокской синагоги состоялось заседание объединенной комиссии еврейских общественных организаций города. Отложив на время политические разногласия, на нем присутствовали представители сионистов, партии "Поалей-Цион", союза еврейской молодежи, лиги помощи беженцам и совета еврейской общины. Был рассмотрен вопрос о выработке форм протеста "против кровавых ужасов и насилия над беззащитным еврейским населением". Объединенная комиссия, как сообщала «Далекая окраина», выработала следующие меры: 1) протестовать в печати против происходящих ужасов, причем протест не должен ограничиваться одним Владивостоком, но должен проникнуть в прессу Западной Европы и Америки; 2) назначить день траура по убитым во время погромов евреям; владельцам магазинов и контор во Владивостоке закрыть таковые в этот день. Утро этого дня посвящается панихиде по убитым и вечером устраивается митинг протеста с участием в нем нееврейских общественных организаций; 3) по-

слать телеграмму Еврейскому Национальному совету, заседающему в Иркутске, с предложением организации дня траура по городам Сибири; 4) выпустить в день траура газету-однодневку⁹⁵.

Вскоре во Владивостоке прошел многочисленный митинг с участием представителей местных общественных и политических организаций. Помимо еврейских организаций, резолюцию протеста против погромов подписали также: Владивостокское городское самоуправление, Приморская областная земская управа, Владивостокский биржевой комитет и биржевое общество, РСДРП, партия народной свободы, партия социалистов-революционеров, Центральное бюро профессиональных организаций, редакции газет "Голос Приморья" и "Далеская окраина", а также владивостокское корейское общество⁹⁶. О своем осуждении еврейских погромов на территории Польши заявили также Польский национальный комитет Владивостока и Польская военно-политическая миссия⁹⁷.

11 мая было объявлено днем траура по жертвам погромов в Галиции и Польше Советом еврейской общины Благовещенска. В своем выступлении на митинге протеста председатель общинного Совета И.М. Хомер заявил: "Мы должны громко требовать, чтобы ужасы Львова были последними, чтобы тот народ, среди которого живут другие малые народности, дал бы полную гарантию безопасности для жизни всем национальностям, населяющим его территорию"⁹⁸.

К сожалению, ужасы Львова не стали последними. Позднее стало известно о страшных еврейских погромах, учиненных различного рода бандами, а также белогвардейцами на территории Украины и юга России. На помощь жертвам гражданской войны и погромов в России пришли зарубежные еврейские благотворительные организации. В связи с военными действиями на юге страны, значительная часть помощи осуществлялась через владивостокский порт. Через него проходил также транзит российских еврейских эмигрантов в Соединенные Штаты Америки и другие страны. Дальний Восток оказался одним из ведущих центров помощи российским еврейским беженцам.

как отмечалось выше, в связи с падением Иркутска во Владивосток было переведено бюро американской благотворительной организации “Джойнт”. Кроме российских еврейских беженцев и эмигрантов, объектом его заботы были также еврей-военнопленные австро-венгерской армии, содержащиеся в лагерях Приморья и Приамурья⁹⁹. Для оказания помощи всем нуждающимся “Джойнтом” было отправлено во Владивосток 10 вагонов теплой одежды, продовольственные посылки и 50 тыс. американских долларов¹⁰⁰. Деятельность “Джойнта” на Дальнем Востоке продолжалась в общей сложности около 3,5 лет.

В марте 1919 г. во Владивосток прибыл, как писали газеты, “представитель американских евреев” Мейсон. При его поддержке в городе в районе Первой речки был осуществлен ремонт общежития для беженцев, на который было ассигновано 15000 руб. Газета “Забайкальская новь” в марте 1919 г. сообщала, что “Мейсон получил из Америки около 1000 пудов разного платья и обуви, часть этих вещей распределена во Владивостоке между беженцами, а остальное будет отправлено в Иркутск, Омск и другие города Сибири”¹⁰¹. Работа представителей американских благотворительных организаций осуществлялась в тесном взаимодействии с владивостокской еврейской общиной¹⁰².

В связи с приближавшимся крахом Белого режима в Сибири в январе 1920 г. А.В. Колчак передал Г.М. Семенову всю полноту власти в Сибири и на Дальнем Востоке. Атаман сформировал правительство Российской Восточной окраины с центром в Чите. Режим Семенова опирался на поддержку Японии. Он вобрал в себя, кроме местных крестьян и казаков, остатки колчаковских войск. Морально-психологический дух армии был невысок. Помимо, а иногда и под видом борьбы с большевизмом семеновцы промышляли грабежами и насилием среди мирного населения, в том числе еврейского. Среди населения Забайкальской области распространялись антибольшевистские листовки, имевшие антнееврейский характер. Так, например, одна из них заканчивалась следующим незатейливым призывом:

Так вставайте же,
Кто русским считается,
Все, кто любит казачество славное,
Кто с сынами Иуды не знается,
Кто за веру стоит православную¹⁰³.

А в другой листовке, датированной 4 февраля 1920 г. и озаглавленной “Председателю жидовского кагала”, сообщалось об убийстве нескольких евреев в одном из поселков области. При этом двоих из них заставили съесть 18 аршин кумача, пока не наступила смерть¹⁰⁴.

Но сам атаман стремился создать своему режиму пристойную репутацию и в своих официальных заявлениях декларировал приверженность демократическим принципам. Так, в марте 1920 г. газета “Восточная окраина” опубликовала его заявление, в котором сообщалось о намерении “преподать указания всем органам власти не вмешиваться в осуществление функций органов городского и земского самоуправлений, казачьих и национальных самоуправлений, предоставленных им законоположениями, до сего времени изданными, в твердой уверенности, что эти органы не встанут на путь активной борьбы с государственной властью”¹⁰⁵.

И действительно, на всей территории Забайкалья действовали национальные, в том числе еврейские общины. Никаких заявлений, в которых бы евреи обвинялись во всех российских бедах, атаман себе не позволял. Более того, есть данные о существовании “еврейской роты” 2-го Маньчжурского стрелкового полка, состоявшей из 225 человек¹⁰⁶. Известно также, что осенью 1919 г. Г. Семенов получил от одного из наследников известного дальневосточного промышленника Л.Ш. Скидельского С.Л. Скидельского чек на 100 тыс. руб. для приобретения теплой одежды для казаков. В ответ атаман направил благодарственное письмо следующего содержания: “Милостивейший государь, Соломон Леонтьевич, извещая, что Ваше щедрое и доброхотное пожертвование на 100 тыс. руб. на теплую одежду доблестным казакам мною получено и направлено по назначению, считаю своим приятным долгом отметить Ваш истинно гражданский и чисто патриотический поступок, особенно ценный в настоя-

нее время, когда государство переживает тяжелые финансовые затруднения. Пусть этот Ваш благородный порыв помощи армии послужит добрым примером для других граждан и выведет их из преступной индифферентности и пассивности к несчастьям, переживаемым дорогой Родиной. Прошу принять от меня и армии сердечную благодарность и уверения в совершеннейшем почтении”¹⁰⁸.

Трудно составить достоверное представление о воззрениях Г. Семенова по “еврейскому вопросу”¹⁰⁸, но абсолютно достоверно известно о патологическом антисемитизме одного из его подчиненных — начальника Азиатской конной дивизии барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга, которому в своих воспоминаниях, изданных уже в эмиграции, Семенов посвятил немало теплых слов¹⁰⁹. Барон был одержим идеей очистить Россию от коммунистов и евреев и был уверен, что ее возрождение начнется с Востока, точнее, с Азии, являющейся, по его убеждениям, средоточием вселенской мудрости и света. Свои идеи он проводил в жизнь с фанатической настойчивостью и отличался редкой жестокостью. Заняв Ургу, барон Унгерн издал приказ “комиссаров и евреев уничтожать вместе с семьями. Все имущество их конфисковать”. При этом подчеркивалось, что “мера наказания может быть лишь одна — смертная казнь разных степеней”¹¹⁰. В течение трех дней город был отдан на разграбление, и первыми его жертвами стали евреи, а также китайцы. Все немногочисленное еврейское население Урги, включая женщин и детей, было истреблено, причем с жестокими пытками и издевательствами. В числе погибших были и оказавшиеся в городе по различным делам приезжие. Так был убит руководитель сионистской организации г. Красноярска Е.Г. Марксон¹¹¹. “Кровавая потеха “сумасшедшего барона” и его кровожадных палачей, их издевательства над муками — достойны ужасов средневековья”, — писала газета “Дальневосточный телеграф” об ургинском кошмаре¹¹².

После разгрома Унгерна Красной Армией над ним в Новониколаевске (Новосибирске) в 1921 г. состоялся суд, приговоривший его к смертной казни. В обвинительном заключении особой строкой были выделены

Общественным обвинителем на процессе был видный деятель РКП(б) Е. Ярославский¹¹⁴.

С трагедией Урги в иные сопоставимы события, имевшие место в Николаевске-на-Амуре весной 1920 г. Но там главными действующими лицами были представители другой противоборствующей стороны.

В феврале 1920 г. в город, занятый японцами, вступили партизаны. С находившимся там японским гарнизоном было заключено мирное соглашение. Однако в ночь с 11 на 12 марта произошло столкновение, в результате которого практически все японцы, находившиеся в Николаевске-на-Амуре, включая мирное население, проживавшее там, были убиты. Всего погибло около 700 чел.¹¹⁵. Япония использовала “николаевский инцидент” для развертывания широкомасштабной интервенции, захвата Северного Сахалина и Нижнего Амура. Когда стало очевидным, что город партизанам не удержать, на заседании революционного штаба по предложению командующего Красной Армией Николаевского округа анархиста-максималиста Я. Тряпицина и начальника штаба эсерки-максималистки Н. Лебедевой было принято решение эвакуировать население, а сам город сжечь. Причем эвакуации не подлежали «контрреволюционные элементы», их необходимо было уничтожить¹¹⁶. Все они были разделены на 5 категорий по степени опасности: в первую категорию были включены евреи и их семьи, во вторую – жены и дети офицеров и военнослужащих и т.д.¹¹⁷. В 20-х числах мая в городе началась кровавая вакханалия, продолжавшаяся 10 дней. В ходе нее было убито около двух с половиной тысяч человек¹¹⁸.

Сколько из них было евреев, неизвестно, но, как явствует из материалов суда, состоявшегося над Тряпициным и его подручными, “членов еврейского общества ...на пароходе отвозили на Амур и топили больших и маленьких”¹¹⁹. Многочисленные свидетельства об уничтожении евреев привел в своей книге “Гибель Николаевска-на-Амуре”, изданной в Берлине в 1924 г., А. Гутман, принимавший участие в расследовании этих собы-

тий. Предваряя приводимые в книге показания свидетелей, он пишет: "Автор обращает особое внимание на показания пострадавших евреев и евреек, опровергающие столь распространенную легенду, что советский кровавый режим щадит евреев и страхует их от погромов"¹³⁰.

Здесь следует отметить, что деятельность Тряпицина на посту командующего Красной Армией Николаевского округа шла вразрез с политикой большевиков, как в отношении Японии, так и в отношении "буфера" на Дальнем Востоке. Известно, что НКВД РСФСР выразил официальное сожаление по поводу "николаевского инцидента". В вынесенном впоследствии приговоре в вину Тряпицину ставилось "отклонение от направления политики Советской власти", выразившееся, в том числе, в терроре против мирных граждан, включая женщин и детей.

Еврейское население Николаевска на-Амуре явилось жертвой скорее "классового подхода" Тряпицина и его сподвижников, т.к. именно евреи являлись самыми крупными в городе рыбопромышленниками, играли немаловажную роль в золотодобыче. И, если евреи Урги были уничтожены по приказу Унгерна, ставившего их по степени опасности для страны в один ряд с большевистскими комиссарами, то евреи Николаевска на-Амуре пострадали как "контрреволюционеры". И в том, и в другом случае уничтожение еврейского населения носило тотальный характер: не жалели ни женщин, ни стариков, ни детей.

И тем не менее, имевшие место в красном партизанском движении факты подобного рода были не правилом, а скорее исключением. Чаще всего они объяснялись царившей там анархией. В эти годы советская власть и большевики выступали еще как последовательные противники любых проявлений антисемитизма, правда, борясь против него исключительно с классовых позиций.

Весной 1920 г. на Дальнем Востоке по инициативе большевиков было создано уникальное государственное образование - Дальневосточная Республика. Она была официально провозглашена 6 апреля 1920 г. на

съезде трудящихся Прибайкалья в Верхнеудинске (Улан-Удэ). Это был т.н. "буфер", созданный в условиях чрезвычайной сложности военно-политической обстановки в регионе с целью избежать войны с Японией. В ДВР существовали демократические институты, смешанная экономика и несоветская форма правления¹²¹. Ни для кого не была секретом руководящая роль Коммунистической партии в буфере: В Декларации о создании Временного правительства, принятой 6 апреля 1920 г., в состав последнего приглашались представители всех партий и национальностей, проживавших на данной территории¹²². В ДВР включались земли от озера Байкал до Тихого океана; в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей, Сахалина, Камчатки и полосы отчуждения КВЖД. Однако фактически власть правительства ДВР не распространялась на территории северного Сахалина (в состав которого входили и районы Нижнего Амура), Камчатки и КВЖД. Кроме того, на территории Забайкалья с центром в Чите находилась т.н. "читинская пробка", где правил атаман Семёнов.

В феврале 1921 г. состоялось Учредительное собрание, принявшее Конституцию ДВР. В ней провозглашалась автономия для всех малых народностей, населявших республику, в том числе евреев. В соответствии с § 4 Конституции национальным языком еврейского народа был признан идиш¹²³. Это было сделано под давлением депутатов от Бунда и "Поалей-Цион", считавших борьбу за язык классовой по своему характеру, а идиш, в отличие от иврита, "языком трудящихся масс". Так, в брошюре "Борьба за "идиш" на Дальнем Востоке", изданной Харбинским отделением Сибирской лиги еврейской культуры "Цукунфт" и представленной в виде докладной записки Национальному собранию Дальнего Востока и министерству по национальным делам ДВР, в этой связи отмечалось: "С признанием идиш и осуществлением культурно-национальной автономии на началах, установленных Учредительным собранием, неизбежно должен будет наступить конец бесконтрольному господству сионистско-клерикального блока в культурно-общественной жизни дальневосточного еврейства"¹²⁴.

Признание Конституцией ДВР идиша единственным национальным языком еврейского народа вызвало протест сионистских организаций. Как отмечалось в постановлении Совета благовещенской общины, «насильное навязывание определенного языка еврейскому народу на территории ДВР есть ничто иное, как грубое нарушение принципов национальной автономии, торжественно декларированной самим же Учредительным собранием»¹²⁵. В протесте Совета Читинской общины содержалось требование «предоставления окончательного решения этого вопроса самому еврейскому народу в лице его общины и общинных Советов Дальнего Востока»¹²⁶. Тем не менее, решения Учредительного собрания еврейскими общинами республики были встречены с энтузиазмом. Читинское сионистское Информационное бюро сообщало в Исполком всемирной сионистской организации в этой связи: «Могучие волны народных движений, смывших черное пятно семеновщины и унгерновщины, заливших медвежьи уголки нашего края и еврейской кровью, создавшие в конечном счете Дальневосточную республику, совершенно неожиданно развернули перед нами ряд широких политических благоприятных перспектив, дающих объективные возможности народной работы»¹²⁷.

Создание на Дальнем Востоке независимой республики было дипломатическим ходом большевиков и изначально задумывалось ими как временное образование, поэтому правительство в большей степени было озабочено внешними проблемами, нежели внутренними. Об этом прямо заявил, закрывая Учредительное собрание, председатель правительства ДВР А.М. Краснощеков¹²⁸: «Мы с тоской и болью смотрим на запад, на Советскую Россию. Но в угоду иностранному положению мы должны создать буферное государство...»¹²⁹. Вот почему многие созданные им институты в значительной степени носили декоративный характер. Это относится и к Министерству по национальным делам, учрежденному 29 апреля 1921 г.¹³⁰. Его возглавил К.Я. Лукс, латыш по национальности, член партии социал-демократов-интернационалистов. По собственному признанию Лукса, на этой должности ему «пришлось пробавлять-

ся работой по умиротворению распреев русских крестьян с бурятами и заниматься разговорами с украинскими "радами" и еврейскими общинными советами"¹³². Но вскоре и к ней он утратил интерес. В своих воспоминаниях, написанных в 1924-1925 гг., Лукс признавался:

«С министерской работы я ушел формально только в начале 1922 г., но уже с августа 1921 г. я больше числился, чем работал по министерству»¹³³.

Однако на первых порах министр подошел к делу серьезно. Было решено провести учредительные съезды представителей каждой национальности для организации национальных союзов, а затем – Совета национальностей при Министерстве по национальным делам¹³⁴. К. Я. Лукс установил связи со всеми национальными общинами, в том числе с еврейскими. Архив сохранил его письмо в адрес Президиума правления Читинской еврейской общины: «Приступая к организации Министерства по национальным делам, считаю необходимым завязать постоянные связи с существующими национальными организациями и ознакомиться с их деятельностью... Предполагаю в ближайшем будущем созвать совещание представителей всех читинских национальных организаций по вопросам, связанным с будущей работой Миннаца»¹³⁵. В письме содержалась просьба «взять на себя инициативу по созыву совещания из представителей всех еврейских организаций г. Читы, культурных и национальных»¹³⁶.

Еврейскую общественность республики министр заверил, что «в своей работе будет опираться не на те или иные партии и группы, а исключительно на большинство еврейского населения»¹³⁷.

Вскоре за подписью К. Лукса было опубликовано обращение «Всем гражданам нерусской национальности ДВР». В нем сообщалось о провозглашенном Учредительным собранием праве всех народностей ДВР «на самостоятельную культурно-национальную жизнь». При этом подчеркивалось, что «лица нерусской национальности (за исключением бурят), живущие компактными массами в городах и селениях, например, украинцы и евреи, не должны требовать выделения их в хозяйственно-административном отношении... т.к. Учреди-

тельным собранием предоставлено каждой национальности право культурно-национального самоуправления, а не территориального"¹³⁷. В обращении содержалось предложение всем национальным группам представить о себе в министерство полную информацию.

Примечательно, что, несмотря на малочисленность еврейского населения республики, при Министерстве по национальным делам был образован еврейский отдел. Его возглавил член партии "Поалей-Цион" Л.Г. Мелицев¹³⁸, а товарищем министра стал А.Я. Горнштейн, игравший еще до революции видную роль в еврейской жизни Иркутска. Особое внимание к "еврейскому вопросу" в ДВР объясняется скорее всего его постановкой в эти годы в Советской России.

Определенное беспокойство руководства республики вызывали также факты антисемитизма в регионе. Его проявления отмечались не только среди гражданского населения, но и в партизанском движении. Так, в сводках освещендела Дальбюро ЦК РКП (б) сообщалось о "сильной нетерпимости к евреям среди партизан Амурской области, особенно в отрядах Шевченко"¹³⁹. Здесь же приводится факт, когда член облбюро РКП (б) Никитенко по пути из Владивостока в Анучино был убит. "Есть предположение, – отмечалось в сводке, – что т. Никитенко стал жертвой недоразумения: партизаны Шевченко посчитали его за еврея и убили"¹⁴⁰.

В связи с распространением антисемитизма группа членов Учредительного собрания сделала специальное заявление о погромной антисемитской агитации в пределах республики, после чего было принято специальное обращение Учредительного собрания "ко всем рабочим, крестьянам, народоармейцам и вообще ко всем гражданам республики не верить гнусным клеветническим измышлениям погромщиков". Было также заявлено, что "все попытки погромщиков, натравливающих один народ на другой, будут подавляться"¹⁴¹.

В качестве одной из первоочередных задач еврейский отдел Министерства по национальным делам поставил подготовку еврейского съезда ДВР. Областной комитет партии "Поалей-Цион" разработал проект положения о местных органах еврейского национального самоуп-

равления и направил его в общины для обсуждения. В нем определялось, что "еврейские общинные самоуправления в пределах своей компетенции действуют самостоятельно, подчиняясь лишь контролю Министерства по национальным делам и руководству высших органов еврейской национальной автономии, и имеют право, при условии нес нарушения основного и общих законов республики, издавать постановления, имеющие обязательную силу для всех членов общины, наравне с государственными и местными законами и постановлениями"¹⁴². С учетом малочисленности еврейского населения республики устанавливались иные, чем для Центральной России, квоты для создания самоуправляющихся общин. Они могли быть образованы "в местах поселения, в которых проживает не менее 20 еврейских семейств или не менее 60 избирателей". Если эти показатели были меньше, то местное еврейское население должно было объединиться с ближайшей общиной¹⁴³. Очевидно, что в условиях Дальнего Востока, где населенные пункты расположены на неблизком друг от друга расстоянии, это было бы крайне неудобно.

Однако эта и все другие проблемы, связанные с содержанием и формами деятельности еврейских общин края, так и не стали предметом широкого обсуждения. Вскоре стало ясно, что в условиях разрухи на транспорте, отсутствия надежных средств связи, сложной военно-политической обстановки в регионе подготовить и созвать в ближайшем будущем съезд вряд ли удастся. В этой связи городской комитет сионистской организации г. Читы в июне 1921 г. выступил с предложением о проведении совещания всех еврейских общин ДВР и полосы отчуждения КВЖД. Оно должно было обсудить вопросы подготовки к съезду, создать временный представительный орган еврейского населения на Дальнем Востоке. На совещании была определена следующая норма представительства от общин: Чита, Харбин – по три представителя; Верхнеудинск, Маньчжурия, Владивосток – по два представителя; Сретенск, Нерчинск, Троицкосавск, Благовещенск, Хабаровск, Никольск-Уссурийский, Хайлар, Цицикар, Петровский завод и др. – по одному представителю; от краевых объедине-

ний политических партий, насчитывающих не менее 50 членов, — также по одному представителю¹⁴⁴. Городской комитет сионистской организации Читы считал, что подготовка такого совещания должен взять на себя Совет читинской еврейской общины, создав для этого организационное бюро с правом кооптации¹⁴⁵.

Однако и эта задача оказалась трудновыполнимой. Удалось провести лишь совещание еврейских общественных и политических организаций Читы. Оно было создано в сентябре 1921 г. еврейским отделом Миннаца с целью выяснения позиций еврейской общественности города по двум вопросам: о принципах и формах организации общины и о созыве еврейского съезда. Участники совещания, в числе которых были и сионисты, и члены партии “Поалей-Цион”, и бундовцы, единогласно приняли резолюцию, в которой, в частности, отмечалось:

— по вопросу об организации общины на местах “признать необходимость такой организации после того, как еврейский съезд разработает положение о местных органах национального самоуправления”;

— до созыва национального съезда необходимо решение следующих задач: “разработка положения о местных органах национального самоуправления, обсуждение вопроса об объеме автономии, о проведении в жизнь закона о местных органах национального самоуправления и решение “школьного вопроса”¹⁴⁶.

Совещание согласилось с постановлением Читинского общинного совета о создании организационного бюро по созыву съезда, а также постановило привлечь все еврейские общины и общественные организации к выяснению вопроса о количестве и составе еврейского населения республики¹⁴⁷.

Поскольку созыв Национального съезда откладывался, руководство ДВР приняло решение о признании законными всех фактически существовавших организаций национальных меньшинств в качестве органов национального самоуправления, в т.ч. еврейских общинных советов. Это решение вызвало резкое неприятие со стороны партий “Поалей-Цион” и Бунда, посчитавших его ошибочным ввиду выраженного “буржуазного” характера действовавших еврейских общин¹⁴⁸.

Как и следовало ожидать, слаженной работы представителей различных еврейских политических движений не получилось. Как и на общероссийском уровне, между ними шла острая борьба. Представители левых партий всячески культивировали классовую борьбу в еврейской общественной жизни, выступая против общинных советов, как "оплота буржуазии и клерикалов". На состоявшемся в декабре 1921 г. совещании в светделе Министерства по делам национальностей, вновь обсуждавшем вопросы подготовки к съезду, они выступили против предоставления представителям общинных советов права решающего голоса¹⁴⁹. Напрасно товарищ министра Горнштейн, ведший совещание, призывал забыть все партийные распри во имя национальных интересов и продолжить работу¹⁵⁰. Подготовка к съезду была сорвана. Огромный отпечаток накладывали, несомненно, и сложная военно-политическая обстановка в республике, а также перемены в позиции руководства ДВР, где в конце 1921 - начале 1922 гг. все большую роль стали играть коммунисты. Они взяли курс на разрыв коалиции с мелкобуржуазными партиями в Совете министров. Это отразилось и на деятельности Министерства по национальным делам, в котором руководящие посты заняли большевики. Меншевик К. Я. Лукс ушел в отставку, и его портфель перешел к члену ВКП (б) М. И. Амагосеву. Национальная политика ДВР все больше определялась Дальбюро ЦК РКП (б), исходившим, в свою очередь, из теории и практики национального строительства в Советской России.

Позиции Дальбюро в отношении еврейского населения республики в значительной степени формулировались созданным в декабре 1921 г. секретариатом евсекции. Как явствует из инструкции, в его задачи входило "общее руководство работой евсекций в ДВР, инструктирование партийных органов в отношении вопросов, возникающих в процессе работы по еврейской общественной жизни, широкая информация центральным парторганами, еврейским рабочим организациям в Америке и других странах о действительном положении в ДВР"¹⁵¹.

По отношению ко всем еврейским организациям евсекция Дальбюро РКП (б) заняла крайне непримирим-

мые позиции, находившиеся, как и в Советской России, левее общепартийной линии. Так, объявлялась "беспощадная борьба с еврейской реакцией, возглавляемой сионистской партией и ортодоксальными группировками"¹⁵². Относительно пролетарской партии "Поалей-Цион" тактика евсекции также исключала какие-либо компромиссы. Она исходила из необходимости "вскрыть перед трудовыми массами шовинистически-националистическую сущность, скрывающуюся под маской социализма и коммунизма... Не допускать никаких блоков с ними [членами "Поалей-Цион" -- В.Р.] в общественно-политических выступлениях. Считать, что такого рода блок вводит в заблуждение широкие трудящиеся массы относительно реакционной сущности "Поалей-Цион"¹⁵³. Однако следует отметить, что позиции евсекции в ДВР были весьма слабы. Судя по документам, она была представлена лишь секретариатом при Дальбюро в лице одного секретаря¹⁵⁴. Он занимался, главным образом, разработкой циркуляров, соответствовавших курсу Центрального бюро евсекций при ЦК РКП (б). Если и имела место практическая деятельность, то она ограничивалась лишь Читой.

Вместе с тем Конституция ДВР продолжала оставаться определенным гарантом целого ряда демократических свобод, в т.ч. в рассматриваемой области. Так, несмотря на усилия коммунистической фракции правительства республики свести на нет действие провозглашенного принципа культурно-национальной автономии¹⁵⁵, он оставался правовым основанием функционирования национальных общин.

Вплоть до ликвидации "буфера" на его территории легально действовали не только еврейские общины, но и еврейские партии различной ориентации. Наиболее активными зарекомендовали себя сионисты и члены партии "Поалей-Цион". Между ними шла постоянная борьба, и вместе с тем было нечто общее, их объединявшее – это программная установка о необходимости возвращения евреев в Палестину. И если сионисты подходили к этому вопросу с общедемократических позиций, то "Поалей-Цион" – с классово-пролетарских.

На Дальнем Востоке первые организации “Поалей-Цион” были созданы в Харбине и во Владивостоке вскоре после Февральской революции. Они довольно громко заявили о себе, организовав клубы имени Борохова, в которых проводили лекции и беседы, посвященные разъяснению программы партии, а также общим вопросам еврейской жизни¹⁵⁶. Вскоре были образованы отделения партии и в ряде других городов региона. Наиболее активной из них стала читинская организация. Она была нелегально создана в начале 1919 г. прибывшим с войсками в Забайкалье Л.Г. Мелицевым. После ликвидации семеновского режима партия была легализована¹⁵⁷. С созданием ДВР, а позднее – объявлением Читы ее столицей, местная организация взяла на себя роль регионального руководящего центра партии. На ее базе был образован областной комитет партии (в дальнейшем в документах он стал именоваться Дальневосточным бюро), включавший следующие отделы: организационно-инструкторский, палестинский и профессионально-экономический¹⁵⁸. Общеполитические задачи организации не отличались от большевистских. Интерес представляет формулировка задач в области “палестинской работы”: “1) Укрепление позиций еврейских рабочих Палестины, борьба за рабочий контроль, национализацию земли, недр и общих государственных предприятий, создание фондов на случай забастовок, безработицы, на издание прессы; 2) содействие строительству рабочих производственных и потребительских кооперативов, артелей и т.д.; 3) установление тесного сотрудничества с арабскими рабочими в борьбе политической и экономической против английских оккупантов и еврейской и арабской буржуазии; 4) производственное воспитание и образование лиц, предполагающих эмигрировать; 5) мобилизация части товарищей для Палестины и отправка их при помощи специально созданного эмиграционного фонда; 6) широкая политическая кампания на общей улице о сущности нашего палестинизма”¹⁵⁹. Наряду с популяризацией последнего партией ставилась также задача “выскрывать перед широкими еврейскими массами предательский и реакционный характер буржуазно-сионистской авантюры в Палестине”¹⁶⁰.

В качестве "практического" дела помощи социалистическому строительству в Палестине областным комитетом "Поалей-Цион" была запланирована закупка на Дальнем Востоке леса и переправка его на Ближний Восток. При этом подчеркивалось, что "всякая реальная связь с Палестиной во много раз больше объединяет рабочий класс и популяризирует идею создания социалистической Палестины, чем многолетняя и беззастанная пропаганда. Один факт закупки леса рабочими организациями для рабочих создаст в массах подъем, которого, к величайшему сожалению, нет"¹⁶¹. Харбинская организация при поддержке областного комитета начала подготовку к осуществлению этой затеи, но она, как нетрудно предположить, закончилась неудачей в силу абсолютной экономической несостоятельности.

Претензии читинской организации на роль руководящего партийного центра всего Дальнего Востока были явно завышенными. Тем не менее, на территории Забайкалья она пользовалась определенным влиянием. Очевидно, объясняется это тем, что значительная часть активистов сионистских организаций покидала область вместе с частями белых армий. Не исключено, что на первых порах существования ДВР партии "Поалей-Цион" оказывало определенную поддержку Дальбюро РКП (б), как "наименьшему злу" из всех существовавших еврейских политических движений. Именно этим, как кажется, можно объяснить тот факт, что еврейский отдел Миннаца республики возглавил на первых порах представитель партии "Поалей-Цион". Она же, в свою очередь, поддерживала коммунистов. Так, во время кампании по выборам в Народное собрание ДВР партия активно призывала голосовать за список блока профсоюзов и РКП¹⁶².

Благодаря этим обстоятельствам, партии удалось сыграть некоторую роль в жизни края и даже наладить, правда, ненадолго, выпуск партийного журнала "Наш путь".

Активно включившись в местную еврейскую жизнь, отделения партии стали играть в ней выраженную деструктивную роль. Вот что сообщалось, например, в одном из отчетов читинского отделения "Поалей-Цион":

“При выборах в местный общинный совет мы решили принять все меры, чтобы слабо дифференцированную местную общественность расколоть на два ярко выраженных лагеря, для чего мы с различными оговорками заключили блок с Бундом и выставили единый список”¹⁶³. Сионистский блок получил 15 мест, социалистический – 6. Сообщая об этих выборах, журнал “Сибирь-Палестина” отмечал: “Уже на первом торжественном заседании общинного совета выявился раскол. Вместо деловой работы начались распри”¹⁶⁴. Партия отказывалась от любой совместной работы с сионистами, заявляя, что “с ними, палестинскими “Держи-мордами”, ей не по пути”¹⁶⁵. Особенно острый характер конфронтация носила в харбинской общине, где позиции сионистов были весьма сильными. На выборах в общинный совет партия выступала отдельным списком и оттягивала на себя, таким образом, некоторое количество голосов. Так было, например, во время выборов в 1919 г., когда за “Поалей-Цион” проголосовало 357 человек¹⁶⁶.

Однако и союз с Бундом носил временный характер. Чингисские “поалей-сионисты” после выборов в городской общинный совет в 1921 г. докладывали в вышестоящую организацию: “В настоящее время здесь Бунда фактически уже нет; мы его, а отчасти он сам, свели его в могилу”¹⁶⁷. Главную задачу “организованного еврейского пролетариата ДВР” в органах национальной автономии “Поалей-Цион” видела в необходимости вскрыть реакционно-клерикальную сущность еврейской буржуазии и революционизировать еврейские трудовые элементы”¹⁶⁸.

Партия пыталась активно проводить агитационно-пропагандистскую работу. Члены областного бюро, насколько позволяла обстановка, выезжали в различные населенные пункты республики и пытались создавать местные отделения “Поалей-Цион”. Так, известно, что в 1921 г. член областкома Бонизер во время поездки в Перинск организовал там отделение партии, председателем которого был избран Израиль Миркин¹⁶⁹. В том же году была создана организация “Поалей-Цион” в Верхнеудинске, насчитывавшая 14 чел., главным образом молодежь в возрасте от 17 до 30 лет¹⁷⁰. Это ста-

до результатом работы, проведенной Шеншелевичем, командированным областком партии. Как явствует из отчета о его пребывании, "исполнив свой долг перед пролетариатом г. Верхнеудинска, т. Шеншелевич оставил город, сопутствуемый дружественными пожеланиями новых товарищей, вступивших на еврейскую революционную улицу"¹⁷¹.

Однако агитационно-пропагандистская работа "Поалей-Цион" наталкивалась на серьезные трудности. Еврейское население было малочисленным, неполигизированным, о партии ничего не знало и в лучшем случае отдавало предпочтение сионистам. Так, характеризуя настроения в еврейской общине Благовещенска, партийный журнал "Наш путь" сообщал в одной из корреспонденций: "Тенденция общинников сионистская. Еврейская молодежь ...являет собой яркий пример обывательщины. Прежде всего и хуже всего она боится большевизма"¹⁷². И такая ситуация была типичной. В Сретенске местные молодые активисты партии устроили "суд" над еврейской молодежью города. Во время суда, состоявшегося в помещении театра, "местной еврейской молодежи было предъявлено обвинение в близости ее к потере трудовой психологии, нежелании отряхнуться от пошлой обстановки повседневной жизни, в отходе от всякой общественно-политической работы". Как подчеркивалось в обвинительном заключении, "при данных событиях мировой социальной революции это только играет на руку контрреволюции"¹⁷³. А в сообщении из Петровского Завода, помещенном в журнале "Наш путь" в марте 1921 г., отмечалось, что еврейская община "совершенно не проявляет никаких признаков общественной жизни, все так погрязли в своих повседневных делах и делишках, что всякие интересы, выходящие за пределы их деятельности "по налаживанию отечественной промышленности" им недоступны"¹⁷⁴.

Отсутствие отклика на деятельность "Поалей-Цион" среди местного еврейства, в том числе молодежи, обуславливалось не только его общим равнодушием к вопросам общественной жизни. Попытка партии соединить большевизм с сионизмом объективно лишала ее социальной базы. Та часть населения, которая симпатизировала левым идеям, примыкала либо к коммуни-

гам, либо к Бунду. Люди, мечтавшие о возрождении еврейского государства в Палестине и готовые принять в этом участие, шли за сионистами. Этим объясняется изначальная политическая обреченность партии, тем более в условиях Дальнего Востока, как отмечалось, весьма неблагоприятных для распространения крайне левых взглядов среди местного еврейства.

На осень 1921 г. областным бюро "Поалей-Цион" был намечен созыв дальневосточной партийной конференции, на которой предполагалось рассмотреть следующие вопросы: 1) политический момент; 2) проблема эмиграции в Палестину; 3) всемирное еврейское движение; 4) работа с молодежью; 5) еврейское национальное самоуправление в ДВР¹⁷⁵. Были разосланы приглашения всем местным организациям, но конференция так и не состоялась. Как явствует из письма Облбюро в ЦК "Поалей-Цион", "к назначенному времени никто не приехал"¹⁷⁶. Его авторы объясняли это транспортными и финансовыми проблемами. К примеру, дорога из Харбина в Читу занимала 3-4 недели и стоила 100 руб. юпюгом¹⁷⁷. К этому следует добавить, что она была сопряжена и с риском для жизни. Однако причины срыва конференции лежали гораздо глубже. Закипевшая было работа к концу 1921 г. стала угасать. Даже крупнейшая из всех существовавших местных организаций – харбинская (она насчитывала 30 человек) – была "слабо дисциплинирована, мало информирована". К этому выводу пришел посетивший в октябре 1921 г Харбин член областного бюро партии Фортус¹⁷⁸. Считавшаяся влиятельной организация Владивостока также не проявляла должной активности и не отвечала на письма из Читы. "Создается, - писал в этой связи в одном из писем Меяшцев, - крайне нелегкое положение: сидят во Владивостоке старые поалей-ционисты и ничем не проявляют своего интереса ко всему поалей-ционистскому движению"¹⁷⁹.

Понимая общей сложной обстановки, сложившейся в регионе, отсутствия у партии реальной социальной базы, снижение ее и без того незначительного политического влияния объясняется также изменением отношения к ней со стороны РКП (б). Отсутствие устойчи-

вых связей с Центром обусловило то обстоятельство, что все организационные изменения, происходившие с партией, не коснулись ее дальневосточного отделения. Оно оставалось единым и носило название ЕСДРП (Поалей-Цион)⁸⁰. Между тем постановлением СНК от 28 октября 1921 г. эта партия была признана частной организацией со всеми вытекающими из этого статуса последствиями. Судьба партии, выступавшей рупором большевизма среди евреев, таким образом, была предопределена.

Очевидно, последней политической кампанией “Поалей-Цион” на Дальнем Востоке стало участие в 1922 г. в оказании помощи жертвам еврейских погромов в Советской России и на Украине, а также голодающим. Эта общая боль за судьбу своих собратьев объединила на время представителей различных, подчас враждебных еврейских политических партий и движений Дальнего Востока. “Вопрос о помощи погромленным, - отмечалось в решении Читинской общинной управы, - pesлыханные бедствия сирот-жертв погромов всколыхнули еврейских трудящихся, еврейскую общественность на Дальнем Востоке, где за последнее время замечается усиленная работа по организации дела помощи, устройства сборов и т.д. Как в пределах ДВР, так и в еврейских колониях пограничного с нами Китая возникают комитеты помощи, объединяющие в своем составе все местные еврейские политические и общественные организации и связанные с широкими слоями населения”⁸¹.

Об оказании помощи жертвам погромов и голодающим просили еврейские организации власти как Советской России, так и ДВР. На Дальнем Востоке было создано региональное отделение Всероссийского комитета помощи голодающим. Его возглавил министр по национальным делам К. Лукс. Он обратился к еврейским общинам всего Дальнего Востока и полосы отчуждения КВЖД с призывом оказать всяческую поддержку делу помощи голодающим. Во всех общинах прошли собрания с участием всех политических сил, обсуждавшие вопросы организации такой помощи. В крупных городах были созданы специальные комиссии. В частности, дей-

существовала такая комиссия во Владивостоке. Она организовала прием посылок в Советскую Россию как для сирот-жертв погромов, так и для голодающих¹⁸². В Благовещенске еврейский общинный совет организовал потерю в помощь голодающим, в ходе которой было собрано 1 тыс. руб. золотом и на 300 руб. золотых вещей¹⁸³. Но наиболее значительную работу в этом направлении проделала еврейская община Харбина, а ее председатель А.И. Кауфман возглавил общегородской общественный комитет помощи голодающим, в состав которого вошли представители всех местных общественных организаций, независимо от партийной и национальной принадлежности¹⁸⁴.

И все-таки главной заботой еврейской общественности стала помощь детям, чьи родители погибли во время еврейских погромов в годы гражданской войны. На территории ДВР организацию этой деятельности взял на себя созданный еврейским отделом Миннаца Центральный еврейский комитет помощи сиротам-жертвам погромов. В апреле 1922 г. он обратился в отдел национальных меньшинств НКВД Украины с предложением помощи и просьбой указать конкретных ее адресатов. Однако в полученном ответе сообщалось, что это ведомство “принципиально возражает против организаций каких-либо национальных комитетов помощи, исходя из того, что помощь должна быть оказываемая всем, кто в ней нуждается без различия национальных признаков и считает желательным, чтобы все средства, собранные и собираемые за границей, были переданы ЦК ПОМГОЛ или другим заграничным организациям помощи, которые работают в пределах УССР на договорных началах”¹⁸⁵. В письме содержалась приписка: “Если же Вы по тем или другим соображениям не желаете отдать свои средства на общую помощь и требуете, чтобы Ваша помощь была оказана только еврейским детям, отдел нацменьшинств НКВД может согласиться только в том случае, если эта помощь будет проводиться через уже существующий Еврейский общественный комитет помощи”¹⁸⁶. В этом ответе не было главного – конкретных данных об объемах и адресатах помощи. Это заставило еврейский отдел Министерства по наци-

ональным делам ДВР в мае 1922 г. обратиться уже в своддел Миннаца РСФСР с просьбой “срочно уведомить и детально сообщить о количестве евреев-жертв погромов, учиненных контрреволюционными войсками в 1918-1921 гг. на Украине и Белоруссии, какие группы еврейского населения преимущественно пострадали, в каких районах главным образом сгруппированы погромленные, какие организации ведают делом помощи, каким путем возможно направление помощи из ДВР и проч.” Необходимость получения скорейшего ответа на поставленные вопросы мотивировалась тем, что “по всей ДВР организуются комитеты помощи и в Министерстве имеются соответствующие запросы”¹⁸⁷.

Завязалась обычная бюрократическая переписка. В полученном ответе сообщалось, что “еврейские комитеты ДВР имеют возможность послать средства в адрес Евобкома, который не возражает против сопровождения грузов уполномоченными на то лицами по предварительному соглашению”¹⁸⁸. Затем начался процесс согласования порядка отправки грузов, их сопровождения и т. д. В результате родился документ “Проект порядка оказания помощи Центральным Дальневосточной Республики комитетом помощи сиротам-жертвам погромов на территории РСФСР И УССР”¹⁸⁹. Как и всякий проект, его надо было обсуждать и лишь затем утверждать. Судя по всему, роль еврейского отдела Министерства свелась к бюрократической структуре. А реальным центром оказания помощи еврейским сиротам на Дальнем Востоке стал Харбин. Вместе с тем следует отметить, что политическое положение ДВР, финансовые трудности, которые испытывали местные еврейские общины, их разобщенность также объективно препятствовали организации эффективной помощи в республике. В этом отношении ситуация в Харбине была более благоприятной, и он сыграл уникальную роль в оказании помощи россиянам.

Постоянным противником “Поалей-Цион” являлись сионисты. В ДВР, где сильны были позиции большевиков, власти относились к ним с подозрением. Известно, что госполигохрана ДВР осуществляла слежку за активистами сионистского движения. Так, в сводке “инфор-

мационно-регистрационной части областного госполитохраны ДВР” за период с 10 по 17 апреля 1922 г. сообщалось о том, что в связи с предстоявшими выборами в еврейскую общину г. Читы было “дано задание внутренним осведомителям следить за дальнейшей работой этой организации”¹⁹⁰. Здесь же содержатся данные наблюдений за членом городской сионистской организации Давитсоном, выезжавшим в Баргузин под чужой фамилией, и о необходимости его ареста¹⁹¹.

Несмотря на неблагоприятные условия, влияние сионистов на деятельность местных еврейских общин было значительным, а в ряде случаев – доминирующим. На выборах в общинные советы они значительно обходили кандидатов от левых партий. Например, на выборах в Совет еврейской Читы, состоявшихся в январе 1921 г., 15 мест получили сионисты, 6 – социалистический блок партий “Поалей-Цион” и Бунда. Летом того же года в Чите было создано информационное бюро при городском комитете сионистской организации. Оно наладило связь с некоторыми организациями, действовавшими на территории республики. По воспоминаниям А.И. Кауфмана, “в Чите были преданные сионистские деятели, хорошая сионистская молодежь. Но условия жизни в ДВР не были столь благоприятными для сионистской работы. Приходилось делать все осмотрительно”¹⁹². Весьма активна, по мнению А.И. Кауфмана, была в эти годы еврейская община Верхнеудинска, насчитывавшая в 1920 г. 900-950 чел. Там была создана молодежная организация “Возрождение”. При ней действовали курсы по изучению иврита, истории, литературы, истории политических течений в еврействе. Были организованы также спортивная, музыкальная и театральная секции, кружки по переплетному делу и рукоделию. Создана библиотека, насчитывавшая до 2 тысяч томов. Организация объединяла молодежь от 13 лет. В 1921 г. в Верхнеудинске организовалась группа из 100 человек, желавших выехать в Палестину. Они обратились в районное бюро сионистской организации в Харбине с просьбой оказать им содействие¹⁹³. Сильными были позиции сионистов в общинах Владивостока, Благовещенска, Николаевска-на-Амуре. Это

явление не случайно. его причины кроются как в идеологии движения, так и в его конкретной деятельности в регионе.

Объективно социальная база сионизма на Дальнем Востоке была несравнимо шире, чем у социалистических еврейских партий. Местные евреи, сформировавшиеся в иной социально-политической, экономической и культурной среде, нежели их европейские собратья, были далеки от идей социализма. (Как уже отмечалось, практически все евреи-большевики, игравшие заметную роль в революции и социалистическом строительстве на Дальнем Востоке, были приезжими)¹⁹⁴. Социалистическая риторика Бунда и "Поалей-Цион" большого успеха не имела. Общедемократическая платформа сионистов выглядела значительно привлекательней. В условиях же многолетней политической нестабильности на Дальнем Востоке, затянувшейся гражданской войны мысль о переезде в Палестину и создании там еврейского государства была не только идеалом, но имела и практическое значение. Об этом, например, было заявлено на одном из общих собраний евреев Благовещенска, отметившем в своей резолюции, что в силу того, что члены сибирских общин вообще и благовещенской, в частности, являются "экономически наиболее пострадавшими, ... количество желающих эмигрировать велико"¹⁹⁵. К тому же политика большевиков, проводимая на территории Советской России после завершения там гражданской войны, активная деятельность еврейских комиссариатов и евсекций оставляла мало надежд на возврат к демократическим свободам, провозглашенным Февральской революцией.

Успех сионистов среди еврейского населения региона во многом обуславливался также их конкретной деятельностью: они были хорошо организованы, имели четкую программу, которая разрабатывалась Всемирными сионистскими форумами, у них была отлажена связь с центральными органами движения. Большое внимание уделялось работе на местах.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что на Дальнем Востоке, в Харбине, свободном от гражданской войны и прочих катаклизмов, сложился

хорошо организованный сионистский центр, возглавляемый талантливым и энергичным человеком, убежденным сионистом доктором Абрамом Иосифовичем Кауфманом. Он, как уже отмечалось, был не только лидером крупнейшей на Дальнем Востоке Харбинской общины, но и возглавлял Дальневосточное бюро сионистской организации и относился к своим обязанностям чрезвычайно серьезно. Когда позволяли условия, А.И. Кауфман и другие сионистские деятели посещали города Дальнего Востока и проводили там пропагандистскую и организационную работу. Выходивший в Петрограде журнал "Еврейская жизнь" писал, например, что только "в течение 1917 г. Благовещенск посетили: уполномоченный Одесского комитета еврейского палестинского общества Н.Ш. Разумовский, который прочел доклад о Палестине и собрал в пользу Палестины 3000 руб.; командированный Дальневосточным районным сионистским комитетом инструктор А. Кац, который прочел доклад о сионизме и задачах Всероссийского еврейского съезда, наконец, председатель Дальневосточного районного комитета д-р А.И. Кауфман"¹⁹⁶. В феврале 1918 г., буквально за несколько дней до взятия власти в городе большевиками, в Благовещенске вновь побывал Кауфман. По его воспоминаниям, на лекцию, которую он читал в синагоге, "явилось все еврейское население города, интеллигенция, врачи, юристы, инженеры, студенты. Пришли и евреи, состоящие в социалистических партиях. После двухчасового доклада выступили еще три оратора -- от Исполнительного комитета еврейской общины, от студентов-евреев и врач из публики". Все они благодарили А.И. Кауфмана за тот "огонь веры, который он зажег в них"¹⁹⁷. Провозглашенная вскоре в городе советская власть положила конец деятельности в нем сионистов.

Более благоприятные условия складывались во Владивостоке. Несмотря на менявшиеся политические режимы в городе, сионисты легально действовали в нем до осени 1922 г., когда была установлена советская власть. Городская сионистская организация была весьма активна и имела значительное влияние в общине. Так, в 1920 г. она насчитывала 140 чел.¹⁹⁸, ей принадле-

жало 15 из 23 мест в общинном совете. Организация курировала такие важнейшие направления общинной деятельности, как культурная работа, финансовая реформа, социальная помощь, защита правовых интересов евреев, духовно-религиозная и, разумеется, “палестинское строительство”²¹⁹⁹. Городская организация имела более тесные связи, чем в любом другом городе Дальнего Востока, с региональными сионистскими руководящими центрами. Известно, что в начале января 1919 г. по поручению Центрального бюро сионистской организации Сибири и Урала во Владивосток приезжали А.И. Кауфман и прибывший из Иркутска член Центрального бюро Л.С. Цыбин. В течение 9 дней они выступали с лекциями и беседами о сионизме, актуальных вопросах еврейской жизни, встречались с различными категориями еврейского населения, проводили сбор средств в пользу еврейского Бюро по общеполитической работе в Париже²⁰⁰.

В марте 1919 г. для участия в работе съезда сионистских организаций Дальнего Востока в Харбин смогли выехать представители лишь двух городов региона – Благовещенска и Владивостока (остальные делегаты представляли еврейские общины полосы отчуждения КВЖД и Китая). В состав избранного съездом Районного бюро Дальневосточной сионистской организации вошел представитель Владивостока Б.Л. Радомышельский²⁰¹. А в 1921 г. на региональном сионистском съезде, также проходившем в Харбине, из всех городов российского Дальнего Востока был представлен только Владивосток²⁰². Остальные еврейские общины не имели возможности направить туда своих представителей: К этому времени Владивосток оставался единственным городом, где сионистская организация действовала более или менее активно. Ее усилиями в городе был создан Еврейский народный дом, где устраивались еженедельные вечера, ставились спектакли, работали курсы иврита и английского языка.

Вот как писала газета “Дальний Восток” об одном из вечеров, организованном сионистами: “20 декабря в театре “Золотой Рог” состоялся первый сионистский ханукальный вечер при участии избранных представи-

телей еврейского искусства. Перед залой, заполненной почти исключительно представителями еврейской колонии Владивостока, взвился занавес, и восторженным взорам зрителей предстали фотографическая карточка Герцля, один семисвечник, два украинских флага". В заключение отчета об этом вечере автор заметки отмечал: "Общее впечатление от этого выдающегося вечера очень правоучительно для всех других национальностей, т.к. был он проникнут глубокой верой в свой закон и горячей любовью к своему прошлому"²⁰³.

Городской комитет проводил работу по поддержке эмиграционного фонда, проводя подписку среди населения. При его содействии в 1920 г. из Владивостока в Палестину выехали 25 человек²⁰⁴.

Значительное внимание уделялось работе с молодежью. При городской сионистской организации действовал союз еврейской молодежи. В помещении еврейской библиотеки-читальни он еженедельно проводил "субботники" – традиционные для евреев празднования субботы. На них обсуждались различные проблемы еврейской общественной жизни. Союз организовывал для молодежи "курсы еврейских знаний", на которых все желающие могли изучать иврит, идиш, еврейскую литературу и историю²⁰⁵. Устраивались также детские вечера по случаю еврейских праздников "с чтением стихотворений на иврите и постановкой пьесы на еврейском языке"²⁰⁶.

Сохраняла община и традиции еврейской благотворительности. Когда стало известно об учиненном ограблении Я. Тряпицына погроме в Николаевске-на-Амуре в марте 1921 г., городскими властями Владивостока туда был направлен пароход для эвакуации беженцев. Он доставил в город около 400 пострадавших²⁰⁷. Заботу о прибывших беженцах-евреях взяла на себя владивостокская еврейская община. На их содержание в течение 11 месяцев было затрачено в общей сложности 15 тыс. руб. золотом²⁰⁸.

В 1921 г. условия деятельности всех еврейских общественных и политических организаций ухудшились в связи с усилением в городе антисемитизма. Это обуславливалось тем, что Южное Приморье после разгро-

ма белых армий П.И. Врангеля в Крыму и Г.М. Семёнова в Забайкалье превратилось в последний островок антибольшевистского движения в России. К началу 1921 г. в Приморье скопилось до 200 тыс. беженцев (с учетом белых войск) из Поволжья, Урала, Сибири и Забайкалья, включая лидеров антибольшевистских политических группировок, руководство казачьих войск, землев и т.д.²⁰⁹. Они оказывали серьезное воздействие на политическую жизнь города, привнося в нее, в том числе, настроения антисемитизма, носителями которого многие из них являлись.

В этот период в области действовали монархические организации “Черное кольцо” и “Орден борьбы Креста с Сионистской звездой”. Просеменовская подпольная группа полковника Немысского занималась террором, грабежами, похищением еврейских коммерсантов с целью выкупа²¹⁰. Рупором антисемитизма стали газета “Слово” и черносотенная “Блоха”.

Именно махровый антисемитизм белогвардейцев стал препятствием к объединению т.н. несоциалистических организаций Дальнего Востока, которые были созданы еще в 1918 г. В конце 1920 – начале 1921 гг., когда, как отмечалось выше, в Приморье перебазировались остатки Белой армии (они были выбиты Народно-революционной армией ДВР из Забайкалья в ноябре 1920 г.), местные предприниматели, в т.ч. еврейские, попытались воссоздать блок несоциалистических организаций. 21 декабря 1920 г. в театре “Золотой Рог” Владивостока состоялось собрание членов несоциалистических организаций, в котором участвовал и председатель местной кадетской организации И.А. Фихман. Собрание приняло решение помочь каппелевским частям Белой армии²¹¹ принять участие в выборах в Учредительное собрание Дальневосточной республики, чтобы “бороться с Гоббельсоном”²¹². Предприниматели начали собирать средства для организации питательных пунктов для каппелевцев и беженцев²¹³. Во вновь организуемый несоциалистический блок вошли Приморская торгово-промышленная палата, Владивостокский городской комитет партии народной свободы, Владивостокское биржевое общество, Совет частных банков Владивостока, союз

домовладельцев. Вместе с тем он включал и такие антисемитские организации, как Русское обновленное общество, Комитет спасения Дальнего Востока и др. Так, Комитет спасения Дальнего Востока в резолюции, принятой 4 октября 1920 г., отмечал, что в "Чите создается буферное государство под главенством чуждого России и Дальнему Востоку эмигранта-дезертира Тобельсона, ныне орудующего под вымышленной русской фамилией Красношекова. Для Дальнего же Востока нужна национальная русская власть, каковой является русское правительство, признанное Францией" (имелось в виду правительство Врангеля). Резолюция была направлена представителям Великобритании, Италии, Японии, США, Франции и врангелевскому правительству²¹⁴. После подобных антисемитских выпадов из состава комиссии по объединению несоциалистических организаций Приморья вышли Торгово-промышленные палаты Владивостока, Никольск-Уссурийска и Хабаровска²¹⁵. Ряд несоциалистических организаций, придерживавшихся умеренной антибольшевистской программы, не захотел блокироваться с крайне правыми союзами и создал свою политическую структуру – "Демократический союз". В него вошли деятели бывшей Директории правые социалисты М.Н. Павловский, генерал В.Г. Болдырев, видные кадеты Л.А. Кроль и В.А. Виноградов, известные в Приморье биржевики Б.Ю. Бриннер, И.И. Циммерман, В.Я. Исакович и др. Союз выступил за создание буржуазной парламентской республики и выдвинул лозунг "Ни коммунизма, ни реакции!". Комментируя это событие, газета "Слово" в апреле 1921 г. демагогически утверждала: "Нет никакого сомнения, что главную массовую опору "Демократический союз" найдет в гражданах-евреях. в еврейском обществе. То обстоятельство, что в числе 20 подписавшихся организаторов только 2 еврея, ничего еще не показывает". И далее газета делала вывод, что это образование является попыткой создать новую группировку, "которая могла бы объединить тех, кто чувствует органическое отвращение к русской христианской народности, с еврейской общиной во Владивостоке и удовлетворить честолюбие наезжих, бывших людей, как руководителей нового союза"²¹⁶.

К весне 1921 г. антисемитизм в Приморье достиг таких размеров, что вызвал тревогу и опасения среди местного еврейского населения. Авторы одного из писем, полученных А.И. Кауфманом в июне 1921 г. из Владивостока, писали: "Политическое положение Приморья, слишком тяжелое в данный момент, особенно тяжело для еврейского населения Владивостока и Никольск-Уссурийска. За последние 2-3 месяца несколько раз ожидалось погромы, и только благодаря принятым практическим мерам нам удалось предотвратить выступления против евреев"²¹⁷. А журнал "Сибирь Палестина" в корреспонденции из Владивостока сообщал о том, что "на улицах, в учреждениях и магазинах, где только можно, определенными лицами безнаказанно ведется призыв к братоубийственному погрому"²¹⁸. В связи с этими явлениями Совет владивостокской еврейской общины выступил с протестом. В нем, в частности, отмечалось: "За последнее время определенные группы местного общества ведут усиленную агитацию, распространяют листки, летучки, памфлеты, не только позорящие честь еврейского народа, но явно или косвенно возбуждающие массы против евреев. Часть местной печати, в особенности газета "Слово", распространяет нелепо-абсурдный вымысел о каких-то масонских ложах, о мировой гегемонии и печатает несуществующие протоколы "жидо-масонской ложи". Совет владивостокской общины, резко отмежевывая культурную часть русского населения от этих групп, горячо протестует против гнусной клеветы и призыва к эксцессам"²¹⁹.

Опасность роста антисемитских настроений была признана работавшим в марте 1921 г. во Владивостоке съездом несоциалистических организаций Дальнего Востока, в работе которого участвовали представители 51 организации прокадетской направленности. На нем была избрана специальная комиссия "по защите евреев от насилий, чинимых местной властью над евреями"²²⁰. По словам журнала "Сибирь-Палестина", "уполномоченный съезда несоциалистических организаций явился в синагогу, где обратился ко всем молящимся с речью о роли и задачах съезда несоциалистических орга-

низаций Дальнего Востока и просил всех пострадавших евреев от произвола местной власти обратиться к комиссии съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока²²¹. Заметка, в которой содержалась данная информация, была озаглавлена весьма иронично: "Во Владивостоке появились защитники евреев в лице правых организаций".

26 мая 1921 г. в результате переворота, совершенного капшелевцами и семеновцами, в Приморье было свергнуто областное управление ДВР во главе с В.Г. Антоновым. К власти пришло Временное Приамурское правительство, возглавляемое С.Д. Меркуловым. Стремясь придать своему режиму легитимный образ, правительство вскоре издало указ о выборах в Народное собрание.

С 16 по 25 июня 1921 г. во Владивостоке работал II съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока. На нем присутствовали 300 делегатов от 84 организаций, в т.ч. националистических. Среди последних выделялось "Русское обновленное общество", которым руководили известные националисты и антисемиты А.П. Суслов, К.С. Мякинин и др. В обществе сослужив также член Временного Приамурского правительства И.И. Еремеев. В работе съезда не принял участия "Демократический союз", а его газеты "Голос Родины", "Вечер", "Дальневосточная жизнь" называли съезд "гнездом реакции"²²².

В виду усиления опасности антисемитизма еврейская община Владивостока решила идти на выборы в Национальное собрание отдельным списком, чтобы, в случае избрания своего представителя, иметь возможность отстаивать там национальные интересы²²³. Однако еврейские активисты общерусских политических партий (больше всего в городе их было среди кадетов) отказались идти единым списком. В итоге в Народное собрание не удалось провести ни одного кандидата от еврейской общины²²⁴.

Во время меркуловского режима евреям города жилось неспокойно. Правой прессой велась усиленная антисемитская пропаганда. Периодически возникали слухи о готовящемся еврейском погроме. Время от времени на улицах появлялись листовки с призывами "расчитаться с жидами", а на заборах расклеивались про-

кламации от имени "Дальневосточного отдела всемирной организации по борьбе с жидами". В одной из листовок этого комитета сообщалось, что "достоверно известно, что на награбленное из русской народной казны золотое жиды устроили во Владивостоке "комитет", который занимается усиленной травлей, направленной к удалению японских войск из Приморья", после чего ими в Приморье будет устроена "подобно Николаевску-на-Амуре, кровавая вакханалия, и Владивосток превратится в базу корейских и жидовствующих русских переворотчиков"²²⁵.

Дело не ограничивалось только распространением подобного рода бредовых измышлений. В апреле 1922 г. Осведотдел Дальбюро РКП (б) докладывал о том, что во Владивостоке "почти не проходит ночи, как бывают случаи избияния евреев"²²⁶.

Правительство старалось на словах отмежеваться от этой кампании, но не предпринимало никаких шагов для ее пресечения. Более того, его председатель С.Д. Меркулов в своих выступлениях в Народном собрании, в интервью прессе неустанно подчеркивал "нерусский характер" правящего в Советской России режима. А 5 мая 1922 г. Временным Приамурским правительством было даже опубликовано специальное заявление за подписью председателя правительства, в котором содержался призыв к печати "во имя русского народа не называть временное разбойничье господство мировых преступников русской властью, ибо это - власть воинствующего еврейства"²²⁸.

Ни для кого не была секретом и позиция верхушки каппелевцев в этом вопросе²²². Но и они стремились отмежеваться от погромной агитации. Харбинская газета "Вечерние новости" писала в этой связи в корреспонденции из Владивостока: "Элементы, настроенные враждебно к каппелевцам, распространяют с целью дискредитировать новое движение провокационные слухи о еврейских погромах. Слухи эти лишены всякого основания, т.к. несомненно, что каппелевцы не допустят никаких погромов. Генерал Вержбицкий принял командование над каппелевцами. Он заявил, что он и его армия стоят за демократию и за сохранение поряд-

ка в стране”²²⁹. Не исключено, впрочем, что подобного рода заявления были рассчитаны, в первую очередь, на присутствовавший в городе дипломатический корпус.

Режим генерала М.К. Дитерихса, сменивший меркуловский, уже не рядился в тогу либерализма и провозгласил в качестве своей идейной основы известную триаду “православие, самодержавие, народность”. Ничего хорошего она евреям не сулила. И действительно, уже во время работы Приамурского Земского собора, торжественно открытого 23 июля 1922 г. во Владивостоке и передавшего власть Дитерихсу²³⁰, в выступлениях делегатов часто звучали юдофобские пассажи. Самое удивительное, что они нередко звучали из уст представителей православной церкви. Так, в своем выступлении член собора о. Нежинцев заявил, что “страной православной, Русью святой управляет жидовский кагал в полном смысле этого слова”²³¹. “Отрыжкой того, что нам навязали иудси”, назвал священник Демидов Учредительное собрание и прочие атрибуты демократии²³².

Земской собор принял “Грамоту к русским людям Великой Русской земли”, в которой разъяснялась причина постигших страну несчастий: “Разложение древнего Египта евреями, сказание о коем хранит Библия, было ничто в сравнении с нынешним разложением ими России”²³³. Из этого вытекала главная задача, которую предстояло решить новому режиму. Сам Дитерихс в своем обращении к населению определил ее так: “Моя задача на Земле сейчас – собрать весь народ воедино, чтобы свергнуть изуверов из евреев и примкнувших к ним русских воров, четыре года уже грабящих нашу Родину, разоряющих наши дома, села и города”²³⁴.

Впервые за все годы гражданской войны был взят курс на восстановление в стране монархии и отказ от декларации западных ценностей, как неприемлемых для России. Говорить о демократизме правивших прежде в Приморье режимов не приходится, но в данном случае либерализм почитался за не меньшее зло, чем большенизм.

Консолидация наиболее консервативных сил, их воинствующий антисемитизм вызвали сильную тревогу среди евреев. Напрасно Дитерихс в своем указе

от 13 сентября 1922 г. заявлял: "Сила нашей настоящей борьбы с насильниками Земли Русской и изуверами иудейского племени не в вооруженной победе, не в призыве народа к пролитию новых потоков крови..., а в усилении веры и любви Христа"²³⁵. Это мало кого могло успокоить. В своих воспоминаниях А.И. Кауфман писал о тех днях: "В октябре 1922 г. еврейское население Владивостока переживало тревожные дни в ожидании погрома. В городе велась активная погромная агитация. Еврейское население пребывало в панике. Пресса натравливала массы на евреев. Правительственные распоряжения были насыщены ненавистью к евреям. В воздухе витал старый лозунг "бей жидов". Армейские офицеры произносили на собраниях речи, полные жажды еврейской крови: владивостокское еврейство должно расплатиться за "всемирный еврейский кагал, поставивший своей целью поработить мир". Евреи со дня на день ждали погрома. Вся надежда их была на иностранных консулов, кои своим вмешательством могли предотвратить пролитие еврейской крови"²³⁶. И далее он пишет о том, что получил "шифрованную телеграмму от владивостокского духовного раввина с просьбой принять соответствующие меры во избежание могущих возникнуть эксцессов на почве неудержимой антисемитской погромной агитации"²³⁷. На следующий день Кауфманом была получена еще одна телеграмма с просьбой принять срочные меры для предотвращения еврейского погрома. Получив ее, он отправился к английскому консулу в Харбине и обратился к нему с просьбой немедленно связаться со своим коллегой во Владивостоке, что и было сделано. На следующий день от английского консула был получен ответ, что "приняты серьезные меры и, если угроза еврейских погромов не исчезнет, будут предприняты более активные шаги"²³⁸.

Однако в конце октября 1922 г. под натиском НРА и партизан режим М.К. Дитерихса пал. 25 октября 1922 г. Народно-революционная армия торжественно вошла в город. 14 ноября 1922 г. постановлением Народного собрания ДВР была ликвидирована.

***

Характеризуя жизнедеятельность еврейских общин Дальнего Востока в условиях революционных событий

1917 г. и затянувшейся гражданской войны, следует отметить ее противоречивость и неоднозначность.

Свержение власти царя и его наместников принесло евреям региона долгожданную свободу. Оживилась религиозная и культурная жизнь местных евреев, проявился их интерес к политической жизни. Вместе с тем условия местной жизни не способствовали политизации дальневосточного еврейства, не создали из него "горючий материал", подобно тому, который стал важным компонентом революционного процесса в центре страны. Местные евреи (подчеркнем — местные, а не приезжие) к произошедшим в крае революционным переменам в массе своей оказались непричастными. В условиях свалившейся на них свободы им пришлось начинать еврейскую общественную жизнь практически с "чистого листа". В отличие от западных регионов страны здесь (за исключением Харбина) в силу известных причин отсутствовали соответствующие институты в виде отделений национальных политических партий, просветительских организаций, благотворительных обществ и т.д. Однако не утраченная за многие годы этническая и религиозная самоидентификация обусловила возникновение и на Дальнем Востоке России достаточно активной еврейской общественной жизни. Но "градус" ее был значительно ниже, чем в центральных областях страны. Вместе с тем в силу более поздних, по сравнению со всей страной, сроков окончательного установления здесь советской власти, сама эта еврейская жизнь продолжалась и тогда, когда на остальной территории страны она была взята большевиками под свой контроль. Провозглашенный Конституцией ДВР принцип культурно-национальной автономии для проживавших на территории республики национальных меньшинств создавал возможности для деятельности еврейских религиозных, политических и культурных институтов.

Гражданская война, принесшая мирному населению Дальнего Востока, в т.ч. еврейскому, многочисленные страдания и лишения, не имела для местных евреев столь катастрофических последствий, как для их собратьев на Украине и Юго-Западе России. На завершающем ее этапе, когда на Дальнем Востоке сосредоточили-

лись остатки разгромленных на западе страны белых армий, в крае наблюдался рост антисемитизма, но и он не сопровождался погромным движением. Объясняется это, как представляется, воздействием двух факторов: отсутствием антисемитских стереотипов в сознании местного населения, а также сильной финансовой и политической зависимостью Белого движения от иностранных держав. Их военное и дипломатическое присутствие на Дальнем Востоке, несомненно, явилось для антисемитов сдерживающим фактором.

Примечания

1. Вместе со всей Россией. По воспоминаниям и документам. - Хабаровск, 1988. С. 202.

2. Далекая окраина. 1917. 8 марта.

3. Далекая окраина. 1917. 12 марта.

4. Уссурийский край. 1917. 9 марта.

5. Еврейская жизнь. 1917. 27 марта.

6. Амурское эхо. 1917. 25 марта.

7. Там же.

8. Еврейская жизнь. 1917. 30 апреля.

1. Далекая окраина. 1917. 25 мая.

2. БУНД - "Еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России". Создан в 1897 г. Отстаивал развитие культурно-национальной автономии, литературы на идише, обеспечение права евреев на внутреннее самоуправление.

3. Партия "Поалей-Цион" была основана в России в 1906 г. Одним из ее создателей и идеологов стал Бер Борохов (1881-1917 гг.). До 1919 г. партия официально носила название "Еврейская социал-демократическая рабочая партия" (Поалей-Цион). Не расходясь в стратегических вопросах с большевиками, она вместе с тем выступала с требованием "создания автономной системы Советов для еврейского населения и выделения Советами специальных средств, обеспечивающих эмиграцию в Палестину" (РГАСПИ. Ф.272. Предисловие к оп. 1). В 1919 г. в партии произошел раскол, в ней образовалось несколько фракций: лево-марксистская, лево-социалистическая, социал-демократическая и др. (ГАРФ. Ф.8373. Оп.1. Д.4. Л.6). Из партии вышла группа, образовавшая Еврейскую коммунистическую партию (ЕКП) и заявившая о том, что она "считает для себя обязательными все постановления РКП по вопросам общей политики" (Там же. Д.259. Л.2 об). Наряду с ЕКП продолжала существовать ЕСДРП, которую СНК в октябре 1921 г. постановил признать частной организацией (РГАСПИ. Ф.445. Оп.1. Д.68. Л.48). В декабре 1922 г. на III Всероссийской конференции партии ЕКП заявила о том, что она порывает с "палестинской идеологией, объявляет себя частью Коминтерна, подчиняется всем его директивам без всяких оговорок и вступает в его территориальные секции" (ГАРФ. Ф.8373. Оп.1. Д.312. Л.8). Фактически это означало самороспуск партии. Значительная часть ее членов пополнила ряды РКП(б).

4. Еврейская жизнь. 1917. 27 марта.
5. ГАРФ. Ф.9528. Оп.1. Д. 2.Л. 20.
6. Там же. Л.19.
7. Далекая окраина. 1917. 24 (11) мая.
8. Архив Игуд Йосей Син. Igud Totzei Sin Archives (IISA). B.4. Г 29. P.1.
9. Амурское эхо. 1917. 1 окт.
10. Приамурская жизнь. 1917. 12 дек.
11. Еврейская жизнь. 1917. 30 апр.
12. Там же.
13. Далекая окраина. 1917. 4 авг. (25 июля).
14. Далекая окраина. 1917. 22 (9) авг.
15. Далекая окраина. 1917. 21 (8) окт.
16. Амурское эхо. 1917. 4 июня.
17. Там же.
18. Еврейская жизнь. 1917. 30 апр.
19. См. Еврейская неделя. 1917. № 29. С. 15.
20. Там же. С. 17.
21. *Кауфман А.И.* Поселок Харбин. Бюллетень Игуд Йосей Син. 1989. № 308. С. 26.
22. Далекая окраина. 1917. 28 (15) ноября.
23. Владивосток. 1918. 21 (8) дек.
24. Амурское эхо. 1917. 15 июня.
25. *Горький М.* Несовременные мысли. – М., 1990. С. 195.
26. Еврейская неделя. 1917. № 36-37. С. 5.
27. Далекая окраина. 1917. 30 (17) сент.
28. Амурское эхо. 1917. 22 окт. (4 нояб.). Следует заметить, что фигура И.М. Хоммера была одной из самых уважаемых в городе. Уроженец Иркутска и выпускник Томского университета, приехав в 1902 г. в Благовещенск, он занимался не только врачебной практикой, но и смог организовать первую в регионе «школу повивальных бабок». Она просуществовала вплоть до Первой мировой войны, сделав 19 пыпусков «хоммеровских» акушеров, и получила известность на всем Дальнем Востоке // *Исаков А.В.* Развитие здравоохранения в Амурской области. Благовещенск, 1967. С.29.
29. Приамурские известия. 1917. 9 нояб.
30. Приамурские известия. 1917. 9 дек.
31. Дальсовнарком. 1917-1918. Сборник документов и материалов. Хабаровск. 1969. С. 11.
32. Там же. С. 13.
33. Еврейская неделя. 1917. № 43-44. С. 1.
34. Там же. С. 3.
35. Евреи и русская революция. Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В. Будницкий. – М.-Иерусалим. 1999. С. 7.
36. *Карсавин Л.П.* Россия и евреи // Тайна Израиля. С. 415. Это замечание русского мыслителя вполне справедливо и в отношении современных "исследователей", пытающихся доказать "нерусский характер" русской революции. В их ряду отметился и хабаровский краевед Г.Г. Гинкин – автор уже упоминавшейся книги "Волочаевка без легенд".
37. Цит. по: *Шварц С.М.* Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк. 1952. С. 43.
38. Еврейская неделя. 1917. № 43-44. С. 4.

39. *Бердяев П. А.* Христианство и антисемитизм // *Тайна Израиля.* С. 342.
40. Личный архив А. И. Кауфмана.
41. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп.1. Д.22. Л.7.
42. См. Там же. Л.13.
43. *Дубнов С. М.* Новейшая история еврейского народа. Т. III. – Рига, 1938. С. 425.
44. ГАРФ. Ф.9528. Оп.1. Д.22. Л.73.
45. Там же. Л.81.
46. ГАРФ. Ф.9531. Оп.1. Д.1. Л.1.
47. Там же. Л.29.
48. *Кауфман А. И.* Указ соч. // *Бюллетень Игуд Ионей Син.* 1990. № 310. С. 13.
49. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп.1. Д.404. Л.25.
50. Там же.
51. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп.1. Д.135. Л.159.
52. Там же.
53. ГАРФ. Ф.9531. Оп.1. Д.28. Л.4 об.
54. Единичные случаи еврейских погромов имели место и со стороны Красной Армии, в частности, 1-й конной армии Буденного, на территории Киевской и Волынской губерний, а также Литвы летом и осенью 1920 г. // *РГАСПИ.* Ф.445. Оп.1. Д.86. Л.58 об. Д.31 Л.35. Однако эти преступления сурово наказывались советской властью.
55. Еврейское население СССР (Движение за время с 1897 по 1923 гг. и распределение по республикам и поселениям). – М., 1927. С. 9.
56. *Клсбаинов Я.* Евреи и Советский режим. // *Сибирь-Палестина.* 1922. № 23. С.10.
57. См. *Сахаров К.* Белая Сибирь. // "Дело не получило благословения Бога...". – Хабаровск. 1992. С. 37, 54, 70.
58. *Светачев М. И.* Интервенты и сибирская контрреволюция (ноябрь 1917 – 1918 гг.) // *Вопросы истории Дальнего Востока.* ХГПИ. Вып III. – Хабаровск, 1973. С. 42.
59. Не случайно идеология Белого движения предусматривала восстановление "единой и неделимой России", борьбу против коммунизма и "жидомасонского Интернационала". Официально же идеологи Белого движения заявляли о необходимости демократии, нравственном возрождении страны, межнациональном примирении и т.д. // *Ципкин Ю. Н.* Белое движение на Дальнем Востоке России и его крах (1920 – 1922 гг.). Автореф. докт. дисс. – М., 1998. С. 22.
60. Приамурская жизнь. 1919. 13 нояб. Наряду с этим известен приказ № 447 по Сибирскому казачьему войску Войскового атамана, генерал-майора Иванова-Ринова, в котором, в частности, заявлялось, что "под влиянием товарищей Бронштейнов, Нахамкесов и проч. ослепленные русские люди своими руками разорили и обеславили когда-то сильную великую страну". // *Вестник Забайкалья.* 1919. 14 сент.
61. ПСА. В.2. F.17. P.9.
62. ГАРФ. Ф.1339. Оп.1. Д.465. Л.1.
63. Там же.
64. *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в гражданской войне. – М., 1996. С. 120.
65. На прямую увязку помощи Белому движению со стороны Америки с его позицией в "еврейском вопросе", например, указывал

А.И. Денижкину российский посол в Париже В.А. Маклаков. См.: Белье и евреи. (По материалам Российского посольства в Париже и личного архива В.А. Маклакова) // Евреи и русская революция. С. 273

66. Забайкальская новь. 1919. 26 февр.
  67. Приамурская жизнь. 1919. 12 окт.
  68. Там же.
  69. Забайкальская новь. 1918. 17 нояб.
  70. Там же.
  71. *Кауфман А.И.* Указ соч. // Бюллетень Игуд Иосей Син. 1991. № 316. С. 16.
  72. ГАИО. Ф.2482. Оп.1. Д.1. ЛЛ.1-25.
  73. Там же. Л.12.
  74. Там же.
  75. ИСА. В.2. Ф.17. Р.10.
  76. ГАИО. Ф.Р-135. Оп.1. Д.2. Л.6.
  77. Там же. Л.62.
  78. См. *Рабинович В.Ю.* Жизнь евреев Сибири и Урала в 1919 г. (Рассказывают документы). // Сибирский еврейский сборник № 2. Иркутск, 1996. С. 90-99.
  79. Еврейская жизнь. 1942. № 42. С.3.
  80. ГАИО. Ф. Р-135. Оп.1. Д.2. Л.66 об.
  81. Там же. Л.74.
  82. *Ципкин Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 1996. С. 18.
  83. См. Земля и сотрудничество. 1918. 13 сент.
  84. См. ГАХК. Ф.1179. Оп.1. Д.1. Л.56 об.
  85. *Клебанов Я.* Указ. соч. С.10
  86. Амурская жизнь. 1919. 17 (4) июня.
  87. Далекая окраина. 1919. 6 февр.
  88. Забайкальская новь. 1919. 23 февр.
  89. Далекая окраина. 1919. 25 февр.
  90. Амурское эхо. 1919. 28 апр.
  91. Еврейская жизнь. 1942. № 42. С. 14.
  100. Там же.
  101. Забайкальская новь. 1919. 27 марта.
  102. Примечательно, что, не отказываясь от помощи зарубежных еврейских благотворительных организаций, еврейский комиссариат и еводдел Наркомаца заявляли: "Еврейские капиталисты, еврейские буржуазные писатели служат мировой буржуазии верно и преданно, стоят за победу интернационального погромного "действия" и не стыдятся иезуитски оплакивать жертвы этих погромов, чья кровь прилипла к их собственным рукам" // РГАСПИ. Ф.271. Оп. 2. Д.124. Л.63.
  103. ГАХК. Ф.П-44. Оп.1. Д.202. Л.70.
  104. ГАХК. Ф.П-44. Оп.1. Д.589. Л.29
  105. Восточная окраина. 1920. 5 марта.
  106. ГАИО. Ф. Р-135. Оп.1. Д.2. Л.63 об; ГАХК. Ф.959. Оп.1. Д.2а. Л.168.
- О существовании «Золотой сотни», созданной по приказу Семенова для личной охраны после покушения на него М. Беренбаума и состоявшей исключительно из евреев, пишет барнаульский историк С. Звягин (Евреи Урала, Сибири и Дальнего Востока в условиях антибольшевистских режимов // Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. С.145-146).

107. Восточный курьер. 1919. 21 окт.
108. В своих воспоминаниях, изданных в эмиграции в 1938 г., Семенов совершенно не касался этой темы и трудно на самом деле определить его отношение к этому вопросу. Но вместе с тем следует отметить, что на уровне обыденного сознания фигура Семенова ассоциировалась с антисемитской политикой. Например, владивостокская черносотенная газета "Блоха" поместила записанную в Никольском уезде частушку: Трах-ухах, тарарах. Семенов катит на волах. Постой, Мойша, не беги, Чемоданы подбери! // Блоха. 1920. 16 янв.
109. *Атаман Семенов*. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. – М., 1999. С. 119-121.
110. "Дело не получило благословения Бога"... С. 324-325.
111. Сибирь-Палестина. 1921. № 17-18. С. 20.
112. Дальневосточный телеграф. 1921. 10 сент.
113. Дальневосточный телеграф. 1921. 20 сент.
114. *Ярославский Е. М.* Барон Роман Унгерн фон Штернберг. – Пг., 1922; *Юзефович Л.* Самодржец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. – М., 1993.
115. ГАХК. Ф.1181. Оп.2. Д.8. Л.68 об.
116. ГАХК. Ф.1181. Оп.1. Д.1. Л.4.
117. *Гутман А. Я.* Гибель Николаевска-на-Амуре. Страницы истории гражданской войны на Дальнем Востоке. – Берлин. 1924. С. 103.
118. ГАХК. Ф.1181. Оп.2. Д.8. Л.92 об.
119. ГАХК. Ф.488. Оп.2. Д.3. Л.146.
120. *Гутман А. Я.* Указ. соч. С. 187.
121. См. подробнее об этом: *Авдеева Н. А.* Дальневосточная народная республика. – Хабаровск, 1957; *Сонин В. В.* Становление Дальневосточной республики. 1920-1922. – Владивосток, 1990; *Ципкин Ю. Н.* Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922): Сб. науч. статей. – Хабаровск, 1999. С. 96-112.
122. ГАХК. Ф.П-44. Оп.1. Д.156. Л.3.
123. Следует заметить, что еще в 1919 г. "антиевритизм" был узаконен в Советской России. Приказом народного комиссариата просвещения идиш был объявлен языком, обязательным для преподавания во всех советских еврейских школах. – См.: *Гришбаум А.* Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе. 1918 – 1953 // Евреи в России. Историко-биографические очерки. 2-я половина XIX – XX век. С. 14.
124. Борьба за идиш на Дальнем Востоке. – Харбин, 1921. С. 1
125. Сибирь-Палестина. 1921. № 40. С. 16.
126. Там же.
127. IISA. B.5. F.2. P.28.
128. Александр Михайлович Краснощеков (Абрам Моисеевич Тобисон) по директиве ЦК и Сиббюро ЦК РКП(б) являлся уполномоченным по организации на Дальнем Востоке и в Забайкалье буферной республики ДВР, а затем стал председателем ее правительства. – *Мухачев Б.* "Дело" Краснощекова // Россия и АТР (Владивосток). 1993. № 2. С. 57. Подробнее о А.М. Краснощекове см.: *Мухачев Б. И.* Александр Краснощеков. Историко-биографический очерк. – Владивосток. 1999.
129. Цит. по: *Мухачев Б. И.* Александр Краснощеков. С. 118.
130. ГАХК. Ф.18. Предисловие к оп.1. С. 10.
131. ГАХК. Ф.П-44. Оп.1. Д.538. Л.84.

132. Там же.
133. РГАСПИ. Ф.372. Оп.1. Д.1094. Л.25.
134. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.201. Л.116.
135. Там же.
136. HSA. B.5. F.5. P.28.
137. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.200. Л.23.
138. Дальневосточный телеграф. 1921. 31 авг.
139. РГАСПИ. Ф.372. Оп.1. Д.113. Л.286. Но-видимому, в документе ошибочно указана Амурская область, т.к. фактически речь идет о Приморье.
140. Там же.
141. Сибирь-Палестина. 1921. № 17-18. С. 21.
142. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.204. Л.6.
143. Там же.
144. Сибирь-Палестина. 1921. № 39. С. 14.
145. Там же.
146. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.200. Л.36.
147. Там же.
148. Там же. Л.56.
149. Там же. Л.43.
150. Там же. Л.56.
151. РГАСПИ Ф.445. Оп.1. Д.31. Л.24.
152. Там же.
153. Там же. Л.192.
154. Там же. Л.24.
155. См.: *Нам И.В.* Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т.2. Дальний Восток. 1921/1922. - Томск, 1999. С.11.
156. Далекая окраина. 1917. 9 дек. (26 ноября). РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.203. Л.4.
157. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.198. Л.2.
158. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.196. Л.2.
159. Там же. Л.73.
160. Еврейская коммунистическая партия. Резолюции и постановления, принятые на второй всепартийной конференции, состоявшейся в г. Харькове 16-23 июня 1920 г. - Харьков. 1920. С. 17.
161. РГАСПИ Ф.272. Оп.1. Д.202. Л.68.
162. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.201. Л.162.
163. Там же.
164. Сибирь-Палестина. 1921. № 11 С. 18.
165. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.196. Л.81 об.
166. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.201. Л.162.
167. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1 Д.203. Л.4.
168. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.196. Л.80 об.
169. РГАСПИ Ф.272. Оп.1. Д.201. Л.71.
170. Там же. Л. 7
171. Там же. Л.12 об.
172. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.205. Л.21.
173. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.201. Л.99.
174. Наш путь. 1922. № 1. С. 20.
175. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.196. Л.16.
176. РГАСПИ. Оп.1. Д.198. Л.23.

177. Там же.
178. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.196. Л.24.
179. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.201. Л.59.
181. В списке адресов местных организаций ЕКП, сохранившихся в архиве, нет ни одного дальневосточного. // ГАРФ. Ф.8373. Оп.1. Д.331. ЛЛ.1-13.
182. ГАРФ. Ф.Р-1318. Оп.1. Д.779. Л.94.
182. Сибирь-Палестина. 1922. № 20. С. 21.
183. Сибирь-Палестина. 1922. № 4. С. 17.
184. См. подробнее об этом в III главе.
185. ГАРФ. Ф.Р-1318. Оп.1. Д.779. Л.83.
186. Там же. (Еврейский комитет по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий возник в 1920 г. Согласно уставу, утвержденному НКВД РСФСР 9 июля 1920 г., цель организации заключалась в распределении помощи, получаемой из-за границы. Комитет просуществовал до 11 октября 1924 г. // ГАРФ. Ф.Р-1339. Предисловие к оп. 1. С. 3.)
187. Там же. Л.89.
188. Там же. Л.89.
189. Там же. Л.94. об.
190. ГАХК. Ф. П-44. Оп.1. Д.278. Л.273.
191. Там же.
192. Кауфман А.И. Указ. соч. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1992. № 322. С.25.
193. Там же.
194. Как отмечал в своих воспоминаниях бывший премьер ДВР П.М. Никифоров, большевики вообще "приехали частью с Запада, частью из эмиграции // РГАСПИ. Ф.144. Оп.1. Д.34. Л.19.
195. Сибирь-Палестина. 1921. № 13. С. 18.
196. Личный архив А.И. Кауфмана.
197. Кауфман А.И. Указ. соч. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1990. № 310. С.14.
198. IISA. B.5. F.2. P.3.
199. Ibid. P.5-6.
200. Кауфман А.И. Указ. соч. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1991. № 316. С.18.
201. Кауфман А.И. Указ. соч. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1991. № 317. С.39.
202. Сибирь-Палестина. 1921. № 3. С.12.
203. Дальний Восток. 1920. 1 янв.
204. IISA. B.5. F.2. P. 3
205. Владивосток. 1918. 20 (7) дек.
206. Сибирь-Палестина. 1921. № 11. С.14.
207. Низовья Амура накануне эвакуации (По материалам правительственной экспедиции и корреспонденциям газеты "Вехи"). - Хабаровск. 1922. С. 30.
208. Сибирь-Палестина. 1921. № 33. С. 17.
209. Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920 - 1922 гг.). С. 51.
210. Там же. С. 57.
211. Белая армия на Дальнем Востоке с 1920 г. условно делилась на капледецов и семеновцев. Если семеновцы выглядели в глазах обще-

ственности как представители реакционной воцарщины, то кашелевцы представлялись как "либералы", поскольку среди них было много уральских рабочих, которые сочувствовали эсерам. Кашелевцы с гордостью носили имя последнего командующего белым Восточным фронтом В.О. Кашеля, умершего в "целовом походе".

212. Так белые писали фамилию А. Краснощекова (Тобинсона).
213. Слово. 1920. 11, 21 ноября, 22 дек. 1921. 30 янв.
214. Слово. 1920. 9 ноября.
215. Слово. 1921. 7 янв.
216. ГАХК. Ф.44. Оп. 1. Д.167. ЛЛ. 31-32.
217. *Кауфман А.И.* Указ. соч. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1992. № 326. С.12.
218. Сибирь-Палестина. 1921. № 13. С. 18.
219. Там же.
220. Сибирь-Палестина. 1921. № 17-18. С. 22.
221. Там же.
222. См. *Ципкин Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке. С. 88
223. ИСА. В.5. F.2. P.3.
224. Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1992. 326. С. 12.
225. ГАРФ. Ф.944. Оп.1. Д.108. Л.248.
226. РГАСНИ. Ф.372. Оп.1. Д.113. Л.94.
227. Наша Речь. 1922. 5 мая.
228. См. *Ципкин Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке. С. 18.
229. Вечерние новости. 1921. 30 мая.
230. Об антисемитских взглядах Дитерихса было известно еще в то время, когда он, до хождения во власть, проживал в Харбине, где писал книгу об убийстве Николая II и его семьи. По словам Вс. Иванова, это был "труд, исполненный юдофобского мистицизма". // *Иванов Вс.* Из неопубликованного. – Л., 1991. С. 271.
231. ГАРФ. Ф.5194. Оп.1. Д.3. Л.157.
232. Там же. Л.212.
233. Там же. Л.297.
234. Уссурийский край. 1922. 22 авг.
235. Земский край. 1922. 16 окт.
236. *Кауфман А.И.* Указ. соч. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1993. № 327. С.22.
237. Там же. С. 14.
238. *Кауфман А.И.* Указ. соч. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1992. № 326. С.14.

ГЛАВА III

Особенности формирования и деятельности еврейской общины г. Харбина

В ходе, а особенно после гражданской войны на Дальнем Востоке значительная часть еврейского населения восточной окраины перебралась в Харбин. В большей степени это относится к людям состоятельным, а также к тем, кто принимал более или менее заметное участие в местной еврейской жизни: политическим и общественным деятелям, руководителям религиозных общин. В числе уехавших в эти годы с территории российского Дальнего Востока в Маньчжурию были, например, член Народного собрания ДВР, редактор одной из хабаровских газет, эсер М.И. Клявер¹, председатель Национального совеста еврейских общин Сибири, Урала и Дальнего Востока М.А. Новомейский², староста правления Хабаровской общины М. Друз, активист молодежной сионистской организации Владивостока Д.Б. Рабинович³ и др. Ребенком был вывезен в Харбин И. Надель, родившийся в 1918 г. в Верхнеудинске. Ныне это один из известнейших писателей Израиля Ицхак Орен.

Харбин, ставший одним из ведущих центров российской эмиграции, как уже отмечалось выше, всегда был привлекателен для российских евреев своей атмосферой свободы, царившим в нем духом предпринимательства и высокой деловой активности. Там сложилась крупнейшая на Дальнем Востоке еврейская община, сохранившаяся до конца как островок русского еврейства со всеми присущими ему этнокультурными чертами⁴.

* * *

Первые евреи из России, главным образом с Дальнего Востока, прибыли в Маньчжурию после заключения в

1896 г. договора с Китаем о строительстве КВЖД. В соответствии с ним китайские власти передали под управление России экстерриториальную зону шириной в пятнадцать миль, а также право эксплуатировать природные богатства на примыкающей территории. Строительство железной дороги предвещало благоприятные экономические возможности, что не могло не привлечь евреев. Вместе с тем неясным был их правовой статус на новой территории. С одной стороны, Маньчжурия находилась в пределах 100-верстной пограничной полосы, куда евреям, как известно, въезд запрещался. В декабре 1898 г. военный министр Сахаров своей телеграммой специально уведомил Приамурского генерал-губернатора Гродекова о том, что он “признает соответствующим не допускать вовсе евреев к водворению на Квантун впредь до решения сего вопроса в установленном порядке”. Такова была, как известно, общегосударственная позиция в “еврейском вопросе” в целом, и, следовательно, ее необходимо было придерживаться. С другой стороны, власти понимали необходимость скорейшего строительства КВЖД и экономического освоения полосы ее отчуждения в условиях сложной геополитической ситуации в регионе. Это обуславливало известный прагматизм их взглядов на пути и методы колонизации данной территории. Наиболее последовательным сторонником, а, быть может, и инициатором такого подхода был министр финансов и непосредственный автор идеи строительства КВЖД С. Ю. Витте. В целях успешной реализации проекта он считал необходимым создание максимально благоприятных условий для предпринимательской деятельности, что исключало введение каких-либо ограничений по национальному или вероисповедальному признаку. При этом следует отметить, что, несмотря на обвинения в расизме, Витте никогда не был филосемитом. Представляется, что его воззрения на “еврейский вопрос” можно квалифицировать как сугубо прагматичный взгляд политика. Об этом он со свойственной ему долей иронии писал в своих воспоминаниях: “...я всегда смотрел и смотрю на еврейский вопрос не с точки зрения, что приятно для евреев, а с точки зрения, что полезно для нас, для русских, и для Российской империи”⁶.

Известно, что, решая задачи модернизации экономики России, С.Ю. Витте был сторонником привлечения иностранных инвестиций. Формально главным инвестором строительства КВЖД стал Русско-Китайский банк. Он был учрежден российскими финансистами в конце 1895 г. по предложению русского правительства, решившего воспользоваться благоприятными возможностями, открывшимися в связи с оказанными Китаю услугами после его поражения в китайско-японской войне. К участию в деятельности банка был привлечен французский капитал. Ни для кого не была секретом роль "еврейских" денег в деятельности банковских учреждений. Более того, представителем Русско-Китайского банка в Санкт-Петербурге стал А.Ю. Ротштейн, пользовавшийся доверием С.Ю. Витте. По предложению министерства финансов банком было образовано акционерное общество, получившее право на концессию. Русско-Китайский банк имел свои отделения во многих городах Российской империи, а также за рубежом – в Париже, Шанхае, Пекине, Кобе, Иокогаме и др.⁷

Проводя политику привлечения иностранных инвестиций, С.Ю. Витте стремился обеспечить российскому капиталу ведущие позиции на Дальнем Востоке. В целом, по мнению исследователей, ему "удалось мобилизовать под эгидой России немалый частный капитал весьма нестрого национального состава, придать ему некоторое организационное единство и заинтересовать его во внешнеполитических успехах России на Дальнем Востоке"⁸.

Вопрос о легитимизации участия евреев в колонизации Маньчжурии представлял для центральной власти известную сложность: как привлечь их деньги и предприимчивость и при этом остаться в рамках антиеврейских российских законов, дабы не создавать прецедента? Выход был найден. В соответствии с разработанным Комитетом министров и Высочайше утвержденным 13 марта 1898 г. положением, правом выдачи соответствующих паспортов наделялись: канцелярия Приамурского генерал-губернатора, губернаторы Забайкальской и Приморской областей, а также, как отмечалось, "в исключительных случаях" – главный инженер

КВЖД. Основанием являлось письменное приглашение администрации дороги⁹.

Таким образом, решение вопроса о пребывании евреев в Маньчжурии отдавалось на откуп администрации КВЖД, что переводило его из плоскости политической в плоскость экономической целесообразности. Правда, в направленной в Петербург на имя начальника главного штаба и министра внутренних дел телеграмме Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков подчеркивал необходимость применения ко всем евреям закона о 100-верстной полосе, а также упомянутого выше указания военного министра о недопущении евреев в Квантунскую область. Однако на основании положения Комитета министров от 13.03.1898 г. он определил следующий порядок выдачи евреям паспортов его канцелярией: "...еврей может быть допускаем в Маньчжурию по линии железной дороги только в исключительных случаях, когда пребывание его будет признано желательным интересам постройки дороги, по удостоверению последней"¹⁰.

Очевидно, что определенный властями порядок при всей строгости формулировок предоставлял евреям немалые возможности для въезда в Маньчжурию. Однако для чиновников Приамурского генерал-губернаторства неясным оставался вопрос о правилах их проживания в полосе отчуждения КВЖД. И если на территории всего российского Дальнего Востока, как известно, проживание евреев жестко регламентировалось и соответствовало контролировалось, то относительно пребывания евреев в полосе отчуждения строившейся железной дороги никаких четких указаний не существовало. Это ставило в тупик сотрудников полицейского ведомства, так абсолютно противоречило общероссийской практике. В декабре 1902 г. полицмейстер Харбина Казарин в этой связи направил в канцелярию Приамурского генерал-губернатора телеграмму следующего содержания: "Относительно прав пребывания евреев в пределах полосы отчуждения железной дороги Маньчжурии, не имея установленных на сей предмет особых, выработанных для того правил, нахожусь в затруднении. Благоприятнее исполнить просьбу эту возможно в непродол-

жительном времени, прислав для руководства все, что найдете необходимым”¹¹. Однако никаких дополнительных разъяснений на этот счет в канцелярию генерал-губернатора из столицы не поступало. Не располагал информацией и чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. В ответ на соответствующий запрос из канцелярии он докладывал: “Вследствие отношения ... по вопросу о правах пребывания евреев в пределах полосы отчуждения КВЖД, имею честь уведомить канцелярию, что по означенному вопросу у меня не имеется никаких сведений. Пребывание евреев в означенной полосе зависит, по-видимому, всецело от усмотрения администрации названной дороги”¹². Руководившие строительством главный инженер А.И. Югович и его помощник С.В. Игнациус состояли на службе у акционерного общества и решали исключительно профессиональные задачи. Исходя из этого критерия и осуществлялся подбор кадров для стройки.

Административным центром полосы отчуждения КВЖД стал Харбин, основанный строителями дороги в 1898 г. Город располагался в месте пересечения железнодорожной магистрали и реки Сунгари и имел выгодное стратегическое и географическое положение. Благодаря этому, а также большому притоку государственных средств и дешевому труду китайских строителей, город развивался быстрыми темпами. Среди первых жителей Харбина наряду со строителями, а также рабочими и служащими КВЖД, были лица свободных профессий - предприниматели, торговцы, ремесленники. Изначально Харбин складывался как город многонациональный. По утверждению Г.В. Мелихова, “существовало какое-то негласное распределение основных сфер занятий, сфер коммерческой и предпринимательской деятельности. Русские были заняты в гражданской и военной администрации, в техническом руководстве и представляли наиболее крупные торговые фирмы и компании. Евреи занимались торговлей, экспортом и импортом. Татарские купцы специализировались на торговле пушниной, шерстью, кожевенными и мануфактурно-галантерейными товарами. Армяне чаще всего создавали кондитерское и конфетно-шоколадное дело” и т.д. При этом, как

отмечает Г.В. Мелихов, никакой особой конкуренции, а тем более конфликтов не возникало, т.к. "поле деятельности в Маньчжурии было чрезвычайно обширным, спрос... всегда опережал предложение"¹³. Е.Х. Нилус в своем фундаментальном исследовании "Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги" в числе первых предпринимателей Харбина называет и евреев: "неутомимого ресторатора" Гершевича, владельца первой железнодорожной лавки, продававшей привычные для русского человека продукты питания, Я.К. Галлера и др.¹⁴

Первыми евреями, прибывшими в Харбин, были жители близлежащих городов российского Дальнего Востока – Владивостока, Благовещенска, Хабаровска. Их привлекали благоприятные экономические условия, а также обстановка национальной и религиозной терпимости, созданная администрацией дороги и резко контрастировавшая с условиями их проживания в Примурском генерал-губернаторстве. Поселившись в Маньчжурии, они стали заниматься главным образом поставкой строительных материалов, товаров и продуктов для рабочих и служащих. Негосударственный статус Общества КВЖД позволял привлекать евреев-специалистов и к непосредственному участию в строительстве дороги. Так, Е.Х. Нилус в числе первых инженеров-строителей упоминает и россиян с явно еврейскими фамилиями. Среди них – Ф.О. Гиршман, руководивший строительством Южного отделения дороги, Бернштейн, убитый во время боксерского восстания в 1900 г. и др. Не исключено, что они были крещеными евреями, что в значительной степени, как известно, уравнивало представителей этой национальности в правах со всеми другими подданными Российской империи. Однако известно, что старший сын известного дальневосточного промышленника Я.Л. Скидельский оставался иудеем, что не мешало ему исполнять обязанности помощника начальника строительства тоннеля через Большой Хинган Н.Н. Бочарова¹⁵. После окончания строительства тоннеля он руководил разработкой Джайдарских каменноугольных копей¹⁶.

Боксерское восстание 1900 г. в Китае нанесло строящейся дороге серьезный ущерб и на время приостанови-

ло работы. Значительная часть гражданского населения Харбина была эвакуирована в ближайшие российские дальневосточные города, главным образом в Хабаровск и Благовещенск. Однако вскоре смута прекратилась, и строительство КВЖД было возобновлено. 1 июля 1903 г. еще не совсем достроенная дорога была передана в ведение Эксплуатационного управления. Управляющим дороги стал Д.Л. Хорват, обладавший не только профессиональными знаниями и организаторским талантом, но и отличавшийся широтой взглядов и демократичностью в общении. По воспоминаниям А.И. Кауфмана, он был “замечательной личностью и исключительным администратором” и “снискал себе уважение и симпатии всего населения”¹⁷. Это единодушно признавали все, кто его знал и кто жил в те годы в Харбине¹⁸. Во многом благодаря личной позиции Д.Л. Хорвата, евреи, как и представители других национальностей, пользовались всеми правами российских подданных, не испытывая какой-либо дискриминации.

Царившая в полосе отчуждения КВЖД атмосфера национальной и религиозной терпимости объяснялась, как уже отмечалось, также и сугубо прагматическими соображениями: она должна была создать максимально благоприятные условия для деловой активности в обстановке жесткой конкуренции с Японией и другими странами. На это прямо указывалось в полученном в 1911 г. генералом Хорватом документе с грифом “весьма секретно”. “Работа административных органов, – подчеркивалось в нем, – должна получить специальное, отличное от общеимперской практики направление и сводиться, прежде всего, к устранению всяких излишних стеснений и обеспечению возможности широкого развития экономической жизни на всей территории”. При этом отмечалось, что в противном случае торгово-промышленная жизнь будет развиваться вне полосы отчуждения или в сфере японского влияния, т.е. там, где будут созданы более благоприятные условия¹⁹. Однако властям удалось создать эти самые благоприятные условия, привлекая в Маньчжурию значительное число россиян.

С началом эксплуатации КВЖД евреев вопреки общероссийской практике стали принимать на работу в

качестве инженеров, врачей, дорожников, однако число их было невелико. Большинство еврейского населения, проживавшего в эти годы в полосе отчуждения, трудилось в сфере предпринимательства.

В 1902 г. евреям в Харбине принадлежали 10 торговых предприятий²⁰. Численность еврейского населения города росла. В 1903 г. она составила 300 чел.²¹. В общей структуре России это было сравнительно немного – менее 2%. (Численность подданных Российской империи в городе составляла свыше 15 тыс. чел.). Однако по меркам Дальнего Востока это было не так уж мало. Для сравнения отметим, что в 1910 г. во Владивостоке насчитывалось 267 евреев, в Николаевске – 358, в Хабаровске – 610²².

В феврале 1903 г. в Харбине была официально зарегистрирована еврейская община. Она стала именоваться “Харбинская еврейская духовная община” (ХЕДО). Было избрано духовное правление, утвержденное Управляющим КВЖД, которому оно и подчинялось административно. Одной из первоочередных задач, стоявших перед духовным правлением, было учреждение молитвенного дома. Известно, что в августе 1903 г. местные евреи обратились к некоему Н.Д. Дунаевскому, проживавшему в Одессе, с просьбой организовать сбор средств среди европейского еврейства для строительства в Харбине синагоги²³. Вскоре духовное правление приобрело участок под строительство и объявило о сборе пожертвований среди местного еврейского населения. В августе 1904 г. духовным правлением был приглашен из России на службу Ш.М. Левин, исполнявший до этого обязанности раввина Читы и Омска. При общине была открыта школа.

Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война вызвала экономический подъем города, рост численности его населения, т.к. Харбин являлся тыловой базой по обеспечению и снабжению полуторамиллионной русской армии в Маньчжурии. Благодаря увеличившемуся притоку денежных средств, оживились городская торговля и промышленность. Возросло и еврейское население города, хотя приказом временного командующего войсками Гиринской и Хейлунцзянской провинций и За-

байкальской области Надарова въезд евреям в Маньчжурию запрещался “за исключением крупных подрядчиков управлений и учреждений, расположенных в районе военно-окружных управлений”²⁴. Военные власти смотрели на евреев, как на потенциальных шпионов, а администрация – вполне терпимо, чем они и пользовались. Созданная войной обстановка экономического бума значительно усиливала притягательность города.

С началом военных действий в Маньчжурии активизировалась деятельность еврейской общины Харбина. Она взяла на себя, в первую очередь, организацию религиозного обслуживания еврейских военнослужащих, число которых в общем составе русской армии, как отмечалось выше, было достаточно велико. ХЕДО, в частности, занималась распределением продуктов для еврейских солдат, поступавших по линии созданного в Петербурге в связи с войной специального комитета помощи (это объяснялось необходимостью соблюдения законов о пище). На Пасху община устраивала для евреев-солдат обеды в специально построенных сараях-столовых, где они и молились. Пасхальную трапезу получали около тысячи воинов²⁵. На собранные общиной пожертвования солдаты-евреи получали также небольшие денежные пособия, добавочное питание, белье²⁶. Кроме того, ХЕДО заботилась о раненых, помогала в захоронении убитых солдат на участке еврейского кладбища, выделенном администрацией КВЖД.

По окончании войны многие из демобилизованных из армии евреев остались в Маньчжурии, воспользовавшись царским Указом 1904 г. Как уже отмечалось, он наделял правом повсеместного жительства евреев, участвовавших в военных действиях на Дальнем Востоке и удостоившихся “пожалования знаками отличия”, либо не имевших нареканий во время прохождения службы. Харбин манил их атмосферой деловой активности и выгодного предпринимательства, не стесненных рамками национальных и иных ограничений. Разразившаяся в России революция в Харбине отозвалась лишь эхом, не внеся длительных и существенных изменений в жизнь города. Возникшие осенью 1905 г. в городе беспорядки к январю 1906 г. властям удалось ликвидировать.

Было еще одно обстоятельство, усиливавшее в эти годы притягательность Харбина в глазах российских евреев. В южных и западных губерниях страны вновь прокатилась волна кровавых погромов, и многие еврейские семьи решили навсегда покинуть места своего привычного проживания. Немалое число евреев направилось за океан, в Америку; часть из них предпочла эмиграции переезд в Харбин, имея в виду не только экономические возможности этого города, но и привычную языковую и культурную среду. В первую очередь, это относилось к тем, чьи родственники служили на Дальнем Востоке и могли воспользоваться царским Указом 1904 г. Демобилизованные войны вызывали из России свои семьи, родственников и обустроивались не только в Харбине, но и в других населенных пунктах по линии КВЖД.

Один из дальневосточных публицистов, посетивших в 1905 г. Харбин, не без раздражения отмечал: "Нигде Вы не встретите так много "восточных человек", в особенности евреев, как здесь. Можно подумать, что Вы попали в самый Бердичев или, по меньшей мере, в черту еврейской оседлости"²⁷.

Окончание русско-японской войны, завершившейся поражением России, обусловило спад экономики Харбина: склады оказались затоваренными невостребованной продукцией, многие фирмы-поставщики разорились. Однако кризис продолжался недолго, и уже в 1907 г. он сменился экономическим подъемом. В развитии города обозначился новый этап: он превращается в центр международной торговли, благодаря начавшемуся экспорту маньчжурской сельскохозяйственной продукции в страны Западной Европы и Японию. Первым экспортным продуктом стала соя. По инициативе купца Романа Моисеевича Кабалкина и при поддержке правления КВЖД и Петербурга начались поставки соевых бобов в Европу. Именно экспорт этой сельскохозяйственной культуры обеспечил прилив в Маньчжурию значительных денежных средств, что привело к оживлению деловой активности²⁸.

Новый экономический подъем вызвал рост численности населения Харбина, в том числе еврейского. В

эти годы она составила 3 тыс. чел.²⁹. Возрастание еврейской колонии обусловило необходимость создания соответствующих национальных институтов, обслуживающих разнообразные нужды: религиозные, культурные, образовательные и др. В числе первоочередных находился вопрос о строительстве здания синагоги. Действовавшая с 1903 г. молельня, получившая во время русско-японской войны название “солдатская синагога”, не могла удовлетворить потребности возросшего населения. Объявленный в городе сбор пожертвований на строительство нового здания приносил свои результаты. Средства поступали также от еврейских общин Лодзи, Петербурга, Киева и других городов империи³⁰. В январе 1909 г., наконец, состоялось торжественное открытие синагоги, известной как Главной. Двумя годами раньше, в апреле 1907 г. было открыто общественное начальное училище, а в 1910 – образцовая еврейская школа. С 1908 г. при общине действовало музыкально-драматическое общество.

Одним из важнейших направлений деятельности общины с первых лет ее существования в соответствии с традицией становится благотворительность. Она распространялась как на неимущих членов ХЕДО, так и на тех, кто не являлся членом общины. Все вновь прибывавшие в Харбин евреи находили на первых порах помощь и поддержку местной общины, а малоимущим, старикам и инвалидам она оказывалась на постоянной основе.

В 1906 г. при ХЕДО было создано Дамское благотворительное общество. Оно оказывало приехавшим из России еврейским женщинам поддержку, снабжая малоимущих одеждой, деньгами, дровами и углем, помогало также нуждающимся еврейским семьям платить за учебу детей в школе, оплачивать квартирные счета и выплачивать банковские ссуды. В среднем на попечение общества находилось около 200 семей³¹.

В июле 1907 г. в Харбине была открыта бесплатная еврейская столовая для всех желающих. Создана была также еврейская общественная библиотека, которая насчитывала к 1912 г. 13 тысяч томов на разных языках по всем отраслям знаний³². Она была доступна для всех

жителей города, независимо от национальности. Следует отметить, что, как подчеркивают многие исследователи Харбина, его население характеризовалось сравнительно высоким образовательным уровнем и, соответственно, широтой интересов.

Такая разнообразная деятельность еврейской общины города была нетипична на общем фоне еврейской жизни российского Дальнего Востока, но она была достаточно характерна для общественной жизни Харбина. Все национальные колонии города создавали свои религиозные и культурно-просветительские организации. Вместе с тем все прибывшие из России, независимо от национальности, ощущали себя прежде всего россиянами. Оторванность от своих культурно-национальных очагов, жизнь в ином, во многом чуждом цивилизационном пространстве формировали у людей достаточно высокую общественную активность, поощряемую руководством КВЖД. Со временем это обусловило превращение Харбина в самостоятельно и динамично развивающийся социум.

Значительно большую роль в сравнении с российскими городами изначально играло в жизни Харбина общественное самоуправление. Его зачатки возникли уже в 1903 г., с началом эксплуатации дороги. Именно в том году Управлением дороги было создано совещание по благоустройству города с участием представителей населения. Прибывшие на собрание горожане заявили, что они не представляют всех жителей, а потому не вправе решать поднятые вопросы. Этот довод был сочтен убедительным, и Управляющим КВЖД Д.Л. Хорватом было объявлено о выборах уполномоченных от всего населения города, как русского, так и китайского. Вновь созданное совещание в течение нескольких лет выполняло функции органа местного самоуправления. После окончания русско-японской войны по предложению министра финансов в Харбине была учреждена комиссия по организации городского самоуправления в соответствии с законодательством в Российской империи в 1902 г. Городским положением. Выработанный комиссией проект был представлен по словам Е.Х. Нилуса, "наиболее влиятельным горожанам г. Харбина". В числе 15 указанных

им харбинцев четверо были евреями: Ф. Риф, М. Самсонович, Е. Добисов, Е. Э. Берг.³³ Это достаточно наглядно характеризует как атмосферу толерантности, сложившуюся в городе, так и статус в нем евреев.

Процесс обсуждения, согласования и выработки окончательного варианта Положения об общественном управлении Харбина растянулся на несколько лет и был завершен только к концу 1907 г. Введенное в городе самоуправление отличалось от городских дум российских городов. Избирательное право в Харбине не было ограничено ни подданством, ни национальностью, ни религией, ни сословием. Достаточно широким был круг вопросов, решаемых харбинским общественным управлением. Это - народное образование и просвещение, медицинское обслуживание, городское благоустройство, строительство и др.³⁴ Представители еврейского населения принимали весьма активное участие в его работе. Так, из 40 гласных городской думы 12 были евреями³⁵.

Общественная жизнь города была богата и разнообразна, ее характеризовало отсутствие сословных, национальных и иных предрассудков. В эти годы она была также еще свободна от размежевания по идейным и политическим признакам. По принципиальным вопросам городской жизни представителям различных групп населения удавалось, как правило, вырабатывать консолидированную позицию. В случае чрезвычайных обстоятельств (эпидемии, наводнения и т.д.) администрация КВЖД и городской совет находили достаточно эффективные формы взаимодействия для мобилизации всех имеющихся ресурсов. Так, например, было во время распространения в 1910 – 1911 гг. в Маньчжурии чумы, унесшей не менее 100 тыс. жизней³⁶. Она поразила главным образом китайское население, но представляла реальную угрозу не только для всех жителей Харбина (ее очагом являлся пригород Фуцзядянь) и полосы отчуждения дороги, но и российского Дальнего Востока. В этой связи администрацией КВЖД были приняты энергичные меры для ее ликвидации. В Харбине была образована городская Санитарная исполнительная комиссия, которую возглавил Председатель городского совета. Вся тер-

ритория города и его окрестностей была разбита на 8 санитарно-врачебных участков. Для локализации очага заболевания Харбин был оцеплен войсками. К борьбе с эпидемией был привлечен весь медицинский персонал города, помощь была направлена и из России. Ликвидация чумы стоила медикам немалых жертв: за 4 месяца эпидемии (ноябрь 1910—февраль 1911 гг.) в Маньчжурии погибли 942 медицинских работника, в том числе 8 врачей, 4 студента-медика, 6 фельдшеров и 924 санитар³⁷. Это был настоящий подвиг российских медиков. К сожалению, вспышки различных заболеваний, в силу неблагоприятного эпидемиологического обстановки в Северо-Восточном Китае, повторялись и в последующие годы. Но в городе был отлажен механизм взаимодействия всего имевшегося медицинского персонала, в том числе трудившегося в медицинских учреждениях национальных общин. ХЕДО, имевшая развитую сеть оказания врачебной помощи еврейскому населению города, неизменно вносила существенный вклад в борьбу с различного рода эпидемиями.

Благоприятные экономические возможности, обстановка национальной и религиозной терпимости обусловили со временем превращение Харбина в своеобразную Мекку для евреев Востока России. Особенно притягателен город был для евреев близлежащего Приамурского генерал-губернаторства. Вступление на должность Начальника края в 1911 г. Н.Л. Гондатти вызвало, как указывалось выше, ужесточение местной "еврейской" политики³⁸. Петербургская еврейская газета "Рассвет" отмечала в этой связи 13 июля 1912 г. в заметке из Харбина: "Еврейское население города с каждым годом все увеличивается. Помимо того, что сюда приезжают родственники тех, которые здесь устроились после войны... сюда стекаются все выселяемые из Сибири, Приамурья, Приморья и других дальневосточных областей. Благодаря сильным репрессиям по отношению к евреям, проживающим во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске и пр., кадр высылаемых количественно все идет на повышение, и Харбин в настоящее время представляет черту оседлости евреев на Дальнем Востоке".

Еврейская общественная жизнь города обогатилась с приездом на КВЖД в 1912 г. доктора Абрама Иосифовича Кауфмана с супругой, тоже врачом. Правнук по материнской линии основателя движения любавических хасидов Шнеура Залмана, он рано увлекся идеями сионизма и стал их активным последователем. В Швейцарии, в Бернском университете А.И. Кауфман изучал медицину и занимался активной общественной деятельностью, являясь заместителем председателя городского академического ферейна (союза еврейских студентов). В эти годы он познакомился со многими видными деятелями сионизма, известными еврейскими писателями и общественными деятелями. В их числе были Усышкин, Х. Вейцман (будущий первый президент Израиля), Н. Сыркин, С. Ан-ский, Шолом-Алейхем, Х.-Н. Бялик и многие другие. Будучи активным сионистом, в 1906 г. А.И. Кауфман принял участие в работе VI Базельского сионистского конгресса. Он принадлежал к демократической фракции Вейцмана и Усышкина, с которыми был в дружеских отношениях.

А.И. Кауфман был не только высококвалифицированным врачом, блестяще образованным русско-еврейским интеллигентом, обладавшим прекрасными знаниями в области мировой и еврейской истории, философии и литературы, но и имел несомненный организаторский талант. В истории дальневосточного еврейства он сыграл уникальную роль. По словам одного из современников, разбудил его от “летаргического сна” и “ввел в духовный контакт с внешним миром”³⁹.

Сразу по приезде в Харбин А.И. Кауфман активно включился в общественную жизнь города. В местной газете “Новости жизни” стали публиковаться его статьи по различным аспектам жизни еврейства. А за его статью, посвященную первой годовщине процесса по делу Бейлиса, газета была опротестована на 300 руб.⁴⁰ Деятельность А.И. Кауфмана в Харбине носила разносторонний характер: он работал врачом городской больницы Общественного управления, занимался частной практикой, принимал участие в деятельности городских общественных организаций (обществе защиты детей, городском приюте “Ясли” для бедных детей),

вместе с женой читал лекции в педагогическом обществе, в общественной библиотеке. Наряду с этим он активно включился в еврейскую жизнь города и со временем стал играть в ней одну из ключевых ролей.

В истории еврейской общины Харбина заметную роль сыграл также раввин Аарон Киселев, поселившийся в городе в 1913 г. Он обладал глубокими знаниями в области иудаизма, был также прекрасным знатоком русского языка и русской литературы, блестящим оратором. В своей деятельности А. Киселев не ограничивался только религиозной сферой, принимая активное участие и в еврейской общественной жизни. До конца своих дней (умер в 1949 г.) он являлся бессменным раввином ХЕДО и снискал огромный авторитет среди евреев Дальнего Востока.

С приездом в Харбин А.И. Кауфмана в городе заметно активизировалась сионистская деятельность. В июне 1912 г. здесь было создано Палестинское общество. Оно стало центром сионистской работы не только в городе, но и на всем Дальнем Востоке. Еженедельно по субботам им устраивались лекции и доклады по национальной и сионистской тематике, по еврейской литературе и истории.

К 1913 г. город превращается в крупный торгово-промышленный центр. Численность его населения составляла 68 тыс. чел. Здесь находилось более 200 магазинов, 46 фабрик и заводов, огромное количество мелких лавок, складов, мастерских и т.п.⁴¹.

В экономической жизни Харбина евреи к этому времени играли немалую роль, особенно в отраслях местной промышленности – лесной, маслобойной, мукомольной, винокуренной, табачной, сахарной и т.д. Так, упоминавшийся уже купец Роман Кабалкин успешно занимался экспортом маньчжурской пшеницы и соевых бобов в Европу. В 1914 г. он основал большой маслобойный завод, оборудованный по последнему слову техники. Производимое на этом предприятии высококачественное соевое масло экспортировалось в Соединенные Штаты Америки. Далеко за пределами Харбина была известна фирма, основанная Семеном Соскиным и его братьями. Она также занималась экспортом

пшеницы, соевых бобов, растительного масла и соевых лепешек в Европу. Главным поставщиком леса на КВЖД был Леонтий Скидельский, приобретший у китайского правительства несколько лесных концессий. При поддержке местной китайской администрации он купил Мулинские угольные копи, начавшие снабжать с 1910 г. Харбин и другие населенные пункты дороги углем⁴². Традиционно значительным было участие евреев в финансовой сфере. Достаточно отметить, что городской биржевой комитет возглавлял еврей, инженер М.И. Фрид.

Численный рост общины, укрепление ее финансовой базы позволили оказывать помощь малоимущим членам в организации собственного дела. Для этих целей в 1913 г. было создано благотворительное общество “Гмилус Хесед”, занимавшееся выдачей беспроцентных ссуд торговцам, ремесленникам и предпринимателям. Своевременно оказанная поддержка спасала людей не только от бедности, но и от деморализующего влияния бездельности и праздности.

В августе 1914 г. в Харбин пришло известие о вступлении России в войну. Оно вызвало подъем патриотических чувств среди российского населения города. Не стала исключением и еврейская община. Однако вскоре сюда стали доходить вести о массовой депортации еврейского населения, осуществляемой по приказу Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, о десятках тысяч беженцев, которым некуда было бежать в силу существовавшего закона о черте оседлости. Страдания российских братьев не оставили местных евреев равнодушными. 9 ноября 1914 г. по инициативе А.И. Кауфмана и Е.И. Добисова с разрешения администрации КВЖД состоялось совещание членов городской еврейской общины, на котором обсуждался вопрос об оказании помощи евреям-жертвам мировой войны⁴³. На нем был создан Комитет помощи евреям-жертвам войны (ЕКОПО). Он обратился с воззванием ко всем еврейскому населению города, назвав дело помощи жертвам войны святой работой, и призвал всех принять в ней участие. “Пусть каждый, – говорилось в воззвании Комитета, – помня об этом вели-

ком море еврейской нужды, об этой бездне народного горя, откликнется на святое дело помощи жертвам войны”⁴⁴. На совещании было принято также решение о том, что каждый член общины в течение войны один раз в неделю свой однодневный заработок должен перечислять в фонд помощи пострадавшим. Комитет разослал письма фирмам и учреждениям, а также в адрес еврейских общин населенных пунктов полосы отчуждения КВЖД и Приамурья с призывом подключиться к делу помощи.

Еврейское население Харбина, насчитывавшее к тому времени 5500 чел. из свыше 43 тыс. проживавших в городе россиян⁴⁵, живо откликнулось на призывы о помощи своим братьям. К ней подключились представители всех социальных слоев общества, включая учащуюся молодежь. Как отмечал А.И. Кауфман, “даже малосостоятельные евреи обложили себя в 50, 30, 20 копеек в месяц”⁴⁶.

По инициативе комитета в городе регулярно проводились концерты, читались лекции, сбор от которых шел в пользу беженцев. Только за первые девять месяцев было собрано свыше 20 тыс. руб.⁴⁷ Ежемесячно переводились также взносы в фонд Еврейского комитета помощи жертвам войны, организованного в октябре 1914 г. в Петрограде. Это делалось по просьбе руководства Комитета, обратившегося за помощью к харбинцам.

Начиная с июня 1915 г., в Харбин стали прибывать первые беженцы из наиболее пострадавших в ходе военных действий губерний – Виленской, Ковенской, Минской, Подольской и др. Для них были арендованы квартиры, переоборудованные в общежития, где каждый беженец был обеспечен всем необходимым. В ноябре 1915 г. была открыта столовая для беженцев, где также получали горячее питание местные бедняки.

Деятельность комитета расширялась. Для налаживания всесторонней работы был образован ряд комиссий: эмигрантская, санитарно-медицинская, по сбору вещей, “по приисканию труда” и др. В общежитиях для беженцев был организован ежедневный прием больных, дежурство фельдшеров, действовала аптека. Вся меди-

цинская помощь оказывалась на безвозмездной основе. Во избежание распространения эпидемий все прибывшие проходили вакцинацию против оспы и получали еженедельно бесплатный билет в баню. Не ограничиваясь благотворительной помощью для безработных людей, ЕКОПО по мере возможности пытался оказывать содействие в поисках работы, в предоставлении кредитов для открытия собственного дела. В условиях наступившего в городе экономического кризиса это было весьма непростой задачей.

Нелегко было общине содержать на свои средства и всех прибывавших беженцев. В 1915 г. на обеспечении ХЕДО находились свыше 800 чел., что обходилось ей в сотни тысяч рублей⁴⁸. Помимо этого, она еще находила возможности оказывать разовую помощь евреям, проживавшим в России на территориях, наиболее пострадавших в ходе военных действий. Так было, например, в 1916 г., когда из Центрального Комитета помощи евреям-жертвам войны была получена телеграмма с просьбой оказать содействие в снабжении пасхальными продуктами еврейское население русской Галиции и Буковины. Харбинским ЕКОПО немедленно был организован сбор денег, давший в течение двух дней 5 тыс. руб.⁴⁹

Большую радость среди местных евреев вызвало решение российского Совета министров о расширении черты оседлости, принятое в августе 1915 г. "По этому случаю, – сообщала газета "Уссурийский край", – в Харбине в синагоге было отслужено молебствие о здравии государя императора, государыни императрицы, наследника цесаревича и всех членов царствующего Дома. Кроме того, было отслужено молебствие о даровании здравия и победы Верховному главнокомандующему [к тому времени Николаю II – В.Р.] и доблестной русской армии"⁵⁰.

Решение правительства облегчало условия миграции евреев, и многие из них направились в Америку, спасаясь от погромов, нищеты и бесправия. Поскольку на западе продолжались военные действия, Харбин превратился в одну из главных перевалочных баз русских евреев, выезжавших в США. Большинство эми-

рантов сжали без всяких средств к существованию, надеясь, в том числе, на помощь единоверцев. И такая помощь неизменно оказывалась. Ее объемы значительно возросли после революционных событий 1917 г. в России.

Произошедшая на Родине Февральская революция внесла существенные изменения в жизнь города: произошла резкая политизация всех его общественных институтов. Харбинское общественное управление, занимавшееся до этого преимущественно хозяйственными вопросами, превратилось в политическую трибуну. Наступившие в России перемены были встречены горожанами с одобрением. Состоявшееся 3 марта 1917 г. собрание уполномоченных Общественного управления с представителями общественных организаций города направило приветственную телеграмму Председателю Государственной Думы М.В. Родзянко⁵¹.

Евреи Харбина, как и всей бывшей Российской империи, с особенной радостью встретили известие о Февральской революции, свергнувшей режим, принесший им столько страданий. Вместе с тем, как подчеркивал в своих воспоминаниях А.И. Кауфман, его земляки «встретили этот акт не как раскрепощенные рабы, а как свободные сыны еврейского народа, всегда свободной в своей духовной жизни еврейской нации, идущей по историческому пути национального возрождения»⁵². И действительно, уже в эти годы складывается особый тип ментальности харбинского еврея, который формировала особая, ни на что не похожая атмосфера города.

После революции в Харбине, как и в России, стали возникать или легализоваться различные политические и общественные союзы. В марте 1917 г. был создан Совет солдатских и рабочих депутатов во главе с М.Н. Рютиным, занимавшим в тот период антибольшевистские позиции. Представители Совета, как и всех других общественных объединений города, были включены в состав Собрания уполномоченных, объявившего 8 марта о создании в городе Исполкома. В него вошел и А.И. Кауфман, являвшийся председателем двух городских общественных организаций — Общества врачей и Общества служащих городского самоуправления (создано в марте

1917 г.). Образовавшийся Совет рабочих и солдатских депутатов сразу заявил о своих претензиях на власть. Однако состоявшееся в июле 1917 г. заседание Исполкома вынесло резолюцию, выражавшую доверие Д.Л. Хорвату⁵³. Присутствовавший на собрании А.И. Кауфман находился в числе тех, кто выступил в защиту Управляющего дорогой. В частности, давая отповедь местным радикалам, он охарактеризовал генерала как “порядочного человека, поступающего по чистой совести, в отличие от многих, переодевшихся в овечью шкуру”⁵⁴. Временно вопрос о смене власти в городе и полосе отчуждения КВЖД был снят.

Огромную радость харбинских евреев вызвало решение Временного правительства об отмене национальных и вероисповедальных ограничений, принятое в марте 1917 г. Скорее, это была радость за своих братьев, проживавших в России, ибо сами харбинцы, как уже подчеркивалось выше, не испытывали на себе подобного рода ограничений. Как сообщала томская газета “Вестник сибирских евреев”, по этому случаю в харбинской хоральной синагоге было совершено торжественное моление, на котором присутствовало около 1,5 тыс. чел. Здание не вмещало всех желающих. “С речами о раскрепощении евреев выступили раввин Киселев, д-ра С.И. Равикович и А.И. Кауфман”⁵⁵.

После Февральской революции в Харбине, как и в России, начался бурный рост еврейских партий и движений различной ориентации: от коммунистической до ортодоксально-религиозной. Вскоре, как и на общероссийской политической арене, между ними развернулась острая борьба.

В марте 1917 г. Палестинское общество было переименовано в сионистскую организацию, которая стала выступать под своим собственным флагом и развернула активную деятельность. Помимо сионистов, значительную активность проявляли бундовцы, представители “Фолкспартай”⁵⁶, “Поалей-Цион”, “Циорей-Цион” и др. Сильными в общине в этот период были позиции религиозных ортодоксов. Так, когда в марте 1917 г. решался вопрос о реорганизации общины города на демократических принципах, они резко выступили про-

тив всеобщего избирательного права и, в первую очередь, против участия женщин в жизни общины⁵⁷. Потребовалась долгая и весьма упорная борьба, чтобы этот вопрос разрешился положительно. Однако основное противоборство в первые послереволюционные годы развернулось между представителями левых радикальных партий (Бундом и “Поалей-Цион”) и сионистами. С течением времени деятельность всех еврейских политических партий сошла на нет, а влияние сионизма стало доминирующим.

Свершившаяся в Петрограде Октябрьская революция нашла моментальный отклик в Харбине. Перешедший накануне на позиции большевизма М.Н. Рютин в ноябре 1917 г. получил телеграмму за подписью В.И. Ленина с указанием Совету рабочих и солдатских депутатов взять власть в свои руки. После некоторых колебаний 27 ноября Харбинский Совет провозгласил себя единственным органом власти, а 1 декабря объявил об отстранении от занимаемых должностей Управляющего КВЖД, российского консула и ряда высших чиновников из Управления дороги⁵⁸. Эти действия заставили Д.Л. Хорвата обратиться за поддержкой к китайским властям, уже выражавшим беспокойство по поводу присутствия революционно настроенных российских войск на его территории. 12 декабря 1917 г. китайские войска разоружили русских ополченцев; они были посажены в поезда и высланы за пределы Маньчжурии. Таким образом была пресечена попытка большевистского переворота в полосе отчуждения дороги. Как отмечает Г.В. Мелихов, “реакцией русского населения полосы отчуждения дороги на эти события стало резкое падение “революционной” активности, интереса к политической деятельности вообще, общая апатия и усталость”⁵⁹. Временно удалось установить в целом прежний порядок управления в полосе отчуждения КВЖД, однако ее правовой статус оставался неурегулированным.

Значительный резонанс среди всей еврейской общности города вызвало в ноябре 1917 г. известие о провозглашении Декларации Бальфура, открывшей путь к созданию еврейского государства в Палестине. Оно было встречено с необыкновенным ликованием,

особенно сторонниками сионизма. Отныне важнейшим направлением их деятельности становится всевозможное содействие еврейской колонизации Палестины, причем Харбин со временем превратился в центр этой работы в регионе.

Отношение еврейского населения города к свершившейся в России Октябрьской революции не было столь однозначным. Община не имела консолидированной позиции в этом вопросе. Она была раздираема внутрипартийными противоречиями. Однако руководство ее призывало сохранять нейтралитет и не вмешиваться в происходившую в России политическую борьбу. И даже когда Д.Л. Хорват провозгласил в июле 1918 г. себя Временным Верховным российским правителем, Совет общины отказался выступить с официальным приветствием, несмотря на уважительное отношение к генералу. Сделано это было с целью избежать втягивания еврейского населения в гражданскую войну в России и оградить его от последствий такого вмешательства.

ХЕДО сосредоточила свою работу на решении внутренних вопросов еврейской жизни города, а также проблем, связанных с возрождением национального государства. На повестке дня стояла задача реорганизации общинной жизни на демократических началах. В 1918 г. началась подготовка к выборам в Совет общины. Она проходила в условиях острой межпартийной борьбы. Выборы состоялись в апреле 1919 г. и были всеобщими, с участием женщин, равными, прямыми, тайными. Голосование проходило по шести партийным спискам. В его ходе убедительную победу одержали сторонники сионизма: они провели своих представителей на 30 из 40 мест в Совете.⁶⁰

Острая борьба в этот период развернулась также вокруг выдвижения делегатов на Всероссийский съезд, решение о проведении которого было принято Временным правительством еще в июле 1917 г., а также вокруг выборов в Учредительное собрание. На прошедших в январе 1918 г. выборах на Всероссийский еврейский съезд (как отмечалось выше, так и не состоявшийся) было выставлено 4 списка. Из 1866 пришедших к урнам

избирателей 1361 отдали свои голоса сионистам. На втором месте с большим отрывом были представители Бунда (228 голосов). 167 голосов собрала “Фолкспартай” и 102 – “Поалей-Цион”⁶¹. И хотя преобладание политического влияния сионистов было очевидным, их конфронтация с представителями крайне левых партий по принципиальным вопросам внутриобщинной жизни носила в этот период весьма острый характер. Представители Бунда и “Поалей-Цион” делали ставку на разжигание классовой борьбы, вносили деструктивное начало в деятельность общинного совета. Выступая совместно против сионистов, они вместе с тем вели ожесточенную борьбу между собой. Их деятельность, хотя и не имевшая массовой поддержки среди еврейского населения, наносила в первые послереволюционные годы немалый ущерб национальной общине. Она окончательно сошла на нет после ликвидации ДВР и утверждения советской власти на Дальнем Востоке.

Осенью 1917 г. одной из основных проблем в деятельности ХЕДО становится проблема беженцев. Созданный во время войны Комитет помощи оказывал им постоянное содействие. Прибывавших в Харбин людей Комитет размещал в трех специальных общежитиях и обеспечивал горячим питанием. Этим помощь пострадавшим единоверцам не ограничивалась; ежемесячно весьма немалые суммы переводились и в адрес Петроградского комитета помощи жертвам войны. Они поступали от взносов и пожертвований, от концертов в пользу пострадавших. Однако после революционных событий в России наплыв беженцев принял столь значительные масштабы, что община перестала с ним справляться. Это заставило Эмигрантскую комиссию обратиться через петербургскую газету “Еврейская неделя” ко всем общинам России с призывом оказывать материальную помощь всем ценимым, выпущенным эмигрировать, ибо ХЕДО это стало не под силу⁶². Правда, вскоре помощь пришла от американских евреев. В начале 1918 г. для эмигрировавших из России в Америку из-за военных действий были закрыты европейские порты. В этой связи американским еврейским эмиграционным обществом (ГАЙАС) в Харбине было созда-

но эмиграционное бюро для еврейских беженцев, следовавших транзитом через Сибирь и Дальний Восток к своим родственникам в Америку. В него вошли представители не только ХЕДО, но и различных еврейских партий. Отделения бюро были открыты в Иркутске и Владивостоке⁶³. После заключения Версальского мирного договора деятельность ГАЙАС была перенесена в Европу, а эмиграционное бюро было преобразовано в Дальневосточное информационное бюро для евреев-жертв войны.

Начиная с октября 1918 г., предметом заботы ХЕДО стали также семьи тех, кто был мобилизован в армию по приказу Колчака.

Революция и гражданская война в России, в том числе на Дальнем Востоке, обусловили превращение Харбина в один из крупнейших центров российской эмиграции. Возросла численность еврейского населения. По переписи 1919 г., она составила 7554 чел., или 16 % всего российского населения Харбина⁶⁴. Среди прибывших в город евреев было немало беженцев. Община продолжала оказывать им посильную помощь. Дальневосточное информационное бюро содействовало в розыске родственников в Америке, а также в получении сведений о судьбе родных и близких, оставшихся на Родине. В условиях, когда Дальний Восток был в 1920 г. отрезан от Советской России, для организации почтовой связи с родственниками беженцев харбинским и иркутским отделениями Дальневосточного информационного бюро были открыты пункты по пересылке писем в Россию⁶⁵.

При помощи харбинцев к 1920 г. к родственникам в Америку были переправлены 2500 евреев, пострадавших от войны⁶⁶.

Тем временем разворачивавшиеся в России и, в частности, на Дальнем Востоке политические события изменили статус полосы отчуждения КВЖД. Она превратилась в зону притяжения всех оппозиционных новому режиму в России сил, региональную базу формирования вооруженного сопротивления. Потерпев неудачу в первых выступлениях против советской власти, атаманы Г.М. Семенов и И.П. Калмыков с помощью иност-

ранных консульств стали создавать на КВЖД свои отряды. Им оказывали поддержку Управляющий дорогой Д.Л. Хорват и российские предприниматели. Характерной чертой борьбы за влияние на КВЖД стали бесчинства и грабежи (г.н. реквизиции), совершавшиеся вопреки протестам Хорвата⁶⁷. Все это самым неблагоприятным образом отражалось на жизни Харбина, внося в нее хаос и дезорганизацию.

В целях обеспечения бесперебойной работы Транссиба и КВЖД представители союзных войск в январе 1919 г. заключили соглашение о межсоюзном контроле над указанными железными дорогами. В состав образованного с этой целью Межсоюзного железнодорожного комитета (МЖК) вошли представители Китая, Франции, Великобритании, Италии, Японии, России и Соединенных Штатов⁶⁸. Однако главную роль в МЖК играла американская железнодорожная миссия во главе с инженером Дж. Стивенсом, возглавлявшим Технический совет⁶⁹.

После колчаковского переворота в ноябре 1918 г. борьба за контроль над КВЖД усилилась и формально продолжалась до 1920 г., когда китайская администрация решила взять власть в свои руки. Этому предшествовало усиление политического противоборства в полосе отчуждения и, в первую очередь, в Харбине, укрепление позиций большевиков. Объявленная 13 марта политическая забастовка вынудила Д.Л. Хорвата уйти в отставку. В этой ситуации китайская администрация ввела 19 марта свои войска в полосу отчуждения дороги. 23 сентября 1920 г. в китайской прессе был опубликован декрет президента Китайской республики, в соответствии с которым упразднялись царские посольства и консульства, а также русский суд, полиция и пр. Российские граждане утратили право экстерриториальности. В харбинской газете "Заря" Начальником штаба китайских войск генералом Джаном в этой связи давалось разъяснение: "В полосе отчуждения верховная власть принадлежит китайскому правительству, взявшему на себя охрану русского населения. Всякая деятельность политических организаций, партий или отдельных лиц, вредящая спокойствию населения и раз-

жигающая политические страсти, будет преследоваться⁷⁰. Таким образом, принципиально изменился правовой статус всех россиян: они становились бесподданными и попадали полностью под юрисдикцию китайских властей.

Вскоре вновь последовали перемены. Созданная в апреле 1920 г. в России Дальневосточная республика в первоначальном тексте Декларации в числе территорий в составе ДВР указала и полосу отчуждения КВЖД. Это вызвало резко негативную реакцию Пекина. В октябре 1920 г., полоса отчуждения КВЖД была переименована китайскими властями в Особый район Восточных провинций.

Однако следует отметить, что китайские власти фактически не вмешивались в жизнь российской колонии Харбина. В свою очередь, большинство россиян стремилось дистанцироваться от политической борьбы и заниматься решением текущих житейских проблем. Вместе с тем им была далеко не безразлична судьба своей бывшей Родины.

В августе 1921 г. стало известно о разразившемся в России страшном голоде. Это вызвало отклик среди русского населения Маньчжурии; повсюду стали возникать общественные комитеты помощи голодающим Советской России. Особоуполномоченный Дальневосточной республики в бывшей полосе отчуждения КВЖД Э.К. Озорнин обратился ко всем общественным и демократическим организациям с призывом принять участие в совещании по вопросу оказания помощи голодающим в России. Управа ХЕДО в числе других 43 общественных и политических организаций города делегировала своих представителей и приняла самое деятельное участие в обсуждении проблемы организации помощи голодающим россиянам⁷¹. Председателем Харбинского общегородского Комитета, взявшего на себя координацию этой работы, был избран доктор А.И. Кауфман. В этом качестве он проявил себя энергичным и толковым организатором. Своевременно был установлен контакт с аналогичным Всероссийским комитетом, определены основное содержание ожидаемой помощи, условия ее распределения на местах и пр. Непосредственно в Маньчжурии на всех

крупных станциях дороги были созданы отделы Комитета, оперативно решен вопрос о льготных тарифах для отправляемых в Россию продуктов⁷².

Вскоре с Украины и из России стали поступать сообщения о кровавых погромах, учиненных там. Судьба несчастных собратьев вызвала самое живое участие и сострадание у харбинских евреев. Для обсуждения вопросов, связанных с организацией эффективной помощи, 5 октября 1921 г. по инициативе общинной управы было создано общегородское совещание всех местных еврейских организаций (всего их было 26). На нем было принято решение о создании Дальневосточного общественного комитета помощи сиротам-жертвам погромов, в который вошли представители 22 еврейских организаций различной направленности⁷³. Было избрано исполнительное бюро в составе 9 человек. Совещание постановило обратиться ко всем евреям Дальнего Востока с призывом прийти на помощь своим российским собратьям. В выпущенной по инициативе совещания листовке говорилось: "И вы придете на помощь. Вы докажете нашим братьям, что мы вместе с ними в их великой нужде, в их большом горе"⁷⁴.

На совещании было принято решение эвакуировать на Дальний Восток определенное количество сирот-жертв погромов с обязательством содержать их и воспитывать, пока не встанут на ноги⁷⁵. Комитету помощи было поручено обратиться в соответствующие инстанции с просьбой об эвакуации с Украины в Харбин 200 сирот в возрасте от 4 до 8 лет⁷⁶. Помимо этого, группа из 20 богатых евреев города изъявила желание взять на содержание еще 50 сирот. Вскоре торговцы среднего достатка объявили о готовности обеспечить всем необходимым еще 122 ребенка⁷⁷. Однако украинские и российские организации помощи отвергли эти предложения, мотивируя это трудностями эвакуации детей, обусловленными разрухой железнодорожного транспорта, эпидемиями и проч. В свою очередь, евреи Харбина не устроило встречное предложение — направлять в адрес комитетов помощи денежные средства, которые те используют по своему усмотрению. В итоге было принято компромиссное решение: Дальне-

восточный еврейский общественный комитет помощи сиротам-жертвам погромов берет под свое покровительство один из детских домов на Украине, в местах недавней резни. Выбор пал на Харьков, и 500 сирот одного из местных детских домов перешли на попечение харбинских евреев. Для их содержания переводились деньги, направлялись вагоны с продовольствием. Еврейскими женщинами города был учрежден специальный “Золотой фонд” помощи пострадавшим, куда поступали жертвуемые ювелирные изделия. Журнал “Сибирь-Палестина” сообщал в одном из своих номеров в те дни, что, например, некая “г-жа Атлас передала в “Золотой фонд” для воспитания и образования сирот-жертв погромов золотые часики, обручальное кольцо, три золотых кольца, золотую брошь, золотую монограмму и золотой брелок”⁷⁸. И таких примеров было немало.

В течение 1921-1922 гг. в Харькове трижды побывали представители комитета. В 1922 г. Всемирная еврейская конференция приняла решение о переселении круглых сирот, пострадавших от погромов на Украине, в различные страны. Опекаемые харбинцами харьковские детдомовцы весной 1923 г. были отправлены в Аргентину⁷⁹. Однако шефство общины над детьми города не прекратилось. За счет помощи харбинских евреев в Харькове была открыта столовая, где получали двухразовое питание 875 детей в возрасте от 1 до 14 лет. Причем эта столовая была единственной в городе, где дети получали также медицинскую помощь и снабжались вещами⁸⁰.

В помощь жертвам погромов Комитет регулярно организовывал в городе недели сбора вещей и продуктов. Работа эта координировалась с Российским общественным комитетом помощи сиротам-жертвам погромов, а также с Центральным дальневосточным комитетом помощи голодающим. Известно, что председатель последнего – министр по делам национальностей ДВР К.Я. Лукс – в мае 1922 г. выезжал в Харбин и встречался с А.И. Кауфманом⁸¹.

Харьков был не единственным адресатом помощи харбинских евреев. В 1922 г. 4 вагона с продовольстви-

ем для жертв погромов было направлено в Самару⁸². Всего в 1921-1922 гг. евреями Маньчжурии было направлено в помощь россиянам - евреям и не евреям 5 эшелонов продовольствия, по 30 вагонов в каждом⁸³. Помощь харбинцев спасла не одну сотню жизней в голодающей России, о чем свидетельствовали письма, постулавшие на имя правления общины.

Эта благородная деятельность -- одна из ярких страниц в истории ХЕДО. Она стала важнейшей составляющей кампании помощи дальневосточной российской эмиграции голодающим в Советской России.

Следует заметить, что после Октября 1917 г. евреи Маньчжурии из российских граждан в большинстве своем превратились в эмигрантов. Милосердие к попавшим в беду соотечественникам -- единственный мост, связывавший их с бывшей Родиной, которая по большому счету отнюдь не была для них любящей матерью. Не стала она таковой и с приходом к власти большевиков. И это понимали харбинские евреи. Правда, они высоко ценили стремление и готовность советской власти вести последовательную борьбу с антисемитизмом. "Мы, разумеется, знаем, -- писал журнал "Сибирь-Палестина" в 1920 г., -- что в настоящее время Советская власть -- единственная власть, которая может обеспечить российскому еврейству хотя бы просто физическое существование, и всей силой своего авторитета, не оттаиваясь и перед мерами непосредственного воздействия, она стремится дать евреям эти гарантии личной безопасности в борьбе с погромными элементами"⁸⁴. Наряду с этим решительное осуждение встретила деятельность большевистской Евсекции, направленная на искоренение всего подлинно национального в российском еврействе. "Большевистский режим, не допуская погромов, произвел самый ужасный разгром в экономическом и духовно-национальном отношении", -- отмечал тот же журнал⁸⁵.

На фоне событий, происходивших в Советской России и в мире, росла притягательность идей сионизма. В еврейской общине Харбина влияние его последователей заметно укрепилось. Местные сионисты поддерживали тесные связи с руководящими органами движения

в целом, а также с Центральным бюро сионистской организации Сибири и Урала. В конце декабря 1918 г. А.И. Кауфман выезжал в Иркутск в качестве делегата Всесибирского съезда еврейских общин и выступал там с докладом. В январе 1919 г. он, как отмечалось выше, был избран уполномоченным от Дальнего Востока в Исполнительное бюро Национального совета сионистской организации. Со свойственной ему энергией он взялся за развертывание сионистской работы на Дальнем Востоке, выезжая в различные города региона.

В конце марта 1919 г. в Харбине состоялся съезд сионистских организаций Дальнего Востока, в котором приняли участие делегаты из Харбина, Маньчжурии, Шанхая, Владивостока, Благовещенска и Мукдена, а также от различных организаций сионистской направленности. Съезд избрал в качестве руководящего органа районный комитет, в который вошли представители сионистского движения городов, приславших своих делегатов⁸⁶.

В связи с развернувшимися на российском Дальнем Востоке гражданской войной и интервенцией, а также благодаря наличию сильной местной организации, именно Харбин превратился в центр сионизма в регионе. Там было создано Временное Палестинское информационное бюро, в задачи которого входили:

1. Постоянная подробная информация о всех сторонах жизни в Палестине.
2. Регулирование эмиграции, выдача виз, организация в Палестине бюро труда для подыскания работы эмигрантам из Сибири. Помощь приезжающим в страну (организация сибирских трудовых групп, сибирских кооперативных колоний на землях Национального фонда).
3. Мобилизация сибирских еврейских капиталов для Палестины.
4. Организация при Бюро труда торговых и промышленных отделов, изыскивающих наилучшие способы использования капиталов в Палестине. Исполнение всякого рода поручений по приобретению земли и другим операциям.
5. Издание специального печатного органа для евреев Сибири и Дальнего Востока.

В октябре 1920 г. вышел первый номер упоминавшегося выше еженедельного журнала “Сибирь-Палестина”. Это был единственный в те годы еврейский печатный орган на Дальнем Востоке. Он содержал разнообразную информацию о Палестине, о проблемах ее колонизации, а также публиковал материалы о жизни еврейских общин Дальнего Востока, Сибири и в целом России, а также зарубежного еврейства. Его редактором в течение первого полугодия был А.М. Евзеров, а затем на протяжении 23 лет (с 1925 г. журнал выходил под названием “Еврейская жизнь”) – А.И. Кауфман.

Активизация переселенческого движения в Палестину, в том числе среди евреев Дальнего Востока, обусловила необходимость практической подготовки отъезжающих к нелегкому труду по освоению новых земель. В 1919 г. в Харбине возникла инициативная группа по созданию местного отделения организации “Гехолуц”, оказывавшей помощь в подготовке колонистов к земельческому труду в Палестине. Она состояла из молодых людей, собравшихся переселиться на Ближний Восток. Местная сионистская организация уделяла большое внимание их идеологической, физической и профессиональной подготовке. В мае 1921 г. в Харбине состоялся съезд дальневосточных организаций еврейской молодежи, стоявшей на “палестинской платформе”⁸⁷. Он учредил дальневосточную сионистскую организацию еврейской молодежи “Геховер”, преследовавшую цели национальной культурно-просветительской работы⁸⁸. Физическая подготовка молодежи осуществлялась через спортивное общество “Маккаби”, созданное в Харбине в 1920 г.⁸⁹

Существовали в городе и другие сионистские организации различных направлений⁹⁰. Но вне зависимости от имевшихся между ними разногласий, все они оказывали посильную помощь в освоении территории будущего государства в Палестине. Значительна их роль и в формировании национального самосознания харбинского еврейства, приобщении его к богатой культуре своего народа.

В 20-е годы Харбин превратился в самый крупный и хорошо организованный центр российского еврейства

на Дальнем Востоке. В эти годы возрастает численность общины и расширяется деятельность, охватившая все наиболее существенные сферы жизни евреев города. Со временем это способствовало тому, что она превратилась во вполне самостоятельную структуру, способную существовать в "автономном режиме", что обеспечивало ее жизнедеятельность в условиях практически постоянной политической нестабильности в Маньчжурии.

В 1918 г. на пожертвования было закончено сооружение здания еврейской гимназии – одного из лучших среди учебных заведений города⁹¹. Целью обучения в ней являлся "синтез еврейской науки, иудаизма и общечеловеческой культуры"⁹². С 1921 г. еврейские дети могли получить образование, помимо Еврейской гимназии и Талмуд-Торы (построенной на пожертвования семьи Скидельских), также в Харбинском Общественном Коммерческом училище (ХОКУ). В нем обучались русские, татары, армяне, грузины, украинцы и китайцы, но евреи составляли 40-50 % от общего состава учащихся. Его первым директором был знаменитый профессор Н.В. Устрялов, основатель движения сменовсховцев. Им был заложен фундамент этого образовательного учреждения, обеспечивший в дальнейшем высокий уровень учебного процесса в лучших традициях русской педагогики с учетом передового зарубежного опыта. Для еврейских учащихся вместо уроков, отведенных по расписанию для изучения православными Закона Божьего, преподавались еврейская история и еврейская литература. Финансирование преподавания этих предметов осуществлялось еврейской общиной города. Выпускники ХОКУ, просуществовавшего 10 лет, получали прекрасное классическое образование, что обеспечивало им возможности поступления впоследствии в университеты многих стран мира.

Заболталась община и о малоимущих гражданах, которые не могли обеспечить своим детям получение образования такого уровня. В 1921 г. при Дамском благотворительном обществе была открыта трудовая школа, где около 40 девушек бесплатно обучались кройке и шитью.

В 1923 г. в Харбине российскими евреями был учрежден Еврейский народный банк, созданный с целью оказания помощи еврейским коммерсантам в расширении их деятельности. Каждый вкладчик становился владельцем акций банка с правом на получение ссуды. Благодаря эффективному управлению, он оказался самым долговечным иностранным банком города, просуществовав до 1951 г.

В 1921 г. был открыт дом для престарелых, построенный общиной на средства С.М. и И.А. Рабиновичей. Он предоставлял жилье одиноким старикам, а также тем, кого родственники были не в состоянии содержать. Первоначально дом был рассчитан на 25 человек, находившихся на полном пансионе. Позднее число опекаемых было значительно увеличено. Для оказания малоимущим бесплатной медицинской помощи существовала больничная касса “Мишмерес Хейлим”. С 1925 г. начал действовать специальный приют для хронических больных. Всего при ХЕДО функционировали 6 благотворительных обществ различной направленности⁹³. Кроме них, благотворительностью занимались также религиозные и культурно-просветительские организации. По мнению Г.В. Мелихова, “еврейская колония имела в Харбине, начиная с 1918-1920 гг., самую разветвленную сеть благотворительных учреждений, открытых для людей всех национальностей и, кроме того, принимала активное участие во всех благотворительных акциях российских эмигрантов”⁹⁴.

В 1922 г. было положено начало созданию в Харбине женской сионистской организации. Ее первым руководителем была избрана Б.И. Шварц-Кауфман⁹⁵. Организация устраивала в городе концерты и вечера, приглашая популярных музыкантов и исполнителей. (Следует отметить, что в богатой музыкальной жизни Харбина евреи играли весьма заметную роль). Все собранные средства пополняли фонд организации, а также передавались на нужды общины. Усилиями женщин в городе были открыты детский сад и еврейская народная школа для детей от 6 до 10 лет с трехлетним курсом обучения⁹⁶.

Предметом особой заботы руководства общины была организация качественного медицинского обслу-

живания еврейского населения города, в первую очередь малоимущего. В немалой степени этот приоритет был обусловлен профессиональной принадлежностью одного из лидеров общины – доктора А.И. Кауфмана.

С численным ростом общины становилась очевидной необходимость создания в городе еврейской больницы. В 1922 г. правление КВЖД удовлетворило просьбу общества “Мишмерес-Хейлим” и предоставило для этих целей земельный участок площадью в 1324 кв. м. по цене 15 золотых руб. за сажень⁹⁷. Однако из-за финансовых и организационных трудностей строительство здания затягивалось. Амбулатория-больница была открыта лишь в 1933 г. и стала одним из лучших лечебных заведений города⁹⁸.

Руководство общины прилагало немало усилий, чтобы в условиях политической нестабильности в Маньчжурии сохранить все структуры ХЕДО и обеспечить удовлетворение и защиту интересов еврейского населения. Сделать это было непросто: власть постоянно менялась. Борьба за влияние на КВЖД не прекращалась. После падения режима Колчака большевистское правительство вело переговоры (вначале при посредстве ДВР) с официальными властями Китая о судьбе дороги⁹⁹.

В 1924 г. на Китайско-Восточной железной дороге произошли административные перемены. В соответствии с договоренностью между советским и китайским правительствами, управление дорогой стало осуществляться СССР совместно с Китаем на паритетных началах. 4 октября 1924 г. в Харбине были введены военное положение и предварительная цензура всей прессы. По воспоминаниям А.И. Кауфмана, “в городе стали носиться всевозможные слухи об арестах, реквизициях, национализациях, конфискациях и т.п. Это вызвало панику среди русского населения и, конечно, еврейского”¹⁰⁰. Российская общественность Харбина волновалась, стала принимать меры, направив своих представителей в управление КВЖД, советское консульство. Однако власти заверили, что никаких изменений в крае не произойдет, а циркулировавшие слухи о грядущих арестах, реквизициях и проч. не имеют под собой основа-

ний. После этого городской совет харбинского общественного управления¹⁰¹ опубликовал в прессе письмо, в котором призывал население к спокойствию, заверив, что никаких репрессий властями допущено не будет. Главнокомандующий Особого района восточных провинций генерал Чжу Цинь-лань опубликовал специальное обращение к русскому населению, в котором гарантировал ему защиту и безопасность независимо от религиозной и партийной принадлежности. Вскоре обстановка нормализовалась, и в целом жизнь вернулась в обычное русло. Все действовавшие в Харбине институты российской эмиграции продолжали свое существование, подчиняясь китайским властям. Последние особенно не вмешивались в их деятельность, требуя, однако, соблюдения всех необходимых формальностей. Так, в 1926 г. они предложили всем национальным общинам и благотворительным организациям пройти перерегистрацию и разработать новые уставы. Новый устав еврейской общины был утвержден в мае 1927 г. В соответствии с ним членами общины могли быть все лица еврейской национальности Харбина, достигшие 20-летнего возраста. Каждый член ХЕДО платил взнос в размере 2 местных долларов в год. Неимущие могли быть освобождены от этого взноса. Община имела право открывать и содержать школы и другие культурно-просветительские учреждения для еврейского населения.¹⁰² Правление состояло из 11 чел., рабочим языком по требованию властей был русский, что мотивировалось ими "отсутствием драгомана с еврейского языка".

Не вмешиваясь в деятельность национальных общин города, власть вместе с тем была не в состоянии обеспечить и абсолютно безопасные условия таковой. В Харбине, как и повсюду в Маньчжурии, орудовали шайки хунхузов, похищавшие людей, нередкими были хулиганские выходки антисемитов. Несмотря на отсутствие законных оснований, представителям советских органов удавалось чинить всевозможные препятствия российским эмигрантским организациям. С еврейской общиной борьба велась в духе проходившей в СССР антирелигиозной и антиссионистской кампаний. В своих воспоминаниях А.И. Кауфман приводит один при-

мер такого рода: "В 1927 г. еврейская и сионистская общественность решила устроить большой концерт еврейской музыки. Специальная комиссия разработала интересную программу концерта, строго выдержанную в еврейском духе. Здесь были номера еврейской народной, светской и духовной музыки". К участию в концерте были привлечены исполнители и коллективы высокого уровня мастерства (как известно, Харбин - в те годы один из центров российской эмиграции - жил богатой культурной жизнью, в которой не последнюю роль играли евреи). По словам А.И. Кауфмана, готовившийся вечер "вызвал огромный интерес еврейского и нееврейского населения, все билеты были проданы в течение двух дней". Но концерт не состоялся. Как выяснилось позднее, под пажимом советского "союза профсоюзов", обвинившего организаторов в контрреволюции и сионизме¹⁰³.

Однако, несмотря на все перипетии, как политические, так и экономические, еврейская общественная жизнь Харбина не прекращалась, хотя ее условия значительно ухудшились. Ситуация в Маньчжурии продолжала оставаться нестабильной. Китайские власти периодически вводили в городе военное положение. Перспективы города были неясными. Это вызвало миграцию российского населения, в том числе евреев, в другие районы Китая, прежде всего в Шанхай. Наиболее состоятельная часть российской эмиграции, включая евреев, перебиралась в Соединенные Штаты, Канаду, Австралию.

Община вступила в полосу затяжного кризиса. Ее руководство прилагало значительные усилия к сохранению всех созданных институтов, удовлетворявших разнообразные нужды еврейского населения. Основное внимание в своей деятельности община уделяла вопросам еврейской жизни, как местной, так и международной. Она стояла в стороне от всех других проблем либо обращалась к ним в той степени, в какой они затрагивали интересы еврейства. Как общественная структура города, она всегда живо откликалась на все общегородские нужды, но не вмешивалась в политическую борьбу. Безусловно, главным предметом размежевания раз-

личных местных политических организаций оставалось отношение к большевизму и к советской власти. Община, не вникая в дискуссии, выражала свое отношение к ним лишь в контексте еврейских проблем. Она подчеркивала свое невмешательство в русскую политическую жизнь, такова была ее официальная позиция. Так, постоянно осуждая политику коммунистов по отношению к сионизму (не представлявшему для них абсолютно никакой опасности), гонения на иврит, закрытие синагог и репрессии в отношении раввинов, она вместе с тем неизменно отмечала проводимую в Советском Союзе борьбу против антисемитизма. Все попытки перетянуть еврейскую общину в тот или иной политический лагерь встречали противодействие. Так, когда в одной из местных газет появилась статья некоего Смирнова, который, желая “защитить” евреев от обвинений в приверженности большевизму, утверждал, что евреи всегда были и остаются на стороне Белого движения, журнал “Еврейская жизнь” поместил следующий ответ: “Вовсе не нужно разделять точку зрения большевизма или быть в рядах коммунистов, даже более того, можно негодовать против бессмысленного преследования в России сионистов, протестовать против диких, ни на чем не основанных гонений на еврейский язык, но нельзя отрицать фактов... Советская власть борется с антисемитизмом, жестоко наказывая погромщиков”. Статья заключалась словами: “Нет, господа Смирновы, с вами нам не по пути”¹⁰⁴. Наряду с этим, община всегда дистанцировалась от советских организаций, действовавших на КВЖД.

Здесь следует отметить, что, разумеется, далеко не все проживавшие в Харбине евреи состояли в общине. По-прежнему велик был разброс в политических взглядах: от большевиков до монархистов, что, как правило, было присуще евреям с утраченной национальной самоидентификацией. Но и среди тех, кто ощущал себя евреем, не было политического и организационного единства: они состояли в различных национальных партиях и движениях, ведших между собой идейную борьбу. “Еще более широкий спектр, - по мнению выходя из Китая, профессора Б. Бреслера, - представля-

ли собой аполитичные евреи". Часть из них посещала советские школы, часть – русские (эмигрантские), другая часть – еврейские. "И все же, – пишет Б. Бреслер, – несмотря на эти различия, нам удавалось (за исключением небольшого числа фанатиков) мирно ужиться"¹⁰⁵. Более того, в случае возникавших угроз, шла ли речь о мировом еврействе или о еврейском населении города, харбинские евреи в массе своей действовали солидарно.

При этом следует отметить, что они продолжали ощущать себя россиянами и живо реагировали на все события, касавшиеся их российских братьев. В конце 20-х гг. в разгар антирелигиозной кампании в СССР ХЕДО еще пыталась оказывать им посильную помощь. Так, в 1929 г. президиум общины отправил 1500 долл. через Берлинский комитет для евреев СССР в связи с разрешением Советского правительства ввезти в страну 15 тыс. пудов мацы. В тот же год было направлено для этих же целей 500 долл. для голодавших раввинов Бессарабии¹⁰⁶. От имени еврейской общественности президиум ХЕДО обратился с воззванием о помощи к еврейскому населению города: "Нужда русского еврейства велика. Мы, евреи Дальнего Востока, которым русское еврейство ближе всех, должны первые протянуть нашим братьям руку помощи. Пусть каждый из вас, садясь за пасхальную трапезу, сможет со спокойной совестью сказать, что он исполнил свой долг перед обездоленным братом"¹⁰⁷. В рамках кампании солидарности в городе еще неоднократно проводился сбор средств в пользу советских раввинов, лишенных (как и служители всех других конфессий) всех прав и средств к существованию. Деньги эти направлялись в Советский Союз, однако неизвестно, поступали ли они по назначению. Во всяком случае, как сообщал в конце 1929 г. журнал "Еврейская жизнь", многие из направленных в СССР посылок с мацой возвращались в Харбин, "т.к. адресаты были не в состоянии заплатить высокую пошлину"¹⁰⁸. Характер происходивших в Советском государстве политических процессов все больше препятствовал продолжению каких-либо контактов местных евреев с их российскими братьями.

Условия жизни в Харбине со временем сформировали своеобразный культурно-психологический тип местного еврея. Будучи корнями связан с Россией и русской культурой, он обрел возможность свободно изучать культуру, язык, историю и традиции собственного народа. Харбинские евреи в массе своей были зажиточны и отличались достаточно высоким образовательным и культурным уровнем. Характеризуясь культурной и религиозной толерантностью, они, как правило, не ассимилировались и проявляли приверженность национальным ценностям и традициям, в числе которых филантропия и солидарность – в ряду важнейших. Условия жизни, воспитание и образование сформировали у харбинского еврея развитое чувство собственного национального достоинства и готовность его отстаивать. Община уделяла большое внимание спортивной и даже военной подготовке своей молодежи, которая осуществлялась в многочисленных секциях. В целом харбинские евреи по своей ментальности значительно отличались от тех местечковых евреев царской России, которые являлись жертвами погромов. (Это было особенно очевидным в 30-40-е годы, когда община не только вела антинацистскую пропаганду и оказывала посильную помощь беженцам из Европы, но и давала отпор, в том числе физический, членам местной Русской фашистской партии, созданной в 1931 г. Родзаевским.¹⁰⁹).

Вместе с тем история харбинской еврейской общины является преемственной по отношению к истории дореволюционного российского еврейства, в т.ч. дальневосточного. Она по-своему уникальна и неповторима. Община Харбина объединяла главным образом российских евреев, которые, сохраняя и культивируя свою еврейскую самоидентификацию, не теряли российских корней. Значительная их часть была двукультурной и двуязычной, и, что самое примечательное, в этих же традициях осуществлялось воспитание второго поколения харбинских евреев. И в этой сохранившейся приверженности двум культурам – еврейской и русской – уникальность феномена русского еврейства в Харбине. Это природа, как представляется, заключается в том, что местная еврейская община была как бы диаспорой

в диаспоре, т.е., с одной стороны, она являлась частью российской диаспоры на Северо-Востоке Китая, а с другой – была внутри нее самостоятельной диаспоральной группой со всеми присущими ей этнокультурными чертами.

Пример Харбина является, на наш взгляд, свидетельством выраженной конструктивной роли евреев в экономической и общественной жизни одного из городов Дальнего Востока. В значительной степени это стало возможным благодаря прагматичному подходу центральной российской власти к политике в “еврейском вопросе” на этой территории¹¹⁹.

Примечания

1. М.И. Клявер по поручению властей ДВР выехал в Харбин. Во время его отсутствия республика была упразднена, и Клявер получил из Читы телеграмму от друзей с советом задержаться с возвращением. Это и решило его дальнейшую судьбу. Впоследствии М.И. Клявер переехал в Израиль и продолжал заниматься журналистикой. Умер в 1988 г.

2. М.А. Новомейский родился в 1875 г. в Баргузине. Его дед был николаевским солдатом. Отец – владелец золотого прииска и торговец пушниной. Семья Новомейских была одной из наиболее богатых в Сибири. М.А. Новомейский после окончания в 1898 г. политехникума в Клаузентале (Германия) получил специальность горного инженера и работал у отца на приисках, затем основал собственное предприятие. С юных лет подключился к сионистской деятельности. После свержения царизма избирался председателем сионистской организации Сибири, а также председателем Еврейского Национального совета Сибири, Урала и Дальнего Востока. В 1918 г. выехал в Харбин. Основал журнал “Сибирь-Палестина”. В конце 1919 г. уехал в Палестину. Принимал деятельное участие в освоении территории будущего еврейского государства, в частности, занимаясь проблемой использования ресурсов Мертвого моря. Написал книгу воспоминаний “От Байкала – к Мертвому морю”.

3. Из Владивостока Д.Б. Рабинович переехал в Шанхай, где занимался журналистикой и общественной деятельностью. Был одним из основателей местной сионистской организации “Кадиша”, Еврейского клуба еврейской ашкеназской общины, журнала “Унзер Лебен” (Наша жизнь), издателем еврейской литературы на русском языке, поэтом. После Второй мировой войны переехал в Израиль. Являлся одним из основателей Ассоциации выходцев из Китая, одним из редакторов журнала “Бюллетень Игуд Иоцей Сип”. Умер в Израиле в 1979 г.

4. Юхнева Н. Между традиционализмом и ассимиляцией (о феномене русского еврейства). // Диаспоры. 1999. № 1. С. 160-168.

5. РГИА ДВ. Ф.70.2. Оп.1. Д.327. Л.5.

6. Витте С.Ю. Воспоминания. Т.2. С. 211.

7. Нидус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896-1923 гг. - Харбин, 1923. С. 20.

8. *Мартинов С.Д.* КВЖД, политика Витте и русский капитал в Маньчжурии // *Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае*. С. 46.

9. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.327. Л.11.

10. Там же.

11. Там же. Л.55.

12. Там же. Л.52.

13. *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далёкая и близкая. – М., 1991. С. 76.

14. *Нилус Е.Х.* Указ. соч. С. 136, 147.

15. *Нилус Е.Х.* Там же. С. 109.

16. Уссурийский край. 1917. 27 апр. (Я.Л. Скидельский, страдавший пороком сердца, скончался в 1917 г. в возрасте 43 лет).

17. *Кауфман А.И.* Посёлок Харбин. // *Бюллетень Игуд Иоцей Син*. 1988. № 297. С. 15.

18. По образному выражению писателя Вс. Иванова, КВЖД была "счастливой Хорватией", и генерал Д.Л. Хорват с его белой бородой был в ней "царем Берендеем". – *Иванов Вс.* Из харбинского жития // "Дело не получило благословения Бога". – Хабаровск, 1992. С. 335.

19. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.384. Л.14.

20. *Чжао Си Ган.* Евреи Харбина. // *Бюллетень Игуд Иоцей Син*. 1995. № 341. С. 31.

21. IISA. В. 4. F. 3. P. 8.

22. ГАРФ. Ф.9538. Оп.1. Д.32. Л.12.

23. *Wolff D.* Op. cit. P. 8.

24. Книжки Восхода. 1904. № 7. С. 202.

25. Еврейская жизнь, 1935. № 40. С. 9.

26. *Кауфман А.И.* Указ. соч. // *Бюллетень Игуд Иоцей Син*. 1988. № 296. С. 8.

27. Никольск-Уссурийский листок. 1905. 19 мая.

28. См. подробнее об этом: *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далёкая и близкая. С. 189-190; *Wolff D.* Op. cit. P. 11-12.

29. *Кауфман А.И.* Указ. соч. // *Бюллетень Игуд Иоцей Син*. 1988. № 297. С. 14.

30. Там же. № 298. С. 21.

31. *Чжао Си Ган.* Указ. соч. С. 34.

32. *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далёкая и близкая. С. 295.

33. *Нилус Е.Х.* Указ. соч. С. 611.

34. См.: *Сергеев О.И., Лазарева С.И.* Самоуправление в Харбине (1907 – 1926 гг.) // *Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 1 – 3 июня 1998 г.)*. – Хабаровск, 1998. С. 51-54.

35. *Кауфман А.И.* Указ. соч. // *Бюллетень Игуд Иоцей Син*. 1988. № 297. С. 15.

36. *Петрович Г.И.* Подвиг русских врачей (Чума в Маньчжурии в 1910 – 1911 гг.) // КВЖД и ее влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 100-летию КВЖД. – Владивосток, 1997. С. 85.

37. Там же. С. 89.

38. В своих воспоминаниях А.И. Кауфман писал о том, "что Приамурский генерал-губернатор не раз пытался добиться звенения ограни-

чительных законов для евреев в Маньчжурии, требуя приравнять этот край к городам Сибири или городам вне черты еврейской оседлости, где евреям селиться и жить воспрещалось". По его утверждению, "Гондагги лично ездил в Петербург, стремясь добиться лишения евреев прав в этом новом русском крае" // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1988. № 297. С.15. Однако в ходе работы над данным исследованием автору не удалось обнаружить архивных документов, подтверждающих этот тезис.

39. Еврейская жизнь. 1943. № 8. С. 15.

40. Личный архив А.И. Кауфмана.

41. Кротова М.В. Харбин – аванпост русской промышленности торговли и культуры в Маньчжурии (1898 – 1917 гг.). Автореф. канд. дисс. – СПб., 1996. С. 17.

42. Бауман Ц. Происхождение Харбинской еврейской общины. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1997. № 352. С. 75.

43. См. Еврейская жизнь. 1935. № 40. С. 20.

44. Личный архив А.И. Кауфмана.

45. Кауфман А.И. Харбинское еврейство и дело помощи. 1914 – 1918 гг. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 2000. № 364. С. 80.

46. Там же. С. 81.

47. Личный архив А.И. Кауфмана.

48. Там же.

49. Кауфман А.И. Харбинское еврейство и дело помощи... С. 82.

50. Уссурийский край. 1915. 29 авг.

51. Нилус Е.Х. Указ. соч. С. 657.

52. Кауфман А.И. Поселок Харбин. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1989. № 307. С. 20.

53. Нилус Е.Х. Указ. соч. С. 659.

54. Личный архив А.И. Кауфмана.

55. Там же.

56. Партия "Фолкспартай", основанная известным историком С.М. Дубновым, выступала за еврейскую культурно-национальную автономию. Впоследствии, после Октября 1917 г., Дубнов встал на позиции сионизма, и партия распалась.

57. Личный архив А.И. Кауфмана.

58. Вишневецкий А.В. О неудавшейся попытке установления Советской власти в Харбине в декабре 1917 г. // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. С. 80.

59. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917 – 1924 гг.). – М., 1997. С. 33.

60. Кауфман А.И. Поселок Харбин // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1990. № 314. С. 20.

61. Личный архив А.И. Кауфмана.

62. Еврейская неделя. 1917. № 36. С. 30.

63. ГАРФ. Ф.1339. Оп.1. Д.277. Л.9.

64. ISA. В. 4. F. 33. P. 17. Многие считали эти цифры заниженными. Так, А.И. Кауфман определял численность еврейского населения в 1917 – 1918 гг. в 11 – 12 тыс. чел. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1990. № 311. С. 24.

65. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп.1. Д.72. Л.80 (об.).

66. Иерусалимский русско-еврейский вестник. 1998. № 4. С. 7.

67. Цинкин Ю.И. Борьба контрреволюционных группировок за влияние на КВЖД в 1917 – 1919 гг. // КВЖД и ее влияние на развитие по-

Азии. С. 37.

68. Сборник узаконений и постановлений, издаваемых в порядке Декларации 14 марта 1919 г. о Междусоюзном заведовании Сибирскими и Китайской Восточной жел. дор. – Владивосток, 1920. С. 3.

69. Мухачев Б. И. К вопросу о деятельности Межсоюзного железнодорожного комитета на Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.) // КВЖД и ее влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии. С. 45.

70. Заря. 1920. 24 сент.

71. Кауфман А. И. Поселок Харбин. // Бюллетень Игуд Иоец Син. 1994. № 334. С. 10.

72. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917 – 1924 гг.). С. 176.

73. Еврейская жизнь. 1942. № 43. С. 14.

74. ГАРФ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 277. Л. 9.

75. Сибирь-Палестина. 1921. № 38-39. С. 22.

76. ГАРФ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 277. Л. 6 (об.).

77. Еврейская жизнь. 1942. № 43. С. 15.

78. Сибирь-Палестина. 1921. № 41. С. 17.

79. Еврейская жизнь. 1942. № 43. С. 15.

80. Сибирь-Палестина. 1923. № 13-14. С. 26.

81. Сибирь-Палестина. 1922. № 20. С. 22.

82. Там же. № 30. С. 1.

83. Иерусалимский русско-еврейский вестник. 1998. № 4. С. 7.

84. Сибирь-Палестина. 1920. № 1. С. 4.

85. Сибирь-Палестина. 1921. № 36. С. 15.

86. Бюллетень Игуд Иоец Син. 1991. № 317. С. 40.

87. Сибирь-Палестина. 1921. № 19. С. 18.

88. HISA B.3. F.25. P.3.

89. “Маккаби” просуществовала в Харбине до 1925 г. Позднее, в 1928 г. была создана молодежная полувоспитательная организация “Брит-Трумфельдор” (“Бетар”). В ней молодежь проходила три вида подготовки: идеологическую, физическую (точнее, военно-спортивную) и профессиональную (приобретение необходимых знаний для работы в Палестине). Обязательным для каждого бетаровца было также знание иврита. Военно-спортивная подготовка членов этой организации оказалась весьма востребованной после создания в 1931 г. в Харбине Русской фашистской партии, члены которой занимались, в том числе, избиениями местных евреев. Хулиганские выходки фашистов неизменно наталкивались на серьезный отпор.

90. В середине 20-х гг. в городе действовали следующие сионистские организации: Харбинское отделение Всемирной сионистской организации (цель – “создание правоохраненного убежища для еврейского народа в Палестине”); Дальневосточное районное бюро Всемирной сионистской организации; Дальневосточное бюро Еврейского национального фонда (цель – “приобретение земли в Палестине в неотчуждаемую собственность еврейского народа); Комитет “Керен Гайсад” – Фонд воссоздания Палестины; а также отделение Всемирной женской сионистской организации. // Весь Харбин. – Харбин, 1926. С. 129-132.

91. HISA. B.3. F.25. P.3.

92. Личный архив А. И. Кауфмана.

93. ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

94. *Меншдов Г. В.* Еврейская колония в Харбине. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1997. № 349. С. 45.

95. В 1925 г. в связи со смертью Б. И. Шварц-Кауфман эту должность заняла Н. Ф. Фризер.

96. *Кауфман А. И.* Поселок Харбин. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1996. № 347. С. 14.

97. Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1997. № 352. С. 6.

98. Она была оборудована на 24 койки, из них 10 были бесплатными. В амбулатории и больнице работали 25 врачей всех специальностей. Пациентами были, главным образом, евреи, но в помощи не отказывали никому. Медицинский персонал принимал активное участие в борьбе с различного рода эпидемиями, ликвидации наводнений и т. д. Так было, например, во время сильнейшего наводнения в городе в 1932 г. Члены молодежной организации "Бетар", наряду с другими харбинцами, организовали на лодках доставку всем нуждающимся, без различия национальностей, продовольствия, лекарств, развозили врачебный персонал.

99. *Светачев М. И.* Борьба за "русское наследство" в вопросе о КВЖД (1917 – 1924 гг.). // КВЖД и ее влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии. С. 44.

100. *Кауфман А. И.* Поселок Харбин. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1996 № 344. С. 14.

101. Следует отметить, что в его составе в этот период были представители еврейского населения – И. Х. Соскин и А. И. Кауфман.

102. *ИСА. В.2. F.2. P.1.*

103. *Кауфман А. И.* Указ соч. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1996. №345. С. 15 – 16.

104. Еврейская жизнь. 1925. № 47. С. 4.

105. *Бреслер Б.* Хорошо сохранный секрет. // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1999. № 360. С. 52.

106. Еврейская жизнь. 1929. № 14. С.20.

107. Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1996. № 345. С.14.

108. Еврейская жизнь. 1929. № 51-52. С.17.

109. См.: *Романова В. В.* Еврейская харбинская община в годы японской оккупации Маньчжурии (1931 – 1945 гг.) // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае. С. 54 – 57; *Они же.* Русские евреи в Харбине // Евреи на Дальнем Востоке России (II пол. XIX в. – I четв. XX в.). – Хабаровск. 2000. С. 226 – 235.

110. Следует отметить, что история общины продолжалась и в последующие годы. Во время Второй мировой войны, несмотря на японскую оккупацию Маньчжурии, она внесла серьезный вклад в дело помощи еврейским беженцам, прибывшим в Китай из Европы. В условиях достаточно своеобразной политики японских оккупационных властей в "еврейском вопросе" руководство общины и, в первую очередь, ее лидер А. И. Кауфман вели антинацистскую пропаганду. Сокрушительный удар по деятельности еврейской общины Харбина нанес приход Советской Армии в Маньчжурию в августе 1945 г. Наиболее активная ее часть была репрессирована. После 1948 г. значительная часть евреев Харбина и других городов Китая репатрировалась в Израиль. Окончательно община прекратила свое существование в начале 60-х гг. Приехавшие в Израиль выходцы из Китая создали собственную ассоциацию "Игуд Иоцей Син", являющуюся бережной хранительницей исторических традиций харбинской и других общин российских евреев в Китае. Ныне ее возглавляет сын А. И. Кауфмана – Т. Кауфман.

ГЛАВА IV

Евреи в национальной политике советской власти на Дальнем Востоке в 1920-е гг. Разработка плана создания в регионе еврейской автономии

После завершения гражданской войны постановлением руководимого большевиками Народного собрания ДВР от 14 ноября 1922 г. на всей территории российского Дальнего Востока восстанавливалась советская власть. Было отменено действие конституции Дальневосточной республики и главных ее законов. Собрание также постановило “просить ВЦИК и съезд Советов России присоединить Дальний Восток к единой Российской Социалистической Советской Республике”, распространив на его территорию действие советской Конституции и советских законов¹. Вся полнота власти передавалась Дальневосточному Революционному Комитету, на который и возлагалась задача обеспечения полного воссоединения с Советской Россией. В состав Дальревкома, подчинявшегося ВЦИКу и СНК, вошли: П.А. Кобозев – председатель, Н.А. Кубяк, Г.Н. Корнев, Н.М. Матвеев, П.П. Постышев, И.П. Уборевич, Я.Д. Янсон. (Позже председателем Дальревкома вместо П.А. Кобозева был назначен Я.Б. Гамарник.) Это был неконституционный, чрезвычайный орган власти, правовое положение которого определялось актами органов советской власти. На местах были созданы губернские, уездные, волостные и сельские революционные комитеты.

Одновременно была образована Дальневосточная область с центром в г. Хабаровске. В ее состав вошли губернии: Забайкальская, Прибайкальская, Амурская, Приамурская, Приморская с северной частью о-ва Са-

халин и Камчатская с прилегающими островами'. Позднее, в августе 1923 г., постановлением Дальревкома была ликвидирована Приамурская губерния, а уезды, входившие в ее состав, были присоединены к Приморской губернии. В октябре того же года была упразднена Прибайкальская губерния, территория которой в большей своей части вошла в состав созданной Бурят-Монгольской АССР и в меньшей — в состав Забайкальской губернии.

Начался процесс советского строительства на Дальнем Востоке. Он затронул все сферы общественной жизни, в том числе область национальных отношений. Провозглашенный Конституцией ДВР принцип культурно-национальной автономии для проживавших в регионе национальных меньшинств был для новой власти неприемлем, ибо он противоречил теории и практике большевизма.

В первую очередь необходимо было ликвидировать национальные общины, распущенные на всей территории Советской России еще в январе 1919 г., но существовавшие в условиях "буфера". Первой пострадала украинская община: в ночь с 21 на 22 ноября 1922 г. Хабаровским губернским отделом ГПУ были произведены аресты ее лидеров и активистов. Следом полномочным представителем ГПУ по Дальнему Востоку было дано распоряжение "о ликвидации украинского национального движения" в регионе, сопровождавшееся арестами его участников во Владивостоке, Никольск-Уссурийске, Благовещенске, Чите, Верхнеудинске и других городах³. В декабре 1922 г. была получена телеграмма ГПУ "о ликвидации китайского общества", а в январе 1923 г. все оставшиеся национальные объединения были распущены.⁴ Часть из них была преобразована в религиозные общины, которым в соответствии с законом запрещалось заниматься культурно-просветительской, благотворительной и иной деятельностью.

Не стали исключением и еврейские общины. Отношения с ними местная власть строила на тех же классовых принципах, что и со всеми национальными объединениями региона. Как свидетельствуют документы, в ее распоряжении имелась довольно обширная информа-

ция о характере их деятельности еще в период существования Дальневосточной республики. Так, в одной из сводок ГПУ о “национальных группировках” Николаевска-на-Амуре содержится весьма подробный отчет о собрании городской еврейской общины, состоявшемся в августе 1922 г. В нем подчеркивалось, что “политическое направление союза [т.е. общины – В.Р.] – сионистско-эсеровское с лозунгом “Еврейское самостоятельное государство”. Ежегодно, -- сообщалось в докладе, -- на каждом молении всеми единогласно произносятся призыв “В будущем году в этот день должны быть в Палестине”⁵. Эти слова традиционной еврейской молитвы (впрочем, весьма вольно переданные) интерпретировались как проявление нелояльности к большевистской власти.

Из всех еврейских политических организаций наибольшую опасность, по мнению властей, представляли сионисты. Весной 1923 г. в крае начались их аресты. Сначала они прошли в Чите, затем – в Верхнеудинске, Сретенске, Благовещенске и др. городах. В массе своей арестам подвергались рядовые члены, т.к. почти все бывшие руководители движения эмигрировали в Харбин⁶. Как писал в связи с этими событиями в харбинской прессе в те дни А.И. Кауфман, “ничего преступного, “подрывающего существующий строй” у них не найдено, никакого антиправительственного заговора не обнаружено. Ни пироксилиновых шашек, ни бомб, ни оружия, ни даже контрреволюционных прокламаций. Среди арестованных лишь один-двое “буржуи”, остальные – служащие, рабочие, студенты, учителя, – пролетарии в буквальном смысле этого слова”⁷. Вскоре большую часть арестованных отпустили, “но условием освобождения была подписка о выходе из организации, причем подписка эта должна была быть дана в заранее обусловленной редакции. Была объявлена круговая порука, – если хоть один из арестованных отказывался подписать, не выпускали никого”⁸.

После этих событий о своем самороспуске объявил через прессу Владивостокский городской комитет сионистской организации – некогда самой крупной на российском Дальнем Востоке⁹. Практически с организованным сионизмом в регионе было покончено.

Следует отметить, что официального запрета на деятельность сионистов в Советской России не было. До осени 1919 г. они работали вполне легально. Более того, в июле 1919 г. Президиум ВЦИКа предложил всем органам не чинить им препятствий. Однако преследования не прекратились. Чаще всего их инициатором выступал Еврейский комиссариат. Только с 13 марта 1924 г. по май 1925 г. за принадлежность к сионизму в стране были арестованы 3500 чел.¹⁰

Не намного легче пришлось и членам пролетарской партии “Поалей-Цион”. В марте 1923 г. газета “Дальневосточный путь” опубликовала циркуляр ЦК РКП (б) о вступлении партии “Поалей-Цион” в РКП (б). Это решение, как отмечалось выше, было принято на III Всероссийской конференции “Поалей Цион” (коммунистов) еще в декабре 1922 г. “Приветствуя это постановление, — отмечалось в циркуляре, — Центральный Комитет предлагает местным организациям РКП немедленно принять в свой состав членов местных организаций ЕКП и приложить все старания к тому, чтобы в дружной организационной работе возможно скорее изжить ту отчужденность, а иногда и некоторую враждебность, которые естественно сложились на почве прежней идеологии ЕКП (Поалей-Цион) и отдельного ее организационного существования”¹¹.

После публикации в дальневосточной прессе циркуляра ЦК РКП (б) начался массовый выход из местных организаций “Поалей-Цион”. Газета “Дальневосточный путь” в течение 1923 г. регулярно помещала заявления бывших членов партии о выходе из ее рядов. На местах закрывались клубы Борохова, изымались партийные библиотеки¹². О “дружной организационной работе” с бывшими “поалей-ционистами” свидетельствует список членов “антисоветской партии”, представленный в секретариат Дальневосточного бюро ЦК РКП (б) в марте 1923 г. В нем среди 11 фамилий бывших ответственных работников ДВР указаны также члены руководства дальневосточного отделения “Поалей-Цион” И.Р. Фортус, Я.М. Фуксон, С.Б. Воскобойников.¹³ Дальнейшая их судьба неизвестна. Архив сохранил лишь письма Я.М. Фуксона в ЦК РСДРП, из которых явствует, что

он проживал на Дальнем Востоке (в Чите и в Хабаровске) по меньшей мере до 1926 г. В своих письмах он жалуется, что “вся еврейская общественная жизнь на еврейской улице совершенно заглохла”, и единственной организацией является община, “ограничивающая свою работу исключительно синагогой, кладбищем и богадельней” (Чита, 20.01.1924 г.)¹⁴. Однако ЦК продолжал высылать в Читу свои циркуляры, которые исполнять было некому, ибо в городе, как сообщал Фуксон в 1924 г., “осталось всего два партийца”¹⁵. В последнем письме, датированном 8.03.1926 г., он писал, что “членство в “Поалей-Цион” сопряжено с разными гонениями, дипломатическими подходами при приеме в ту или иную организацию”. Особенно “остро”, по его словам, стоял вопрос с устройством на службу¹⁶.

Таким образом, партия, провозглашавшая своей целью борьбу за интересы еврейского пролетариата и весьма громко заявившая о себе в ДВР, фактически прекратила свое существование на Дальнем Востоке, хотя формально она не была запрещена в стране вплоть до 1928 г.¹⁷

Репрессии против национальных партий и движений, как известно, осуществлялись в стране силами ГПУ. Что касается еврейских организаций, то, как уже отмечалось, главными идейными вдохновителями подобного рода акций выступали Центральное бюро евсекций большевистской партии и Еврейский отдел Народного комиссариата по делам национальностей. Они рассылали в местные партийные и советские органы письма с рекомендациями по ускорению “установления диктатуры пролетариата на еврейской улице”, нередко подталкивая власть к решительным действиям в отношении неугодных организаций, групп, отдельных лиц. Как писал автор одного из частных писем, фрагмент которого был опубликован в харбинском журнале “Еврейская жизнь”, главная опасность для евреев Советской России исходила от “евсеков”. “Эти последние, подчеркивал он, – причиняют нам столько зла, сколько не причиняли нам в свое время Столыпин, Марков II, Замысловский, Шмаков и вся черная сотня вместе взятая”¹⁸. Это утверждение, быть может, слишком эмоци-

ональное, передает достаточно точно настроения той части еврейства, которая стремилась сохранить верность своей культуре и традициям. Однако то, что удавалось значительной части евреев во времена царизма, — не утратить своей национально-культурной идентичности — оказалось почти невозможным в условиях советской власти. Обеспечив евреям избавление от угрозы погромов и злостной антисемитской пропаганды, большевистский режим планомерно уничтожал все национальные общественные и политические институты, традиции народа.

В 1922 г. Евотделом Наркомнаца был разослан циркуляр евоподделам губернских отделов по делам национальностей, в котором предписывалось развернуть активную борьбу с субботным отдыхом евреев¹⁹. Практически следом был направлен другой циркуляр, требовавший передачу в фонд помощи голодающим имущества синагог и молелен²⁰. Это осуществлялось в рамках проводившейся в стране кампании по изъятию церковных ценностей всех конфессий под предлогом необходимости борьбы с голодом. Одними из первых объектов этой кампании в крае стали православный кафедральный собор и синагога в Чите. Акция готовилась ГПУ очень тщательно. Забайкальским губернским отделом под грифом “совершенно секретно” был составлен ее детальный план: “1. Начать изъятие с кафедрального собора и еврейской синагоги одновременно. 2. При изъятии подобрать таких представителей верующих (2 – 3 чел. на церковь), из которых один был на стороне изъятия и создавал бы ругню с остальными. 3. Желательно присутствие 1-2 представителей от рабочих. 4. Изъятие проводить в один приём: раз зашел в церковь и сразу же все изъять”,²¹ Предусматривались и особые меры предосторожности: “Во время изъятия аппараты ГПУ высылают сексотов, наблюдающих за группировками вокруг церкви. На всякий случай заготавливаются спец. часть, конный взвод, пожарная команда”²².

В мае 1924 г. в Москву было доложено, что “на Дальнем Востоке проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства можно считать закончен-

ным. Почти везде церковные и монастырские имущества и имущества молитвенных домов взяты на учет местными органами власти и переданы по соответствующим договорам в пользу верующих в тех случаях, когда об этом возбуждалось ходатайство в установленном порядке”²³.

Активизация борьбы с еврейскими “буржуазными” институтами в Дальневосточной области отмечается после того, как Центральным бюро евсекций ЦК РКП (б) в марте 1923 г. был составлен “Производственный план по борьбе с клерикализмом и национализмом”.

Очевидно, в связи с ним вскоре появился “меморандум Дальбюро ЦК РКП(б)”, подготовленный, судя по стилю этого документа, в недрах местной евсекции. В нем отмечалось, что пять лет Октябрьской революции слабо отразились на еврейской жизни: в ней “царствуют тьма, невежество, с одной стороны, и клерикально-буржуазные тенденции – с другой. Еще поныне, – указывалось в “меморандуме”, – существуют разные еврейские общественные организации буржуазного характера, где главную скрипку играют прежние заправилы, у которых рабочий люд находится на поводу”²⁴. Касаясь ситуации на Дальнем Востоке, авторы документа утверждали, что и здесь “советизация еврейской улицы не коснулась, и поныне существует т.н. еврейская община в корне буржуазная. Еврейский пролетариат и здесь не призван к советскому строительству своей жизни и находится на поводу у своей буржуазии. Существует еще целый ряд буржуазных филантропических организаций, совершенно нетронутые”²⁵.

Очевиден демагогический, если не провокационный, характер этого “меморандума”. В апреле 1923 г. – времени его появления на свет – еврейские светские общины, а тем более “буржуазные филантропические организации” уже прекратили свое существование в регионе. Проводимых ГПУ соответствующих мероприятий, видимо, казалось недостаточно, а потому подчеркивалось, что “со стороны Советской власти на Дальнем Востоке должны быть приняты меры к советизации еврейской жизни”²⁶. План “водворения пролетарской диктатуры на еврейской улице” был следующим: “В пер-

вую очередь, должен быть издан декрет об общественной преемственности. Старая, т.е. "демократическая община" должна быть распушена, ее функции должны быть временно переданы комиссии, избранной на беспартийной рабочей еврейской конференции, которая ведает всеми делами еврейской жизни, ведет подготовительную работу к созыву вседальневосточного еврейского рабочего съезда, который является верховным органом, устанавливающим формы еврейской национальной пролетарской автономии в лице еврейских рабочих советов, с водворением которых ликвидируется выше-сказанная комиссия и передает первому все дела. Таким образом создается именно та здоровая база для вовлечения широких еврейских масс к истинно советскому строительству и переустройству своей жизни на новых началах"²⁷.

Не удалось установить авторов, готовивших этот документ, но представленный ими фантастический и малопонятный план переустройства еврейской жизни на Дальнем Востоке обнаруживает полное незнание конкретной ситуации в крае, а также и незнание соответствующих большевистских программных документов. И если постановляющая часть "меморандума" страдает утопичностью, то его констатирующий раздел по существу провоцировал местные власти на разгром того, что еще оставалось от еврейской общественной жизни в крае в этот период.

Одним из таких объектов, рассматриваемых евсекцией как оплот национализма, была еврейская школа. "Производственный план по борьбе с клерикализмом и национализмом" ЦК РКП (б) предусматривал необходимость на местах "следить за тем, чтобы преподавание еврейской истории не служило средством возбуждения националистических чувств у учащихся". Предписывалось также принять меры к тому, чтобы еврейская история "составляла органическую часть преподавания общественных наук вообще и велась бы согласно марксистскому методу"²⁸. В плане ставилась также задача "бороться против всякой попытки строить особые еврейские школы для еврейских детей, родным языком которых является русский, в губерниях, бывших вне черты

еврейской оседлости с немногочисленным еврейским населением”²⁹.

Это непосредственным образом касалось и Дальнего Востока. Как отмечалось выше, национальных еврейских школ здесь было немного: при царизме строить их было чрезвычайно трудно, а после Февральской революции практически не было возможностей. В числе немногих в регионе действовала еврейская школа в Верхнеудинске, в которой за счет средств общины и родительской платы обучались 170 детей. Весной 1923 г. в школе была проведена реорганизация: заменен директор и пересмотрена программа обучения, что, в конечном счете, привело к ее закрытию. Пытавшиеся протестовать родители были приглашены в ГПУ, где им были даны необходимые “разъяснения”³⁰.

В рамках борьбы с национализмом в марте 1923 г. Еврейским отделом Миннаца было запрещено получать на местах помощь от заграничных еврейских благотворительных обществ, в первую очередь от “Джойнта”³¹. (Примечательно, что пройдет всего лишь несколько лет, и большевистская власть сама обратится за такой помощью, в том числе к “Джойнту”; в связи с планами приобщения евреев к земледелию).

Можно утверждать, что к 1924 г. с остатками еврейской общественной жизни в крае было окончательно покончено. Это нетрудно было сделать, тем более в связи с тем, что, как уже отмечалось, крепкие национальные традиции здесь так и не сложились, а наиболее экономически и политически активная часть еврейства покинула советский Дальний Восток и перебралась в Харбин.

Весьма незначительной была численность оставшегося еврейского населения региона. В 1922 г., как сообщалось в телеграмме Дальревкома И. Сталину, в крае проживало 10600 евреев³² при общей численности населения около 2 млн. чел.³³

После разгона еврейских общественных и политических организаций говорить о специфической “еврейской политике” местной власти не приходится. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что в 1924 г. был ликвидирован Народный комиссариат по делам национальностей с его еврейским отделом.

В структуре Дальревкома и вовсе отсутствовал орган, специально ведавший данным направлением. Следует отметить, что это явилось продолжением той политики в отношении национальных меньшинств, которая была характерна для последних месяцев существования ДВР, в условиях выраженного "покраснения" буфера. Тогда, в связи с готовившимся упразднением Дальневосточной Республики, большевиками был взят курс на постепенную отмену всех созданных ею институтов. В их числе оказалось и Министерство по национальным делам, созданное на основе провозглашенного Конституцией ДВР принципа культурно-национальной автономии. Еще 20 октября 1922 г., в связи с отклонением коммунистической фракцией правительства ДВР предложенного Министерством проекта положения о деятельности организаций национальных меньшинств, подали в отставку министр М.И. Амагаев и его заместитель Н.А. Резников. Документ этот сочетал в себе многие положения национальной программы большевизма с тезисом о необходимости предоставления культурно-национальной автономии нацменьшинствам республики, что и предредило его судьбу. Вместе с тем он содержит в себе ряд любопытных положений, которые, как кажется, объясняют в последующем приоритеты национальной политики советской власти на Дальнем Востоке. Так, в пояснительной записке к Положению указывалась, что "национальные меньшинства республики, составляющие примерно 35 %, по степени хозяйственного и культурного развития и территориального расселения, необходимо подразделить на 2 группы: а) собственно национальные меньшинства и б) туземные народности и племена. К первой группе нужно отнести евреев, тюрко-гитар, украинцев, китайцев и т.д., ко второй - бурят-монгол, гольдов, якутов, тунгусов, орочей и т.д."¹⁴. При этом "собственно национальные меньшинства" квалифицировались как "пришлый колонизаторский элемент, успевший использовать максимум хозяйственных возможностей, предоставляемых колонией". Их национальные особенности, как отмечалось, "сводятся к особенностям языка, семейно-бытовым и религиозным, т.е. чисто культурно-

национальным. Гарантия таковых особенностей вполне достигается через культурно-национальную автономию”³⁵. Таким образом обосновывалась необходимость предоставления национально-культурной автономии национальным меньшинствам. (В соответствии с Конституцией ДВР административно-хозяйственная автономия по территориальному принципу предусматривалась для бурят-монгольской народности).

В оценке национальных меньшинств, условно выделенных в Положении в первую группу как “колонизаторского элемента” проглядывает большевистский подход к нациям угнетающим и нациям угнетенным. Очевидно, не случайно после ликвидации “буфера” и восстановления советской власти на Дальнем Востоке вся политика в отношении “собственно” национальных меньшинств, в т.ч. и евреев, была сведена к борьбе с национализмом, клерикализмом и буржуазностью. Отказав им в праве на культурно-национальную автономию, новая власть ничего не предложила взамен. Объектом “конструктивной” национальной политики в течение нескольких последующих лет стали только “туземные племена”, а также “восточные рабочие”.

Не случайно после отставки министра по национальным делам ДВР и его заместителя у дальневосточных большевистских лидеров вообще возникли сомнения в целесообразности сохранения органа, ведающего “делами защиты интересов нацменьшинств”. Об этом свидетельствует телеграмма, направленная председателем Дальревкома П. Кобозевым и бывшим министром М. Амагаевым на имя наркома по делам национальностей И. Сталина 8 ноября 1922 г. (т.е. до официального упразднения ДВР)³⁶. Однако еще до получения ответа было принято решение о передаче функций министерства по национальным делам подотделу туземных дел Управления Дальревкома. В телеграмме Наркомнацу от 3 декабря 1922 г. это решение мотивировалось следующим образом: “Масштаб, размах, содержание работы будет зависеть не от структуры этого органа, а от качеств работников, возглавляющих подотдел”³⁷. В ответной телеграмме зам. наркомнаца Бройдо высказывал опасения, что “ликвидация бывшего министерства на-

циональных дел произведет на туземное население неблагоприятное впечатление. Необходимо, – отмечалось в телеграмме, – сохранить отдельный орган, ведающий делами защиты интересов национальных меньшинств. в особенности туземных племен”³⁸. Тем не менее решение Дальревкома осталось в силе.

В своей работе в данном направлении местные органы власти учитывали, как отмечалось, интересы только туземцев и “восточных рабочих”³⁹. Как правило, в их отчетах при анализе национального состава подведомственных территорий выделяются следующие категории: русские, корейцы, китайцы, туземцы, прочие. В планах работы партийных комитетов различных уровней в этот период в разделе “Работа среди нацменьшинств” указываются либо только корейцы, либо корейцы и туземцы. Такой акцент не был случайным. Это соответствовало проводимой в 20-е гг. в стране в рамках национально-государственных образований т.н. политике “коренизации”. И хотя Дальневосточная область не относилась к числу таких образований, но на ее территории проживало значительное число представителей коренных народов Дальнего Востока, а также поселившихся еще в XIX в. корейцев. Они и стали предметом особой заботы властей, что также находилось в русле общегосударственной политики. Как известно, советская власть в эти годы стремилась уделять больше внимания и помощи отсталым в прошлом народам, повышению их экономического, социального и культурного уровней развития. Это в значительной степени объясняет приоритеты местной национальной политики.

Деятельность в отношении представителей других этнических групп свелась к антирелигиозной борьбе, развернутой по всей стране.

На страницах местной печати в эти годы постоянно помещались материалы антиклерикального характера. Главной их мишенью было православие, но “доставалось” и другим конфессиям, в том числе иудаизму. Но, тем не менее, с 1924 по 1926 гг. властями не было закрыто ни одной синагоги либо молитвенного дома, действовали религиозные общины, хотя и весьма немногочисленные.

численные. В сведениях ГПУ о религиозных, в том числе иудейских, организациях по губерниям Дальневосточной области за 1924 и 1925 гг. фигурируют следующие данные (только по трем губерниям)⁴⁰:

	1924 г.	1925 г.
Забайкальская губ.	2	3
Амурская губ.	1	1
Приморская губ.	1	2
Итого	4	6

Для сравнения: общее число организаций других конфессий в тех же губерниях:

	1924 г.	1925 г.
Православных	472	547
Старообрядцев	13	15
Католиков	5	5
Лютеран	3	2
Магомстан	11	4

Эти данные отражают определенный рост числа религиозных общин большинства представленных в крае конфессий, в том числе иудаизма, в период некоторой передышки в антиклерикальной борьбе большевиков в середине 20-х гг.

Следует отметить, что в иерархии задач, стоявших в эти годы перед властью, относившихся к области национальной политики и антирелигиозной борьбы не являлись наиболее острыми. В условиях хозяйственной разрухи, вызванной затянувшейся в регионе гражданской войной, главными были экономические задачи. Наряду с этим необходимо было в кратчайшие сроки завершить политические преобразования, сформировать законные органы новой власти – выборные советы различных уровней. Подготовка к выборам началась уже в январе 1925 г.

4 января 1926 г. Президиум ВЦИК принял решение о преобразовании ДВО в Дальневосточный край (ДВК)

с переходом от губернского, уездного и волостного деления на окружную и районную систему. Оно осуществлялось в рамках проводимого в стране реформирования административно-государственного устройства.

В ДВК было образовано 9 округов (Владивостокский, Хабаровский, Николаевский-на-Амуре, Амурский, Зейско-Алданский, Читинский, Сретенский, Камчатский, Сахалинский), разделенных на 75 районов. Его общая территория составляла 2495,3 тыс. кв. верст. Центром нового административного образования стал Хабаровск. Таким образом, выборы 1925 г. происходили уже в границах нового административно-территориального образования. Их итоги подвел I краевой съезд Советов Дальнего Востока, состоявшийся в марте 1926 г. Съезд заслушал отчет Дальревкома о советском строительстве края с момента перехода власти от ДВР к Советам и образовал краевой исполнительный комитет. Его председателем стал Я.Б. Гамарник. Дальревком был распущен и советская власть восстановлена в полном объеме снизу доверху.

По переписи 1926 г., население ДВК исчислялось 1881351 чел. Его национальный состав характеризовался следующими показателями. Абсолютное большинство края составляли русские – 1174915 чел. Второй по численности национальной группой были украинцы – 315203 чел., затем шли корейцы – 168009 чел. и китайцы – 72005 чел.

Число евреев в крае составило 7733 чел., что равнялось приблизительно 0,4 % от всего населения. В национальной структуре они являлись восьмой по численности группой после белорусов (41124 чел.), поляков (8163 чел.) и бурят (8646 чел.). Большая их часть проживала традиционно в Забайкалье. Так, на территории одного только Читинского округа проживали 3878 евреев. Значительной в масштабах края была по-прежнему их численность во Владивостоке – 1120 чел. (из 1350 чел., проживавших во Владивостокском округе.)⁴¹ В целом еврейское население ДВК, как и других регионов страны, было преимущественно городским: в городах и городских поселках проживали 89,1 %.

Традиционно евреи региона были в значительной степени ассимилированы: большинство из них в каче-

стве родного языка указали русский – 5624 чел. (72,7 %). Достаточно высоким был уровень грамотности: 85,5 % среди мужчин и 77,4 % – среди женщин. Общий процент грамотных составлял 81,6 %, в т.ч. на идише – 12 %.

Эта картина является достаточно типичной для характеристики именно дальневосточного еврейства. Забегая вперед, подчеркнем, что она существенно изменится после начала реализации в регионе “биробиджанского проекта” и прибытия в край переселенцев из западных областей страны, главным образом, из местечек бывшей черты оседлости.

Возвращаясь к работе I краевого съезда Советов Дальнего Востока, отметим, что в ряду проблем, требовавших скорейшего разрешения, съездом была названа “слабая заселенность края”, создававшая, как отмечалось в постановлении съезда, “непреодолимые трудности в деле развития его производительных сил”⁴². В этой связи была поставлена задача “на основе изучения природных богатств края с учетом финансовых возможностей проработать детальный план колонизации края, предусматривающий наиболее быстрое развитие производительных сил края и наибольшее содействие в деле разгрузки аграрно перенаселенных районов Союза”⁴³.

Актуальность колонизации Дальнего Востока вполне осознавалась Центром. Были очевидны не только необходимость освоения его сельскохозяйственных ресурсов, но и возможность посредством аграрного переселения разрядить сложную обстановку в центральной части страны, где масса крестьян страдала от безземелья и малоземелья. Об этом свидетельствует составленный в 1925 г. секретный доклад Госплана СССР о необходимости колонизации ДВК⁴⁴.

В 1926/1927 хозяйственном году было открыто организованное переселение на Дальний Восток. ВЦИК признал в качестве неотложной задачи заселение этого района, учитывая его экономическое и политическое положение⁴⁵. С 1926/27 г. в край ежегодно переселялось по 35 – 40 тыс. чел., что составляло приблизительно 1/3 общего числа переселенцев, организованно перемещавшихся по территории России⁴⁶. Однако это санкционированное правительством переселение носило во многом стихийный ха-

раक्टर, и очень скоро местные органы власти перестали с ним справляться. Об этом шла речь на проведенном Далькрайкомом ВКП (б) 5 апреля 1926 г. совещании, обсудившем вопросы колонизации края. В частности, в выступлении представителя Дальневосточного земельного управления отмечалось, что поток переселенцев все увеличивается, а денежных средств отпускается всего лишь 50 % сметы. В этой связи он высказал предложение “предупредить Москву о необходимости принять решительные меры к прекращению этой волны”⁴⁷.

Этот же вопрос спустя несколько дней обсуждался на заседании бюро краевого партийного комитета, на котором было принято следующее решение: “В виду наличия превышения зачисления на 1926 г. 50 тыс. переселенцев просить ЦК дать директиву Наркомзему: а) о прекращении дальнейшего движения переселенцев в текущем году; б) о введении в плановое русло ходаческого движения на 1927 г.”⁴⁸. Т.о., несмотря на острую потребность в рабочей силе, край к такому наплыву переселенцев не был готов, в первую очередь, из-за отсутствия финансовых ресурсов.

Здесь следует отметить, что в эти же годы правительство активно занялось вопросами еврейского аграрного переселения. Это было связано с бедственным положением основной массы еврейского населения бывшей “черты оседлости”. Большевицкая власть, положив конец погромам, вместе с тем своей политикой первых послереволюционных лет подорвала экономическую основу существования большей части еврейства, традиционно занятой в секторе торговли и кустарной промышленности. Руководство страны вполне отдавало себе в этом отчет. Как отмечал председатель ВЦИК М.И. Калинин, “Октябрьская революция на первых порах ...уничтожила – по крайней мере, на время, – основу не то что благосостояния, но самой возможности существования еврейского населения – кустарные промыслы. Это был основательный удар по городской и местечковой еврейской бедноте, именно по бедноте”⁴⁹.

Ситуация несколько изменилась с переходом страны к НЭПу, однако существенного перелома в положении еврейского населения бывшей “черты оседлости” так и

не произошло⁵⁰. В 1927 г. в интервью ТАСС М.И. Калинин, уделявший в те годы из всех советских руководителей наибольшее внимание "еврейскому вопросу", признал: "В экономической области мы не только не улучшили положения широких еврейских масс, но и в известном отношении ухудшили". Он отметил, что обследования, проведенные в разных местах Украины, Белоруссии и западных губерниях РСФСР, "подтвердили факт ужасающей нищеты широчайших кругов еврейского населения, 30-40 % которого не имеет никаких занятий"⁵¹.

В эти годы группа местечковых евреев, спасаясь от бедности, стала устраиваться на свободных землях в степных районах Украины. По оценке Б.Д. Бруцкуса, в 1922 - 1924 гг. она состояла из приблизительно 2000 еврейских семейств⁵². По его мнению, советская власть заинтересовалась этим стихийным переселенческим движением и решила оказать ему поддержку. С этой целью в августе 1924 г. постановлением Президиума ЦИК СССР был образован Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (Комзет). Он существовал при Президиуме Совета Национальностей, его председателем стал П.Г. Смидович. В задачи Комитета входило: "выделение свободных земель для евреев, желающих заниматься аграрным трудом, переселение евреев и размещение их на отведенных землях, обеспечение хозяйственного развития новоселов"⁵³.

Наряду с Комзетом, структурой государственной, в декабре того же 1924 г. был создан Общественный комитет по земельному устройству трудящихся евреев во главе с Ю. Лариным (М.З. Лурье). Эта организация была призвана, главным образом, мобилизовать общественность, в первую очередь широкие круги зарубежного еврейства, на поддержку планов землеустройства советских евреев. Большевики рассчитывали, что при содействии компартий им удастся организовать группы, способные стать центром работы по пропаганде планов советского правительства и организации им финансовой помощи. Об этом, в частности, шла речь в докладе Ю. Ларина на объединенном заседании правления, совета и ревизионной комиссии 26 мая 1925 г., в

котором он поставил задачу скорейшего создания за границей организационной структуры для моральной и материальной поддержки Озета⁵⁴. Вскоре для этой цели в различные страны были командированы работники Озета, выделялись немалые суммы. При содействии коммунистических партий отделения Озета были сформированы во многих странах мира⁵⁵.

Вместе с тем следует отметить, что планы советского руководства по приобщению евреев к земледелию встретили поддержку не только в левых кругах за рубежом. Объясняется это тем, что последовательная борьба советской власти с антисемитизмом и погромным движением произвела на мировую еврейскую общественность благоприятное впечатление. Кроме того, идея превращения евреев в земледельцев не была нова. Она зародилась в конце XVIII в. в Польше, имела свою историю (в том числе, как отмечалось выше, в России) и оставалась весьма популярной среди широких кругов мирового еврейства. Таким образом, расчет советского руководства на существенную помощь со стороны диаспоры имел под собой серьезные основания.

И действительно, вскоре Комзетом были заключены договоры о сотрудничестве с целым рядом зарубежных еврейских организаций. Это, в первую очередь, американский "Агро-Джойнт" (декабрь 1924 г.), Еврейское колониационное общество – ЕКО (февраль 1926 г.), Союз обществ земельного и ремесленного труда среди евреев – ОРТ (апрель 1926 г.) и несколько позднее – американская организация содействия еврейскому землеустройству "ИКОР". Наиболее значительную помощь готова была оказать крупнейшая американская еврейская благотворительная ассоциация "Агро-Джойнт". В соответствии с договором, подписанным с советским правительством, она обязывалась предоставить для целей еврейской колонизации денежный заем в размере 9 млн. долл. сроком на 17 лет⁵⁶.

Помощь других зарубежных организаций была значительно скромней. Так, ЕКО, оперировавшее процентами с капитала барона Гирша, основные свои средства вкладывало в еврейскую колонизацию Аргентины и Палестины. По договору с Комзетом его участие в со-

ветских планах землеустройства евреев оценивалось в незначительную сумму - 200 тыс. руб. Еще меньшим был вклад берлинского ОРТа - 150 тыс. руб. на поддержку и развитие евреями земледелия в Киевской и Одесской областях⁵⁷.

То обстоятельство, что наибольшую поддержку советские планы встретили в США, является неслучайным. Объясняется это не только многочисленностью еврейской диаспоры в этой стране, но и тем, что в ее составе было немало выходцев из России. Многие из них, бежавшие от еврейских погромов времен царизма и гражданской войны, с сочувствием относились к планам большевиков решить проблему землеустройства евреев.

В начале 20-х гг. в Соединенных Штатах получило широкое распространение движение за создание фонда помощи в размере 1 млн. долл. для "кредитования перехода евреев на земледелие в СССР"⁵⁸. Наиболее живое участие в нем приняли представители еврейских рабочих организаций. В декабре 1924 г. в Нью-Йорке ими была проведена конференция, посвященная оказанию помощи еврейской колонизации в СССР. На ней присутствовали 420 делегатов, представлявших, как писал журнал "Еврейская жизнь", "110 рабочих союзов, 90 различных еврейских рабочих организаций и 60 землячеств". На конференции единогласно была принята резолюция "оказать всевозможное содействие великой идее колонизации деклассированного еврейства"⁵⁹.

В сентябре 1925 г. по инициативе американского еврейского благотворительного общества "Джойнт" в Филадельфии была созвана национальная конференция, обсуждавшая проблему помощи еврейскому переселенческому движению в СССР. Основной задачей конференции, как отмечалось в отчете, "явилось не столько обеспечение успеха денежных сборов, сколько принципиальное решение вопроса о том, должно ли американское еврейство стремиться к развитию широкой еврейской колонизации в СССР или ограничиваться только реконструктивной помощью пострадавшему еврейскому населению бывшей черты оседлости, а главное свое внимание сконцентрировать на исторической

задаче колонизации Палестины”⁶⁰. По этому вопросу на конференции разгорелась острая дискуссия между сторонниками активной поддержки еврейского переселенческого движения в СССР, группировавшимися вокруг “Джойнта”, и представителями сионистских организаций, выступавших за колонизацию Палестины. В итоге большинством голосов была принята резолюция в поддержку колонизации Палестины. Вместе с тем сторонникам “советского” варианта удалось включить в резолюцию пункт об оказании финансовой помощи планам землеустройства евреев в СССР и сборе для этой цели 15 млн. долл. (для помощи колонизации Палестины сумма была определена вдвое большей)⁶¹.

Следует отметить, что всей пропагандистской работе за рубежом, дирижируемой Озетом, изначально придавалась антипалестинская направленность, тратилась масса сил и средств на доказательство преимуществ советского варианта еврейской колонизации. Такая же борьба с палестинизмом, но в более жестких формах, велась и в организациях Озета внутри страны. Вот что писал, например, в 1925 г. в частном письме в Германию, перлюстрированном ГПУ, один из жителей Ленинграда: “...Проводится усиленная борьба с проникновением в переселенческие коллективы всякого рода сионистов. В члены Озета фактически принимаются “честные беспартийцы”, никакой критики не допускается под страхом административных мер, ...еврейская секция ведет борьбу с палестинизмом под страхом административных мер”⁶².

Между тем на протяжении первой половины 20-х гг. окончательный вариант плана сельскохозяйственного переселения евреев так и не был найден. Первоначально в качестве районов возможного землеустройства трудящихся евреев рассматривались поочередно Крым, Белоруссия, Украина, ряд других областей европейской части страны. Активным сторонником “крымского” варианта еврейской колонизации выступал председатель Озета Ю. Ларин. С помощью “Агро-Джойнта”, представительство которого в СССР возглавлял выходец из России И. Розен, началось создание еврейских колоний в Крыму, в частности, в Джанкойском и Евпаторийском

районах. Разрабатывался проект еврейской республики в Крыму и поселения на ее территории 280 тыс. евреев⁶³. Параллельно Комзет начал переселение евреев из бывшей черты оседлости и в другие районы Украины, Белоруссии, РСФСР. Всего за 1925-1927 гг. было переселено (включая Крым) около 12 тыс. семей⁶⁴.

Однако наиболее перспективным и за рубежом, и среди работников Озета и Комзета считался крымский вариант. Его активным сторонником выступал в эти годы и Председатель ВЦИКа М.И. Калинин. В июле 1926 г. в "Известиях" была опубликована его статья "Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым", в которой обосновывались преимущества именно этого региона в качестве объекта еврейской колонизации. "Евреи, — отмечал он, — по воле истории привыкли жить в мягком южном климате. Всем известно, что они живут на Украине, в Польше и Белоруссии. На север их царизм не пускал, также запрещена была им полностью Сибирь. Поэтому в первую голову правительство стремится их расселить в соответствии с их привычками в тех местах, где они живут, и переселяет в такие губернии и районы, где климат и все остальные условия не резко разнятся от их прежнего быта"⁶⁵.

Была еще одна причина предпочтительности этого варианта: именно на обустройство евреев в Крыму охотнее всего выделял средства руководящий орган еврейско-американской благотворительности "Джойнт". На полуострове имелись свободные земли, которые необходимо было осваивать, что, как известно, является делом весьма дорогостоящим. Другого пути привлечь зарубежные источники финансирования в тот период у советского правительства не было.

Об этом прямо говорил в своем выступлении на съезде Озета 17 ноября 1926 г. М.И. Калинин: "Евреям [в Крыму — В.Р.] выделяются земли не самые лучшие, не лучше тех, что выделяются русским или украинцам. Но массовым порядком переселять туда несевреев у правительства нет средств⁶⁶. И далее, обосновывая правомерность принятия помощи от иностранных капиталистов, он пояснял: "...происходит совпадение интересов, исходящих из различных точек зрения

национального самосохранения массы и национально-го чувства еврейских капиталистов, находящихся за пределами Союза, которые чувствуют свой грех перед еврейским народом, которые, будучи капиталистами, пользующимися всеми благами, вместе с тем не могут спокойно спать, зная, что народ, родственный им по крови, страдает, мучается"⁶⁷. Под смех и аплодисменты делегатов докладчик сделал заключение: "Я думаю, товарищи, что мы принимаем не милость от западных капиталистов, от Джойнта, от других организаций, не милость, а мы принимаем как должное, заботясь о спасении их душ"⁶⁸. Следует заметить, что такой подход к получению помощи от западных благотворительных организаций (в те годы, когда она еще принималась) был достаточно типичен для советской бюрократии на протяжении всей ее истории.

Что касается ассигнований на сельскохозяйственное переселение евреев, то в период с 1924 по 1928 гг. сумма иностранных вложений превышала выделенные государством средства почти в четыре раза. Об этом свидетельствует секретная информация, направленная Комзетом в Евсекцию ЦК ВКП(б) от 29 декабря 1928 г., в которой приведены следующие данные: "Из потраченных на аграризацию евреев за последние 4 года средств в сумме 22497468 руб. госбюджетные ассигнования составляют 4249608 руб., средства зарубежных организаций, поступивших в иностранной валюте — 16665860 руб."⁶⁹. На эти деньги были созданы еврейские колхозы, главным образом, на Украине и в Крыму.

Однако выделенных средств не хватало. Освоение южных степей с их тяжелыми почвами и засушливым климатом требовало гораздо больших вложений. К тому же колонизационные возможности европейской части страны, традиционно страдавшей от аграрного перенаселения, были ограничены. Объявленный первоначально Озетом план переселения 100 тыс. еврейских семей оказался трудновыполнимым. Это признал, выступая на упомянутом выше съезде Озета, Ю. Ларин. Он заявил, что советская власть может предоставить в Европейской России для поселения евреев лишь небольшую часть наличного колониционного фонда, максимум для 20 тыс. семейств. А для

остальных 80 тыс. семейств надо создать колонизационный фонд с помощью мелниорации или разыскать его где-то в Азиатской России⁷⁰.

Так впервые высказывается идея об альтернативе европейскому варианту земледельческого переселения евреев. Не исключено, что она возникла также в связи с опасениями обострения настроений антисемитизма в местах расселения евреев в западных районах страны. На это, например, указывал нарком земледелия А. Смирнов⁷¹. Известно также, что планы создания еврейской автономии в Крыму вызвали в 1926-1927 гг. сопротивление со стороны руководства республики, в частности, председателя ЦИК В. Ибрагимова.

Между тем коренного улучшения в экономическом положении еврейского населения бывшей черты оседлости так и не произошло. Это отмечалось в уже упомянутом информационном письме Комзета в Евсекцию ЦК ВКП (б), авторы которого считали, что "те мероприятия, которые принимаются Советской властью для привлечения евреев к производительному труду, являются совершенно недостаточными и несоответствующими размерам нужды"⁷². По мере сворачивания НЭПа проблема бедственного положения значительной части еврейского населения страны обострилась вновь.

В эти же годы, как отмечалось выше, началось аграрное переселение из европейской части страны на Дальний Восток. Неизвестно, кому в советском руководстве пришла впервые в голову идея соединить решение двух важнейших государственных задач – улучшения демографической ситуации на малозаселенной окраине страны и землеустройства евреев, – но очевидно, что она не принадлежала ни Евсекции, ни Озету. Более того, известно, что против нее выступал Ю. Ларин⁷³.

Вполне логичным представляется утверждение, что этот проект исходил "от народного комиссариата земледелия и его энергично поддержал народный комиссариат обороны"⁷⁴. Действительно, необходимость скорейшего хозяйственного освоения Дальнего Востока была очевидной. В первую очередь, по мнению властей, это обуславливалось пограничным статусом края.

По окончании гражданской войны на правый берег Амура, в Маньчжурию, переселилась немалая часть амурского казачества. Время от времени на советскую территорию оттуда совершались рейды, которые доставляли серьезные хлопоты пограничникам и сопровождались жертвами среди местного населения, главным образом, среди партийного и советского актива. Нередкими были и набеги хунхузов.

Определенной проблемой для местных властей являлась стихийная иммиграция из перенаселенного соседнего Китая. Оттуда же направлялся основной поток контрабанды, с которой справляться было чрезвычайно сложно. Неясной была и общая геополитическая ситуация на Дальнем Востоке. Все это требовало немедленного укрепления государственной границы, усиления военного потенциала края. Содержать боеспособную армию, понятно, невозможно без развитой инфраструктуры, продовольственной базы и т.д.

Таким образом, в намерениях советского руководства разрешить проблему бедственного положения еврейских масс возобладал подход, продиктованный, главным образом, геополитическими интересами государства⁷⁵.

С 1927 г. правительство серьезно заинтересовалось "дальневосточным" вариантом еврейского переселения. В том же году определяется и гипотетический район будущей колонизации – Биробиджанский. Следует отметить, что он еще в 1925 г. был обследован экспедицией Дальневосточного земельного управления и признан пригодным для заселения. Под названием "Бирско-Тунгусский район" эта территория была включена в 10-летний план колонизации ДВК "в количестве 790 тыс. десятин, рассчитанных на 133 тыс. душ"⁷⁶

Летом 1927 г. район посетила экспедиция в составе ученых-аграриев, а также представителей Озета и Комзета. Возглавил экспедицию старший агроном Комзета, сподвижник Чаянова Б.Л. Брук. По возвращении в Москву им был сделан доклад на заседании Центрального правления Озета, в котором в целом положительно оценивались перспективы сельскохозяйственного и промышленного освоения обследованной территории.

В результате Озетом было принято постановление о целесообразности организации еврейского переселения на Амур, направленное в Комзет. Там оно встретило поддержку председателя Комзета И.И. Смидовича⁷⁷. Примечательно, что эта идея была одобрена и председателем ВЦИКа М.И. Калининым, который отныне стал ее верным защитником.

Ю. Ларин, напротив, несмотря на принятое Озетом постановление, считал «биробиджанский» вариант неудачным. В вышедшей в 1929 г. работе «Евреи и антисемитизм в СССР» он в этой связи писал: «...Биробиджан с его вечно мерзлой подпочвой, заболоченностью, гнусом, наводнениями, длительными сорокаградусными морозами, культурной оторванностью, расстоянием более тысячи верст от моря, неизбежной экстенсивностью хозяйства, коротким растительным периодом при неблагоприятном распределении осадков и т.д. – вряд ли может оказаться вполне подходящим местом для такого людского материала, как впервые вообще переходящие к земледелию горожане. Обратный отход сельскохозяйственных переселенцев, и без того довольно заметный при поселении евреев на землю, – в условиях Биробиджана неминуемо должен оказаться еще более значительным, обрекая тем самым на пропажу немалую часть затрачиваемых средств.»⁷⁸. К минусам данного проекта он относил также не только его высокую стоимость, но и невозможность использования средств зарубежных благотворительных организаций, считавших вложение в него денег делом «слишком дорогим и рискованным»⁷⁹.

Вместе с тем Ларин отмечал, что не следовало отвергать полностью «биробиджанский проект», а использовать его как дополнительный. Для него была очевидной необходимость колонизации данного района, «потому что иначе останутся незанятыми могущие быть действительно использованными там участки – и это обстоятельство будет лишним моментом, который будет манить японский милитаризм к советскому Дальнему Востоку»⁸⁰.

Любопытно, что в этой работе впервые встречается тезис о необходимости привлечения в качестве переселен-

ленцев евреев из-за рубежа, как одного из условий успеха проекта: "Широкий размах такое предприятие, отмечал Ю. Ларин, -- могло бы получить лишь в том случае, если бы предположить -- не особенно пока вероятное -- широкое переселение на Амур евреев из-за границы -- из Польши, Литвы и Румынии"⁸¹.

Несмотря на позицию руководства Озета и Евсекции, 28 марта 1928 г. было принято постановление Президиума ЦИК СССР о выделении Биробиджанского района для сплошного заселения трудящимися евреями "в следующих примерно границах: по р. Амуру западнее г. Хасановска до устья р. Хинган и по р. Хинган до железнодорожной линии, далее севернее железнодорожной полосы"⁸².

Административным центром района стала станция Тихонькая, в которой по переписи 1926 г. проживало 831 чел. (Позднее, в январе 1931 г. она была переименована в Биробиджан.) Достоверно неизвестно, почему именно эта станция стала ядром будущей еврейской колонизации. По устным воспоминаниям дочери Б.Л. Брука М. Ботвинник, место понравилось отцу во время его первой поездки на Дальний Восток в составе экспедиции, обследовавшей район.

Территория была малообжитой, что исключало возможность недовольства со стороны местного населения. Однако, как отмечалось, не только и не столько желание оградить от проявлений антисемитизма направляемых туда евреев двигало советским руководством. Очевидно, что главным было стремление освоить огромный малонаселенный регион, в том числе, и с помощью плана "землеустройства трудящихся евреев". Безусловно, в переселенческой политике, осуществляемой государством на Дальнем Востоке, он не являлся основным. Но, тем не менее, идея колонизации хотя бы одного из районов края с привлечением иностранной финансовой помощи, на которую государство рассчитывало, в условиях постоянной нехватки средств казалась продуктивной.

Следует заметить, что, Дальневосточное краевое земельное управление, постоянно подчеркивая перед Центром необходимость улучшения организации сель-

скохозяйственного переселенческого движения в ДВК, на первых порах перспективы освоения выделенного евреям района оценивало весьма сдержанно. Оно полагало, что “трудно судить о пригодности для переселенцев-евреев именно этой северной и горно-таежной части” и считало, что это обстоятельство “лишает возможности высказаться за приемлемость для Комзета означенного предложения”⁸³.

Но предложение уже не обсуждалось, тем более с местной властью. От нее лишь требовалось подготовиться к приему переселенцев. Последнее же представляло значительные трудности в виду поспешности проводимой кампании. Работникам соответствующих ведомств не хватало информации о характере предстоящего переселения евреев, с ними не была проведена необходимая разъяснительная работа. Не были выделены из Москвы требуемые средства (смета была утверждена позднее, и то в объеме 48 % от первоначальной заявки)⁸⁴. Отсутствовала элементарная материальная база, позволявшая принимать переселенцев, к тому же совершенно не подготовленных к местным климатическим условиям и в массе своей бывших горожанами.

Все это напоминало типичную большевистскую “красногвардейскую атаку” и застало местные органы власти врасплох. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют документы. Так, в марте 1928 г. Президиум Далькрайисполкома заслушал доклад “о результатах обследования подготовленности переселенческого аппарата к предстоящей переселенческой кампании” и признал её неудовлетворительной⁸⁵. Однако, несмотря на это, в апреле 1928 г. Комзетом были выданы наряды на переселение 600 чел. из Минска, Харькова, Могилева, Витебска и других городов европейской части страны⁸⁶. (Всего в соответствии с планом в первые пять лет предусматривалось переселить сюда до 11 тыс. еврейских семей⁸⁷). Когда уже переселенцы находились в пути в Биробиджан, состоялось заседание Хабаровского окружного комитета ВКП (б), рассмотревшего вопрос о еврейской колонизации. В результате его обсуждения было принято следующее постановление:

1. Констатировать недостаточную ясность в практическом осуществлении ряда минимальных мероприятий по приему и водворению еврейских переселенцев в Биробиджанский район.

2. Поставить этот вопрос специально после возвращения из Биробиджана представителя Комзета.

3. Предложить коммунистической фракции Окрисполкома в срочном порядке проработать вопрос о границах Биробиджанского района и войти с представлением в крайисполком на предмет оформления его границ и руководства еврейским переселением⁸⁸.

Все это контрастировало с настроениями, царившими в руководстве Комзета. Несмотря на очевидную неготовность местных властей предоставить еврейским колонистам элементарные условия для труда и проживания, Комзет обратился с просьбой во Всесоюзный переселенческий комитет откорректировать план в сторону увеличения цифр направляемых на Дальний Восток в 1928/1929 г. евреев. Сначала он попросил включить в план 3 тыс. семей (15 тыс. душ), а затем – 4 тыс. (20 тыс. душ)⁸⁹. Эти фантастические цифры, взятые с потолка, достаточно наглядно отражают уровень компетентности Комзета – организации, осуществлявшей непосредственное руководство еврейским землеустройством. Забегая вперед отметим, что таких показателей еврейская колонизация в Биробиджанский район не достигла никогда.

В конце мая 1928 г. первая группа еврейских переселенцев из западных областей страны прибыла в Биробиджан, и тем самым было положено начало драматической, а временами и трагической, истории освоения этого сурового края. Не касаясь этого самостоятельно сюжета, рассмотрим, какое место отводилось советским руководством участию зарубежной еврейской диаспоры в реализации “биробиджанского проекта”.

Как уже отмечалось, власти СССР всегда рассчитывали в своих планах приобщения евреев к земледелию на помощь их соотечественников, проживавших за рубежом. Вместе с тем они отдавали себе отчет в том, что привлечь их к сотрудничеству по освоению Дальнего Востока будет непросто. И действительно, крупнейшая

еврейская благотворительная организация “Джойнт” от участия в “биробиджанском проекте” категорически отказалась. Более того, комитет организации потребовал включить в текст договора о сотрудничестве пункт о том, что ни один цент из выделяемых денег не должен пойти на Биробиджан⁹⁰.

Но в фактическом распоряжении ВКП (б) находилась довольно мощная организационная структура – Коминтерн, при помощи которого можно было организовать любую акцию в поддержку СССР. К тому же в эти годы запас симпатий к стране социализма со стороны части либеральной интеллигенции Запада еще не иссяк. Это обусловило возможность развертывания за рубежом довольно громкой пропагандистской кампании помощи “биробиджанскому проекту”. Наибольший успех она имела, как и в начале 20-х годов, в США. Особенно заметную роль в моральной и материальной поддержке кампании по переселению евреев в Биробиджан сыграла левая американская организация “Икор”. Она была основана в США в декабре 1924 г. еврейскими коммунистами и левыми сионистами с целью оказания помощи планам землеустройства евреев СССР. Почетным председателем “Икора” стал доктор социологии и специалист в области сельского хозяйства, профессор Чарлз Кунц⁹¹. Организация изначально действовала в тесном контакте с Озетом, но до появления плана освоения евреями Биробиджанского района советская сторона не испытывала к ней большого интереса. Гораздо большие выгоды сулило сотрудничество с respectableм “Джойнтом”. И только в связи с разработкой “биробиджанского проекта” возник интерес к деятельности “Икора”.

В декабре 1928 г. в Москву был приглашен Ч. Кунц, где он присутствовал на заседаниях Президиума Центрального совета Озета, рассматривавших вопросы колонизации Биробиджана. Ч. Кунц стал на многие годы основным энтузиастом хозяйственного освоения этого района, превращения его в современный аграрно-индустриальный комплекс, способный удовлетворить разнообразные потребности человека. Однако его высокие планы расходились с намерениями советского руковод-

ства, исходившего из совершенно других приоритетов. Это очень огорчало американца, и он не хотел с этим мириться. Так, посетив несколько заседаний Президиума Центрального совета Озета, он направил в его адрес письменное обращение, в котором изложил свое мнение относительно характера обсуждения поставленных вопросов. Отметив глубокую серьезность, с которой “разбирались разные предметы”, Ч. Кунц вместе с тем подчеркнул, что “колонист же, его судьба, перспективы его будущности, его экономическая, социальная и культурная жизнь темой этих заседаний почти что не являлись”⁹². Разумеется, это и другие замечания профессора (“Странно, – писал он, – что здесь вы все думаете и действуете в терминах крестьянства или кустарничества, одним словом, в терминах средневековой экономики, а говорите о механизации, индустриализации, рационализации”⁹³) не возымели никакого действия.

Несмотря на то, что Ч. Кунц был для советской стороны не самым удобным партнером, сотрудничество с “Икором” укреплялось, ибо другой американской еврейской организации, способной оказать реальную помощь “биробиджанскому” проекту”, в это время не было. 7 марта 1929 г. Совнарком СССР заключил с “Икором” договор “об оказании помощи расселяющимся трудящимся евреям в СССР”. В соответствии с ним только в 1929 г. организация обязывалась поставить в Биробиджан оборудования на общую сумму в 145320 долл.⁹⁴. Всего же за период с мая 1928 по май 1929 гг. она снабдила колонистов машинами и инструментами на сумму около 150 тыс. долл.⁹⁵.

Помощь “Икора” в реализации “биробиджанского проекта” этим не ограничивалась. Осенью 1929 г. им была организована экспедиция в Биробиджанский район под председательством профессора Ф. Гарриса. В ее составе были специалисты в области сельского хозяйства, фермерского и кооперативного движения Б. Браун, Б. Дэвидсон, Ч. Кунц, К. Сулис, а также секретарь «Икора» Леон Тэлми – всего 6 человек. В течение 6 недель в сложных условиях они обследовали район еврейской колонизации и пришли к довольно оптимистичным выводам относительно перспектив его освоения. В

подготовленном комиссией докладе была выражена уверенность, что "еврейские переселенцы сумеют превратить Биробиджан в хорошо развитую цветущую страну"⁹⁶. Выводы этого доклада впоследствии широко использовались в агитационной работе среди американского еврейства.

По возвращении в Москву комиссия была принята Председателем СНК А.И. Рыковым и сообщила ему о результатах экспедиции. На сей раз акцент в докладе проф. Гарриса был сделан не столько на благоприятных возможностях Биробиджана, сколько на условиях их реализации. В их числе были названы необходимость увеличения финансирования, ускоренное проведение мелиорации, улучшение быта переселенцев, создание условий для развития культуры и др.⁹⁷ Примечательно, что в своем ответе Гаррису Рыков подчеркнул, что "вопрос о выделении дополнительных средств будет зависеть от того, останутся ли для этого средства после удовлетворения других, еще более неотложных потребностей государства и народного хозяйства"⁹⁸. Таким образом, проблема недостатка финансирования на многие годы станет одной из острейших в деле колонизации этого сурового края. Другой не менее острой проблемой станет бесхозяйственность и плохая организация переселенческого движения. Особенно это проявится в связи с прибытием в Биробиджан колонистов из-за рубежа.

Как отмечалось, первоначально в планах "землеустройства трудящихся евреев" непосредственное привлечение на Дальний Восток переселенцев из других стран не предусматривалось. Однако вскоре советское руководство изменило свою позицию в данном вопросе. Не удалось установить точные мотивы такого решения. Скорее всего, они связаны с пропагандистскими задачами, обусловленными разразившимся на Западе в 1929 г. тяжелейшим экономическим кризисом. На этом фоне динамичное развитие советской экономики, ощутимые социальные гарантии, казалось, неоспоримо свидетельствовали о преимуществах нового строя. В Озет стали поступать многочисленные письма от безработных евреев различных стран, в первую очередь, бывших рос-

сиян, увидевших в переезде в Биробиджан шанс для спасения себя и своих близких. Архив этой организации хранит массу таких посланий, авторы которых буквально молят советские власти предоставить им возможность переезда в СССР.

С учетом социального и имущественного положения абсолютного большинства просителей можно сделать вывод, что больших экономических выгод советской стороне подобное предприятие не сулило. Скорее всего, они лежали именно в плоскости политической, а также идеологической. Как представляется, это был шанс продемонстрировать преимущества социализма, в том числе в области решения "еврейского вопроса". Разумеется, не последнюю роль играл расчет на активизацию тем самым кампании моральной и материальной поддержки "биробиджанского проекта", проводимой Озетом и сотрудничавшими с ним организациями среди еврейской диаспоры различных стран мира. На первых порах так и случилось. Но по мере переезда в Биробиджан переселенцев из-за рубежа (привозивших с собой машины, оборудование, медикаменты, приобретенные на средства, собранные в своих странах) стало очевидным, что в значительной степени этот расчет себя не оправдал. Там, где советские евреи в массе своей мирились с бытовыми и хозяйственными трудностями, с равнодушием чиновников, халатностью и безалаберностью, иностранцы выражали неприятие и даже протест. Главным образом – "ногами": процент "обратничества" среди иностранных евреев был значительно более высоким, чем среди советских. Очевидно, что, возвратившись домой, они становились субъектом контрпропаганды "биробиджанского проекта".

Тем не менее, в рассматриваемый период он был еще весьма популярен среди довольно многочисленных левых кругов еврейства многих стран и, в первую очередь, США. Оказывали ему поддержку и многие из тех, кто не был связан с коммунистическим движением и не придерживался близких ему взглядов, для кого просто интересы своего народа были небезразличны. Достаточно характерна в этом отношении точка зрения В. Цукермана, автора статьи "Советская Россия как место еврейской

миграции", опубликованной в газете "Фолксблат", издаваемой в Ковно. "Коммунизм, капитализм, писал он, - это не еврейские вопросы. Наличие той или иной системы от нас не зависит... Единственное, что мы можем желать, это чтобы разные нации, идя по той или иной дороге, относились к нам, как равным"⁹⁹. Схожую позицию выражал в 1929 г. и харбинский журнал "Еврейская жизнь": "Каждый из нас, болеющий за судьбу обнищавшего русского еврейства, будет рад видеть реальную пользу в колонизации евреев, в переходе голодающих деклассированных элементов к производительному труду, где бы это ни было. Пусть в Биробиджане. Если это только не будут напрасные жертвы, обреченные на гибель, в забытом Богом и людьми, пожирасмом мошкаррой заболоченном крае"¹⁰⁰. Как показала история, многие из этих опасений подтвердились.

Особенно тяжело пришлось первым поселенцам, и не только потому, что пионсрам освоения всегда приходится особенно трудно. Их трудности объяснялись не только отсутствием опыта проведения подобных мероприятий на Дальнем Востоке, не только непривычными для переселенцев природно-климатическими условиями, но и непроработанностью проекта, халатностью ответственных лиц, складывавшейся советской традицией равнодушного отношения к конкретному человеку, его проблемам и нуждам. Мешал переселенцам и завышенный уровень ожиданий, сформированный пропагандой. Реальность оказалась совсем иной.

В определенной степени связано это и с тем, что в рассматриваемый период советское правительство еще четко не определилось относительно перспектив выделенного для еврейского землеустройства Биробиджанского района. Он рассматривался в качестве одного, но отнюдь не главного объекта еврейской колонизации, наряду с областями степной Украины, Крыма и др. Об этом свидетельствовало постановление Совета народных комиссаров "О мероприятиях по улучшению экономического положения еврейских масс в Союзе ССР", принятое 22 апреля 1929 г.¹⁰¹

Наличие альтернативных вариантов землеустройства, связанных с более привычными для евреев геогра-

фическими условиями, культурной средой, отнюдь не стимулировало их переселение на Дальний Восток. Это также обуславливало то обстоятельство, что выделяемые государством более чем скромные средства приходилось распределять между несколькими объектами. Зарубежные же еврейские благотворительные фонды, как отмечалось, оказывать помощь Биробиджану не спешили.

Ситуация изменится только в начале 30-х гг., когда советское руководство пересмотрит свое отношение к “биробиджанскому проекту” и определит его в качестве приоритетного, с перспективой образования на Дальнем Востоке еврейской административной единицы. Скорее всего, это было связано с соображениями международного характера.

Как известно, в эти годы в Японии возросло влияние правых, милитаристских сил, подталкивавших правительство к агрессивному внешнеполитическому курсу. Они заявляли о необходимости более жесткого отстаивания “японских жизненных интересов на Азиатском континенте”¹⁰². В этой связи японская сторона внимательно наблюдала за всем, что происходило в эти годы на советском Дальнем Востоке.

Японская исследовательница Чизуко Такао, выступая на международной конференции “Российский Дальний Восток: прошлое и настоящее” (Хабаровск, 1995 г.) с докладом “Переоценивая “биробиджанский проект”. Региональный контекст”, привела в этой связи любопытный исторический факт. Японский консул в Одессе Сигеру Симада еще в начале февраля 1928 г., т.е. более чем за месяц до принятия советским правительством официального постановления, направил в Министерство иностранных дел своей страны доклад о “биробиджанском проекте”¹⁰³.

Существо японской политики в регионе стало совершенно очевидным после введения в сентябре 1931 г. в Маньчжурию Квантунской армии и создания там в феврале 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-Го. Таким образом, стратегическое значение находившегося по другую сторону Амура Биробиджанского района резко возросло.

Именно эти обстоятельства, как представляется, обусловили активизацию усилий советского правительства по заселению и хозяйственному освоению данной территории. Не случайно как раз на эти годы приходится самая широкая агитационная кампания за переезд евреев в Биробиджан, как внутри страны, так и за рубежом, стимулированная обещанием создать на Дальнем Востоке национально-государственную автономию. Отмечается возрастание внимания государственных органов и общественных организаций к “биробиджанскому проекту”, предпринимаются усилия по развитию национальной культуры. В 1932 г. отмечается резкая интенсификация переселенческого процесса. (Так, в 1929 г. число переселенцев составило 555 чел., в 1930 г. – 680 чел., а уже в 1931 и 1932 гг. соответственно 3231 чел. и 14000 чел.¹⁰⁴)

Таким образом, план переселения “трудящихся евреев” на Дальний Восток преследовал цели, не совсем связанные с их непосредственными интересами. В процессе его конкретизации эти цели несколько менялись, но всегда они исходили из общегосударственных интересов, которые могут быть поняты только с учетом исторического времени и характера существовавшего в стране режима.

Следует отметить, что в соответствии с этим планом дальневосточным краевым органам отводилась сугубо второстепенная роль. Они являлись лишь исполнителями решений, которые принимались исключительно в Москве. Очевидно, этим объясняется то, что предстоявшее переселение евреев практически никак не отразилось на приоритетах проводимой в ДВК национальной политики.

В марте 1927 г. постановлением бюро Далькрайкома ВКП (б) при агитационно-пропагандистском отделе был создан подотдел национальных меньшинств, который возглавил кореец Пак-Ай¹⁰⁵. Основным содержанием деятельности подотдела стала работа среди “восточных рабочих”. Особое внимание уделялось корейцам: для них создавались национальные школы, издавалась литература и т.д. Это не было случайным, т.к. корейцы составляли довольно многочисленную этническую

группу в структуре населения ДВК, а особенно много их проживало на территории Владивостокского округа. Но в работе советских и партийных органов в области национальной политики обозначился явный перекос в сторону этого направления в ущерб другим.

На это было указано местным властям в решении Президиума ВЦИКа от 29 августа 1927 г. В нем обращалось внимание уполномоченного по национальным делам при Далькрайисполкоме на необходимость «ведения работы не только среди корейского населения, но и среди других национальностей ДВК»¹⁰⁶. В мае 1928 г. отдел национальностей ВЦИКа направил отношение в Далькрайисполком, в котором напомнил о необходимости выполнения решения Президиума, отметив наличие в крае «значительного количества украинцев, белорусов, китайцев и др., которых следует обслуживать как население национальностей»¹⁰⁷. Однако существенных изменений не последовало. Как следует из справки Далькрайкома ВКП (б) о работе среди национальностей, датированной 26 июня 1929 г., работа велась только среди «восточной группы нацменов (корейцев, китайцев и бурят)»¹⁰⁸.

Между тем с началом еврейского переселения отмечается некоторый рост антисемитизма в ДВК. В эти годы соответствующими органами фиксируются довольно многочисленные случаи его проявления. В массе своей они не выходили за рамки традиционных юдофобских предрассудков.

Так, в январе-феврале 1929 г. ОГПУ доносило секретарю Далькрайкома ВКП (б) Персепчко о найденных в одном из женских туалетов Читы листовок с изречениями типа «Бей жидов, спасай Россию!», «Жид русскому не пара» и т.п.¹⁰⁹ В Благовещенске член большевистской партии некий Стецун на собрании заявил: «Жида, кругом жида. Я от них с Украины бежал, думал, на Дальнем Востоке их меньше, а здесь тоже жидовское засилье»¹¹⁰. Антисемитские выходки подобного рода имели место на Читинском шубном заводе, в железнодорожном техникуме Хабаровска и педагогическом техникуме Владивостока, на стройках Дальбанка и Госбанка в Хабаровске. Имелись и другие факты из этого ряда,

заслуживавшие несомненного осуждения. Но их оценка партийными и советскими органами была в духе времени – как свидетельство нарастания в стране классовой борьбы.

Во всех дальневосточных газетах за 1929 г. почти синхронно появились статьи с характерными заголовками: “Дадим отпор проявлениям национальной вражды” (Тихоокеанская звезда, 14.02.1929 г.); “Антисемиты распоясались (ТОЗ, 20.02.1929 г.); “Калёным железом выжигать антисемитизм из комсомола, школы, рабочей среды” (Забайкальский рабочий, 18.04.1929 г.) и др.

Газета “Амурская правда” в статье “Внимание борьбе с антисемитизмом” давала этому явлению довольно типичную для той поры оценку: “Антисемитизм ныне оживает, как один из видов подпольной пропаганды. Это явление отнюдь не случайно. Оно является прямым следствием обострения классовой борьбы и активизации кулацко-капиталистических элементов, которые всё энергичнее выдвигают его в качестве одного из своих контрреволюционных орудий”¹¹¹.

Дело не ограничивалось газетными публикациями. Соответствующие организационные мероприятия проводились партийными комитетами различного уровня. Далькрайсовпроф обратился ко всем профсоюзным организациям принять “решительные меры к выявлению и судебному разрешению имеющихся случаев гонений и избиения трудящихся других национальностей”¹¹². 14 февраля 1929 г. в хабаровской газете “Тихоокеанская звезда” было опубликовано интервью с прокурором края Андреевым, в котором он заявил о необходимости “ставить вопрос о повышении карательных мер с тем, чтобы изжить это тяжелое наследие прошлого [т. е. шовинизм – В.Р.]”¹¹³.

Вскоре такие меры последовали. В апреле 1929 г. в Хабаровске состоялся показательный процесс “по делу об избиениях и издевательствах со стороны русских рабочих над рабочими-евреями и китайцами на стройках ДКСНХ, Дальбанка и Госбанка”¹¹⁴. Он был связан с убийством одного из китайских рабочих. Уголовному делу была придана политическая окраска. “Выжечь с корнем наследие прошлого – антисемитизм и все про-

явления национального антагонизма – очередная задача в жизни советской общественности”, – писала в связи с проходившим в городе судебным процессом газета “Тихоокеанская звезда” – орган Далькрайкома ВКП (б)¹¹⁵.

Практика возбуждения уголовных дел против “конкретных виновников разжигания национальной розни” довольно широко использовалась и в дальнейшем¹¹⁶.

Из других форм работы краевых органов в области “еврейской политики” отметим закрытие сохранившихся к концу 20-х гг. синагог и еврейских кладбищ. В эти годы владивостокская синагога была превращена в рабочий клуб¹¹⁷, а хабаровская – в “пролетарский музей”. “По просьбе трудящихся” закрывались синагоги в Читинской области¹¹⁸. Под предлогом противоречия “интересам военной обороны страны” было закрыто еврейское кладбище в Чите (оно оказалось расположенным в непосредственной близости от артиллерийского склада)¹¹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что все эти акции проходили в рамках не местной национальной политики, а очередного витка антирелигиозной борьбы, проводившейся в стране и касавшейся всех без исключения конфессий. Что касается иудаизма и еврейских традиций, то здесь режиссером кампании традиционно выступила Евсекция. Но это прозвучало уже заключительным аккордом в деятельности организации, оставившей весьма разрушительный след в истории советского еврейства. В 1930 г. Евсекция была распущена.

Подводя итог государственной политике советской власти, как центральной, как и местной, в отношении еврейского населения региона в период, предшествовавший созданию на территории края еврейской национальной автономии, отметим следующее.

С упразднением ДВР и утверждением на территории Дальнего Востока большевистского политического режима самостоятельное “еврейское” направление в местной национальной политике исчезло. В значительной степени это объяснялось малочисленностью еврейского населения края и высокой степенью его ассимилированности. Были тому и более глубокие причины. Они определялись существом советской политики в “еврейском вопросе”, которая, в свою очередь, исходила из двух

посылок: во-первых, необходимости предоставления евреям всего комплекса прав в соответствии с конституцией страны и уничтожения всех проявлений антисемитизма и дискриминации по национальному признаку, а во-вторых, отказа признать евреев в качестве культурной и религиозной общности. Они должны были наряду со всеми другими нацменьшинствами в конечном счете стать некоей новой советской идентичностью -- "национальной по форме и социалистической по содержанию". У созданных большевиками для реализации этой цели специальных структур -- Еврейского комиссариата и Евсекции ВКП (б) -- никакой конструктивной программы по существу не было и быть не могло. Поэтому в общем и целом их деятельность носила выраженный деструктивный характер: она была направлена на борьбу с "буржуазным национализмом", "темнотой и отсталостью еврейских масс".

В русле этой политики в первые годы советской власти произошло уничтожение существовавших в условиях Дальневосточной Республики национальных культурных, общественных и политических институтов как оплотов "буржуазного национализма". В рамках проводившейся в стране антирелигиозной борьбы осуществлялась ликвидация культовых учреждений.

Разработка и начало реализации "биробиджанского проекта" не внесли существенных коррективов в местную национальную политику. Основным ее объектом продолжали оставаться, в первую очередь, коренные народы Дальнего Востока и "восточные рабочие".

Местные партийные и советские органы рассматривали правительственный план сельскохозяйственного переселения евреев в Биробиджанский район как выполнение важной государственной, в первую очередь, народнохозяйственной задачи. Все сугубо национальные проблемы, с ней связанные, решались в контексте обеспечения условий ее успешного решения. Одной из таких проблем стал некоторый рост в крае бытового антисемитизма, с которым власть вела бескомпромиссную борьбу в адекватных тому периоду формах.

Таким образом, после восстановления в 1922 г. советской власти на территории Дальнего Востока в ре-

результате классовой национальной политики и антирелигиозной кампании был положен конец непродолжительной, но весьма своеобразной истории местного еврейства. С принятием правительством СССР решения о создании в ДВК еврейской автономии начинается новая, советская "еврейская история" региона.

Примечания

1. Дальревком. Сборник материалов. – Хабаровск, 1949. С.39.
2. Там же. С.44.
3. См. *Ним И.В.* Указ. соч. С.257 – 258.
4. ГАХК. Ф. 358. Оп. 1. Д.7. Л.267.
5. Там же. Л.272.
6. *Зискинд Я.В.* Записки. Рукопись. ПСА. В.4. F.29. P.1.
7. *Кауфман А.И.* Поселок Харбин // Бюллетень Игуд Иоцей Син. 1992, № 324. С.27.
8. Там же. № 325. С.4.
9. Сибирь-Палестина. 1923, № 19. С.19.
10. РГАСПИ. Ф.151. Оп.1. Д.43. Л.38. Любопытно отметить, что в 1925 г., когда в Советском Союзе продолжались преследования сионистов, советская сторона за подписью А.Г. Шляпникова направила приветствие XIV Сионистскому конгрессу, в котором выражались пожелания "плодотворной и успешной работы на пользу широких еврейских масс всего света" и предлагалось поднять "голос протеста против того дикого потока клеветы и вражды, который бурлит вокруг того факта, что в СССР евреи получили возможность массового перехода к земледелию." // Еврейская жизнь. 1925, № 38. С. 22.
11. Дальневосточный путь. 1923. 23 марта.
12. Сибирь-Палестина. 1923. № 15. С.1.
13. РГАСПИ. Ф.372. Оп.1. Д. 113. Л.208.
14. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.198. Л.163.
15. Там же. Л.175.
16. Там же. Л.190.
17. В ночь с 25 на 26 апреля 1928 г. ГПУ были заняты помещения ЦК Еврейской коммунистической рабочей партии ("Поалей-Цион") и Еврейского коммунистического союза молодежи ("Югенд Поалей-Цион"), Московского комитета партии и клуба им. Б. Борохова. В ту же ночь были произведены обыски у членов обоих ЦК с изъятием всех партийных изданий и материалов. На следующий день они были вызваны в ОГПУ, где устно им было объявлено о закрытии партии и ее отделений с 28 апреля 1928 г. // РГАСПИ. Ф.181. Оп.1. Д.43. Л.75.
18. Еврейская жизнь. 1928, № 3. С.9.
19. ГАРФ. Ф.Р-1318. Оп.1. Д.726. Л.84.
20. Там же. Л.86.
21. РГАСПИ. Ф.372. Оп.1. Д.665. Л.10.
22. Там же.
23. РГИА ДВ. Ф.Р-2422. Оп.1. Д.1092. Л.3.
24. РГАСПИ. Ф.272. Оп.1. Д.200. Л.22.
25. Там же. Л.22 (об).

26. Там же.
27. Там же.
28. РГАСПИ. Ф.445. Оп.1. Д.120. Л.151.
29. Там же.
30. Сибирь-Палестина. 1923. № 19. С.19.
31. ГАРФ. Ф.Р-1318. Оп.1. Д.135. Л.159.
32. РГИА ДВ. Ф.Р-2422. Оп.1. Д.61. Л.1.
33. Дальневосток. Сборник материалов. С.16.
34. Цит. по: *Нам И.В.* Указ. соч. С.239.
35. Там же. С.239-240.
36. РГИА ДВ. Ф.Р-2422. Оп.1. Д.61. Л.1.
37. Там же. Л.9.
38. Там же. Л.8.
39. ГАХК. Ф.335. Предисловие к оп.1; Оп.1. Д.74. Л.69.
40. ГАХК. Ф.424. Оп.1. Д.6. Л.20.
41. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том VII. ДВК и Якутская АССР. – М., 1928. С.12.
42. ГАХК. Ф.137. Оп.3. Д.16. Л.7 (об).
43. Там же. Л. 8.
44. РГАСПИ. Ф.17. Оп.84. Д.717. Л.110.
45. Рыбаковский Л.Л. Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. С.117.
46. Там же. С.119.
47. ГАХК. Ф.П-2. Оп.1. Д.7. Л.36-а.
48. Там же. Л.355.
49. *Калинин М.И.* Евреи-земледельцы в союзе народов СССР (Речь на съезде Общества земельного устройства трудящихся евреев – ОЗЕТ, 17 ноября 1926 г.). – Б.м., Б. г. С.7.
50. По мнению Б.Д. Бруцкуса, в бывшей черте оседлости НЭП начался не ранее 1924 г. вследствие противодействия Евсекции. – *Бруцкус Б.Д.* Еврейское население под коммунистической властью // Евреи и русская революция. С.299.
51. *Калинин М.И., Сидович П.Г.* О земельном устройстве трудящихся евреев в СССР. – М., 1927. С.14-15.
52. *Бруцкус Б.Д.* Указ. соч. С.311.
53. ГАРФ. Ф.Р-7541. Предисловие к оп.1
54. ГАРФ. Ф.9498. Оп.1. Д.1. Л.6.
55. В 1932 г. отделения Озета существовали в 17 странах.
56. РГАСПИ. Ф.445. Оп.1. Д.86. Л.26.
57. *Финкель Х.-А.* Еврейское землеустройство в Советском Союзе. – Харьков, 1926. С.29.
58. *Бугай Н.Ф.* 20-50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. № 4. С.176.
59. Еврейская жизнь. 1925, № 7. С.15.
60. ГАРФ. Ф.9498. Оп.1. Д.9. Л.2.
61. Там же.
62. *Извозик В.* Переписка через ГПУ // Родина. 1994, № 9. С.81.
63. *Вайсман Д.И.* Биробиджан: мечты и трагедия. Хабаровск, 1999. – С.11.
64. *Бруцкус Б.Д.* Указ. соч. С.313.
65. Известия. 1926. 11 июля.
66. *Калинин М.И.* Еврейский вопрос. – Харьков, 1927. С.30.

67. Там же. С.37.
68. Там же. С.43.
69. РГАСПИ. Ф.445. Оп.1. Д.86. Л.28.
70. Брудкус Б.Д. Указ. соч. С.315.
71. Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.176.
72. РГАСПИ. Ф.445. Оп.1. Д.86. Л.28.
73. Об этом он достаточно убедительно писал в своей работе // Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. – М.-Л., 1929. – 311 с.
74. Абрамский И. Биробиджанский проект, 1927 – 1959. // Евреи в Советской России (1917 – 1967). – Б.м., 1975. С.114.
75. В своих воспоминаниях Павел Судоплатов также отмечает, что "образование Еврейской автономной области с центром Биробиджан было предпринято Сталиным для усиления пограничного режима на Дальнем Востоке путем создания там своего рода заслона, а совсем не как шаг к созданию еврейского государства" // Судоплатов П.А. Снепо-перации. Лубянка и Кремль 1930 – 1950 годы. – М., 1998. С.462.
76. ГАХК. Ф.99 Оп.1. Л.127 (об).
77. Вайсман Д.И. Указ. соч. С.17.
78. Ларин Ю. Указ. соч. С.184. Время показало, что в этих опасени-ях была значительная доля истины.
79. Там же.
80. Там же. С.184-185.
81. Там же. С.67.
82. ГАРФ. Ф.7541. Оп.1. Д.191. Л.3.
83. ГАХК. Ф.99. Оп.1. Д.1. Л.129.
84. РГАСПИ. Ф.445. Оп.1. Д.86. Л.25.
85. ГАХК. Ф.137. Оп.4. Д.4. Л.184 (об.).
86. Вайсман Д.И. Указ. соч. С.17.
87. РГАСПИ. Ф.445. Оп.1. Д.86. Л.25.
88. ГАХК. Ф.П-341. Оп.1 Д.316. Л.68.
89. ГАРФ. Ф.7541. Оп.1. Д.191. Л.20-22.
90. Еврейская жизнь. 1929. № 18. С.4.
91. American Jews and Birobidjan Project: ICOR, the Organization for Jewish Colonization in the Soviet Union, – The First Ten Years, by H. Strebnik. N.Y., 1934. P.5. // Архив YIVO, Нью-Йорк.
92. ГАРФ. Ф.9498. Оп.1. Д.45. Л.1.
93. Там же.
94. ГАРФ. Ф.7541. Оп.1. Д.320. Л.4.
95. Следует отметить, что "Икор" оказывал помощь Биробиджану на протяжении 20 лет, и общий её объём составил 3406087 долл. – Nailebn (New Life). 1948. №5. P.10 // Архив YIVO, Нью-Йорк.
96. ГА БАО. Ф.3. Оп.1. Д.315. Л.2.
97. ГАРФ. Ф.7541. Оп.1. Д.320. Л.10.
98. Там же Л.23.
99. ГА БАО. Ф.3. Оп.1. Д.177. Л.71.
100. Еврейская жизнь. 1929. № 18. С.19.
101. РГАСПИ. Ф.445. Оп.1. Д.86. Л.15.
102. Goodman D., Mijazawa M. Op. cit. P.88.
103. Takao Ch. Reevaluating the "Birobidjan Project". Regional Context. // Manuscript of the Papers for the Conference "Russian Far East: Past and Present". Khabarovsk. August, 1995.
104. ГАХК. Ф.П-2. Оп.11. Д. 28. Л.4.

- 105. Там же. Д.29. Л.172.
- 106. Там же.
- 107. Там же. Оп.1. Д.154. Л.29.
- 108. ГАХК. Ф.П-2. Оп.1. Д.164. ЛЛ.2, 34-34.
- 109. Там же. Оп.11. Д.410. Л.26.
- 110. Тихоокеанская звезда. 1929. 22 марта.
- 111. Амурская правда. 1929. 26 февр.
- 112. Тихоокеанская звезда. 1929. 14 февр.
- 113. Там же.
- 114. Тихоокеанская звезда. 1929. 3 апр.
- 115. Там же.
- 116. ГАХК. Ф.П-2. Оп.1. Д.203. Л.423.
- 117. Еврейская жизнь. 1929. № 21. С.14.
- 118. РГИА ДВ. Ф.2413. Оп.4. Д.443. Л.8.
- 119. Там же. Л.262.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование государственной политики в отношении еврейского населения Дальнего Востока России в 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв. позволяет сделать вывод о том, что она определялась общими подходами власти к “еврейскому вопросу” в тот или иной исторический период. Вместе с тем ее характеризует определенное своеобразие, обусловленное воздействием целого комплекса факторов регионального характера.

Определяя существо политики царизма в этом направлении, следует отметить, что она базировалась на двух нажнейших составляющих. Во-первых, это государственный антисемитизм, существенно ограничивавший права евреев, в том числе право на передвижение. Он определялся целым комплексом причин религиозного, экономического и политического характера. В силу действия дискриминационных законов в отношении евреев их проживание за пределами специально созданной в европейской части страны черты оседлости разрешалось лишь в виде исключения. Во-вторых, это общие подходы к проблеме колонизации Сибири, характеризовавшиеся отсутствием у правительства в течение длительного времени стройной концепции хозяйственного освоения этого огромного региона и использованием его, главным образом, в качестве места ссылки. Исходя из этого, общее направление политики самодержавия в отношении пребывания здесь евреев сводилось к их недопущению на территорию региона, но запрет не распространялся на евреев-преступников, отбывавших там наказание и оставленных на поселение. Таким образом, основной костяк формировавшегося еврейского населения региона наряду с военнотрудовыми составили отбывшие наказание лица. Такова была общая тен-

денция, но в ее рамках существовали различные варианты, обусловленные конкретным политическим курсом того или иного монарха в конкретный исторический период. Сама эта вариативность подчинялась известному “закону маятника”, характерному, по мнению многих ученых, для исторического развития России в целом: либеральные политические тенденции неизбежно сменялись консервативными и наоборот.

Анализ источников формирования еврейского населения региона показывает, что, несмотря на запретительную в целом политику, оно увеличивалось, как за счет временного расширения круга лиц (главным образом, владевших дефицитными специальностями), пользовавшегося правом повсеместного жительства, так и за счет незаконного переезда евреев на Восток страны. Со временем сложилась правовая база, регламентирующая их проживание на данной территории, – т.н. “сибирское законодательство о евреях”, отличавшееся запутанностью и противоречивостью. В целом оно крайне ограничивало въезд евреев в Сибирь и одновременно предоставляло тем из них, кто проживал здесь на законных основаниях, определенные экономические возможности, значительно более широкие, чем в черте оседлости. Эти возможности делали регион весьма привлекательным в глазах страдавших от нищеты и скученности евреев местечек Юго-Запада России. Этому способствовало также отсутствие в крае бытового антисемитизма. Местному населению в целом была присуща национальная и религиозная терпимость. Объяснялось это особенностями экономической, социальной и демографической ситуации в регионе, формировавшими у дальневосточников иные психологические установки и поведенческие стереотипы по сравнению с жителями Европейской России.

Отсутствие антисемитизма на уровне массового бытового сознания обуславливалось также социальным и культурно-психологическим статусом местного еврейства. Оно, как правило, не имело в глазах земляков образа “чужака” (нередко порождающего враждебность на уровне подсознания), как это было на Юге и Юго-Западе России, где евреи проживали традицион-

но и достаточно обособленно. По внешнему виду, образу жизни, социальному составу и положению евреи, проживавшие на Дальнем Востоке, в массе своей мало отличались от земляков.

В то время, как отношение местного населения характеризовалось национальной и религиозной терпимостью, представителей властных структур всех уровней отличала, как правило, достаточно жесткая антиеврейская позиция. В значительной степени она обуславливалась должностными обязанностями государственных служащих в той конкретно-исторической ситуации. Однако, на взгляд автора, антисемитизм чиновничества объяснялся и тем обстоятельством, что оно в массе своей прибывало в край из европейской части страны и, следовательно, имело во многом отличные от дальневосточников черты ментальности, что также налагало отпечаток на его взгляды на “еврейский вопрос”.

Политика администрации Приамурского генерал-губернаторства в отношении еврейского населения края определялась общим характером государственной политики в конкретный период, особенностями ее “еврейского” направления в общероссийском масштабе, а также состоянием “сибирского” законодательства о евреях. Наряду с этим она исходила из того понимания интересов края, которое было присуще конкретному генерал-губернатору, а также администраторам рангом ниже. Несовершенство законодательства позволяло интерпретировать его конкретные положения по усмотрению чиновников. Наряду с общегосударственными установками, личными взглядами и убеждениями значительное воздействие на их позицию оказывали местные, региональные факторы. Главными из них были приграничный статус подведомственной территории и сложность общей геополитической ситуации в регионе в конце XIX – начале XX вв. Это, по мнению автора, обуславливало более жесткую политику местной администрации в “еврейском вопросе”, чем это имело место в других регионах Востока страны.

Евреи, традиционно имевшие в глазах российских властей репутацию контрабандистов и “врагов Отечества”, рассматривались местной администрацией как

неблагонадежная в своей массе и потому нежелательная для края категория населения. Кроме того, следует иметь в виду актуальность стоявших перед властными структурами задачи утверждения на российском Дальнем Востоке "русского труда" в условиях экспансии "желтого труда". В борьбе за ее решение чиновничество, проявляя усердие, нередко выходило за рамки официальных установок, определявших "русский труд" как труд российских подданных, а не только этнических русских. Подозрительность российской власти в отношении еврейства Дальнего Востока усиливали и постоянные попытки ведущих западных держав в конце XIX – начале XX вв. утвердить свое экономическое и политическое влияние в регионе. Вынужденная прибегать к привлечению в край иностранного капитала власть постоянно опасалась усиления экономической экспансии со стороны западных государств. Имея в виду, а чаще преувеличивая, присущую евреям корпоративность, общинность, она видела в них потенциальных "агентов влияния" этих стран.

В наиболее концентрированном виде такой подход местной власти к "еврейскому вопросу" на Дальнем Востоке существовал при Приамурском генерал-губернаторе Н.Л. Гондатти, создавшем для еврейского населения самые жесткие условия жизни за всю историю края.

Однако проведенное исследование подтверждает утвердившийся в исторической литературе вывод о том, что на практике для евреев существовали более широкие возможности, нежели позволяли официальные установления. По меткому замечанию Ю. Гессена, закон боролся с жизнью, а жизнь боролась с законом. Это целиком относится и к проживанию евреев на территории Приамурского генерал-губернаторства. Во-первых, местной администрации нередко приходилось считаться с конкретной ситуацией и делать из общих правил исключения, исходя из экономических интересов края. Во-вторых, зачастую она была объективно не в состоянии обеспечить абсолютного соблюдения весьма запущанного российского законодательства и собственных постановлений о евреях в условиях слабой заселенности региона и недостатка кадров в полицейском ведом-

стве. В-третьих, на огромной территории Сибири сложилась, по свидетельствам современников, целая система чиновничьих поборов с еврейского населения. При помощи взятки для многих евреев существовала реальная возможность узаконить свое пребывание на данной территории, чем они, несомненно, пользовались.

В начале XX в. евреи, при всей их немногочисленности, стали играть заметную роль в жизни края, прочно занимая определенные экономические ниши. Начав с традиционных для всех "торговых меньшинств" видов деятельности, со временем наиболее удачливые из них стали успешно заниматься лесной и деревообрабатывающей промышленностью, золотодобычей, рыбным промыслом. Однако их успешное предпринимательство осуществлялось, как правило, не благодаря политике местной власти, а в известной степени вопреки ей.

По мнению автора, политика ограничения еврейского присутствия в известной степени тормозила экономическое развитие края. В условиях постоянной нехватки финансовых и людских ресурсов привлечение евреев, использование их предприимчивости и адаптивности в различных экономических и культурно-бытовых средах пошло бы ему только на пользу. Российские евреи реально могли внести более весомый вклад в хозяйственное освоение Дальнего Востока. Задавленные жесточайшей конкуренцией в перенаселенных местечках черты оседлости, страдая от бесправия и антисемитизма, они готовы были терпеть лишения и трудности, связанные с освоением новых территорий и жизнью в непривычно суровых климатических условиях. Значительные экономические возможности региона, слабая хозяйственная конкуренция, а также отсутствие бытового антисемитизма — все это привлекало наиболее предприимчивую и мобильную часть еврейства, готовую к экономическому риску и способную к сравнительно быстрой социальной адаптации. Дискриминационная политика властных структур как государственного, так и местного уровней в отношении евреев определенно снижала потенциал края. На взгляд автора, она не отвечала как внешне-, так и внутривнутриполитическим интересам России в целом. Во-первых, потому, что слабое хозяй-

ственное освоение дальневосточной окраины, в конечном счете, негативно отразилось на положении еврейства в регионе. А во второй половине XIX — начале XX в. еврейского населения на Восток страны помогла бы известная степень остроты ситуации в черте оседлости, что в немалой степени обуславливало революционизм еврейской молодежи.

Февральская революция 1917 года, отменившая все национальные и вероисповедальные ограничения, внесла радикальные изменения в жизнь российского, в том числе дальневосточного еврейства, создала условия для его активной всесторонней деятельности. Общественно-политическая активность местного еврейского населения была несравнимо ниже, чем в европейской части страны, а также ряде областей Сибири. Особенности юридического и социального статуса, экономического положения и менталитета еврейства Дальнего Востока обусловили, по мнению автора, низкую степень его политизации, а тем более радикализации. Этим объясняется его слабое участие в деятельности партий, что не относится к евреям, прибывшим в край из эмиграции либо из европейской России и игравшим заметную роль среди местных большевиков, эсеров и др. Но это были люди с утраченной национальной самоидентификацией, в иерархии ценностей которых приоритетными были исключительно классовые.

Вместе с тем революционные изменения достаточно ярко показали, что, несмотря на процессы ассимиляции и аккультурации, национальное самосознание дальневосточного еврейства не было утрачено. Об этом свидетельствовала сравнительно динамичная активизация его общественно-культурной жизни.

Октябрьская революция 1917 года первоначально не отразилась на еврейской жизни восточной окраины. Новая власть, вскоре свергнутая гражданской войной и интервенцией, не успела в полной мере создать и укрепить здесь свои институты. Вот почему проводившаяся в первые послереволюционные годы в Советской России политика большевиков в отношении евреев практически никак не затронула Дальний Восток.

Анализ политики Белых режимов в отношении еврейского населения региона позволял сделать вывод, что она, как правило, не носила выраженного антиеврейского характера. Исключение составила деятельность барона Унгерна. Отстававшие с Запада страны войска несли с собой усиление настроений антисемитизма, но эти взгляды не получили массового распространения среди местного казачества и гражданского населения. Произвол и террор, чинимые многочисленными атаманами, приносили мирному населению, в том числе евреям, страдания и беды, однако они не имели национальной окраски.

На всей территории региона в годы гражданской войны продолжали функционировать еврейские общины, беспрепятственно осуществлялась религиозная деятельность, существовали культурные и просветительские организации, а в ряде случаев и еврейские политические партии. Условия для их деятельности определялись позицией конкретного правителя, финансовыми возможностями общины, наличием авторитетного лидера.

Весьма своеобразной была «еврейская» политика, проводимая Дальневосточной республикой (1920-1922 гг.). Для евреев, как и для всех национальных меньшинств, было провозглашено право на культурную автономию, создание собственных национальных институтов. Однако его реализация затруднялась ограниченными финансовыми ресурсами, сложным военно-политическим положением и очевидным временным характером этого государственного образования. Тем не менее, в структуре Министерства по национальным делам ДВР существовал еврейский отдел. Его создание, как представляется, объяснялось не актуальностью «еврейского вопроса» в регионе, а скорее копированием опыта национальной политики в Советской России, где в эти годы ему уделялось некое особое внимание.

То обстоятельство, что значительная роль в правительстве ДВР принадлежала большевикам, накладывало определенный отпечаток на характер проводимой этим ведомством работы, внося в нее дух классового подхода и межпартийной конфронтации. Вместе с тем

существование в республике демократических институтов и несоветской формы правления, закрепленных Конституцией, гарантировали возможность функционирования всех национальных, в том числе еврейских, общественных и политических структур.

В годы гражданской войны существенно снизилась численность еврейского населения региона, произошла его ротация. В условиях политической нестабильности, экономической разрухи и хаоса наиболее состоятельные евреи (и не только евреи) покинули край, перебравшись в более благополучный Харбин. Туда переехала также наиболее активная часть дальневосточного еврейства – немногочисленная интеллигенция, служители культа, деятели политических партий. Город привлекал их и тем, что здесь сложилась многочисленная и авторитетная община. В значительной степени это обуславливалось подходом российской власти к “еврейскому вопросу” на территории полосы отчуждения КВЖД. Он характеризовался известным прагматизмом, продиктованным стремлением освоить данную территорию в максимально сжатые сроки в условиях сложности геополитической ситуации в регионе. Это требовало создания в районе колонизации атмосферы высокой деловой активности, не стесненной сословными, национальными, религиозными и иными рамками.

Исследование государственной и местной политики в отношении евреев, проживавших в Харбине, их значительной экономической роли в жизни города позволяет сделать вывод о том, что при условии отказа российской дореволюционной власти от антисемитских политических стереотипов вклад еврейского населения в освоение восточной окраины России мог быть значительно более весомым.

Победившая в результате гражданской войны советская власть на Дальнем Востоке положила конец деятельности всех национальных демократических институтов, в том числе еврейских. В 1920-х гг. в крае, как и повсюду в стране, упразднялись национальные общины, закрывались еврейские школы, запрещались политические партии. Этот процесс не имел этнической “окраски”, он происходил в рамках осуществлявшегося в стране советского строительства.

При этом следует отметить, что никакой специфической конструктивной программы в отношении еврейского населения региона до конца 20-х гг. у местной власти не было. По существу имел место процесс разрушения традиционных еврейских институтов. Евреи, как и многие другие национальные меньшинства края за исключением “туземцев и восточных рабочих”, не являлись объектом самостоятельной национальной политики. В структуре органов власти различных уровней отсутствовали органы, которые могли учитывать и выражать их этно-культурные интересы.

Ситуация несколько изменилась с принятием в 1928 г. руководством СССР решения о выделении Биробиджанского района для еврейской колонизации. Оно, как представляется, было призвано решить три важнейшие общегосударственные задачи. Во-первых, улучшить демографическую ситуацию на малонаселенном Дальнем Востоке в условиях слабой укрепленности границ и стихийной миграции из соседнего Китая. Во-вторых, силами еврейских переселенцев при финансовой поддержке зарубежной диаспоры интенсифицировать хозяйственное освоение пограничного края в условиях сложной геополитической ситуации в регионе. В-третьих, ослабить остроту проблемы бедственного экономического положения основной массы еврейского населения бывшей черты оседлости.

Принятое в Москве решение было недостаточно проработанным, и к его реализации местные органы оказались слабо подготовлены. Кроме того, в рассматриваемый период оно еще практически не отражалось на существе проводимой в крае национальной политики.

Таким образом, можно утверждать, что в течение первого десятилетия после восстановления в 1922 году советской власти на Дальнем Востоке специфической политики в отношении местного еврейского населения не осуществлялось. Новый, советский этап местной “еврейской” истории начинается в 30-х гг., что связано с конкретизацией планов создания национально-государственной автономии в регионе и кампанией массового переселения евреев на Дальний Восток. Но это уже другая, совершенно самостоятельная история.

Содержание

Введение	3
ГЛАВА I. Политика Российского самодержавия в отношении евреев Сибири и Дальнего Востока	19
I. Источники формирования и правовой статус сибирских евреев в XIX в.	19
II. Положение евреев в Приамурском генерал- губернаторстве в 1884 – 1911 гг.	45
III. «Еврейская» политика Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти (1911 – февраль 1917 гг.)	81
ГЛАВА II. Евреи и власть в условиях революций и гражданской войны на Дальнем Востоке	123
I. Воздействие революционных перемен и начала гражданской войны в России на деятельность еврейских общин региона	123
II. Взаимоотношения еврейского населения и властных структур в условиях гражданской войны на Дальнем Востоке	146
ГЛАВА III. Особенности формирования и деятельности еврейской общины г. Харбина	192
ГЛАВА IV. Евреи в национальной политике советской власти на Дальнем Востоке в 1920-е гг. Разработка плана создания в регионе еврейской автономии	237
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	280

Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока
Выпуск седьмой

Романова Виктория Валентиновна

**Власть и евреи на Дальнем Востоке России:
история взаимоотношений**
(вторая половина XIX в. — 20-е годы XX в.)

Подписано в печать 04.05.01. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.

Усл.печ. л. 15,4. Уч.-изд.л. 15,1.

Тираж 300 экз. Заказ № 3682.

Отпечатано

Обществом «**КАРЕТИАНУМ**».

Полиграфическая лицензия ПЛД № 48-65 от 22.02.99.

Издательская лицензия ИД № 03335 от 20.11.00.

660049, г. Красноярск, ул. Парижской Коммуны, 33, оф. 800.

Телефоны: (3912) 27-94-00, 27-88 48

e-mail: claret@krsn.ru